

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II Всероссийской конференции
(Москва, 20–21 ноября 2008)

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
Министерство культуры Российской Федерации
Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы II Всероссийской конференции
(Москва, 20–21 ноября 2008)

**Москва
2009**

УДК 028(082)
ББК 78.303я431
Н35

Издание подготовлено Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества (МЦБС) при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры Российской Федерации

Н35

Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской конференции (Москва, 20–21 ноября 2008) / Сост. Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. – 280 с.

В сборнике представлены стенограмма и итоговый документ II Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы», состоявшейся 20–21 ноября 2008 года в Москве.

УДК 028(082)
ББК 78.303я431

ISBN 978-5-91515-030-9

© Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Участники обсуждения (в порядке выступлений)	9
Стенограмма конференции	13
Секция «Библиотеки и образование»	13
Секция «Книгоиздание и книжная торговля»	73
Секция «СМИ и пропаганда чтения»	127
Лекция «Развитие читателя в Великобритании» (Т. Палмер).....	178
Пленарное заседание	191
Итоговый документ (резолуция)	276

Предисловие

Впервые на высоком политическом уровне проблемы чтения в контексте Национальной программы поддержки и развития чтения обсуждались на Всероссийской конференции, которая прошла 20 ноября 2007 года в Москве в Президент-Отеле. Были подведены первые итоги, проанализированы результаты и проблемы начального этапа реализации Национальной программы.

Площадкой для дальнейшего рассмотрения широкого спектра вопросов, связанных с формированием национальной и региональной политики в данной сфере, стала II Всероссийская конференция «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы», которая состоялась в Президент-Отеле 19–20 ноября 2008 года. Организаторами форума вновь выступили Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Министерство культуры Российской Федерации и Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества.

К участию в конференции были приглашены руководители и представители федеральных министерств и ведомств, субъектов Российской Федерации, ведущих общероссийских СМИ, учреждений культуры, образования, науки, издательств, организаций книжной торговли, писатели и журналисты. За два дня работы конференции в ней приняли участие около 300 человек.

Почетными гостями мероприятия стали избранный президент Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) Элен Тайс и один из ведущих зарубежных специалистов в области развития чтения, британский писатель Том Палмер.

На конференции обсуждались работа по реализации текущего этапа Национальной программы поддержки и развития чтения, концептуальные основы, проблемы и перспективы развития этой деятельности, результаты проведенного по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям комплексного социологического исследования «Чтение в России–2008».

В первый день в конференции участвовали преимущественно эксперты, те, кто непосредственно занимается или мог бы заниматься проблемами чтения на практическом уровне. Были организованы три секции, отражающие основные направления Национальной программы поддержки и развития чтения:

- «Библиотеки и образование»;
- «Книгоиздание и книжная торговля»;
- «СМИ и пропаганда чтения».

Участники обсуждали существующие возможности организации работы по продвижению чтения в своих профессиональных сферах, необходимые для этого условия, дальнейшие перспективы деятельности по продвижению чтения.

В конце первого дня состоялась специальная лекция Тома Палмера на тему «Развитие читателя в Великобритании».

Второй день конференции прошел в форме пленарных заседаний. К представителям экспертного сообщества присоединились политические и общественные деятели, ученые, представители сферы культуры, образования, СМИ и бизнеса, от которых во многом зависят продвижение Национальной программы, политическая и финансовая поддержка усилий по ее реализации.

Утреннее пленарное заседание второго дня вел Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. Сеславинский. На заседании выступила помощник Президента Российской Федерации Д. Р. Полыева. Был заслушан доклад «Итоги всероссийского социологического исследования “Чтение в России–2008”», с которым выступила главный научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады Н. А. Зоркая.

Обзорные доклады на дневном и вечернем пленарных заседаниях сделали:

- избранный президент Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор библиотеки Кейптаунского университета Элен Тайс (ЮАР);

- писатель Том Палмер (Великобритания);
- заместитель директора Департамента культурного наследия – начальник отдела библиотек и архивов Министерства культуры Российской Федерации Т. Л. Манилова;
- начальник отдела книжных выставок и пропаганды чтения Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Н. Воропаев;
- заместитель директора Российской государственной детской библиотеки Е. В. Куликова;
- директор Института культурной антропологии Государственной академии славянской культуры Э. А. Орлова;
- руководитель Центра чтения Челябинской государственной академии культуры и искусств В. Я. Аскарова;
- главный редактор газеты «Литература» С. В. Волков.

Модераторы секций доложили об основных результатах обсуждений актуальных проблем в сфере поддержки и развития чтения, состоявшихся во время работы секций в первый день конференции.

Заключительная часть заседания была посвящена дискуссии по проекту итогового документа, в ходе которой были сделаны следующие основные выводы.

Национальная программа поддержки и развития чтения, явившись важным шагом на пути осмысления причин кризиса чтения и поиска возможностей выхода из него, пока еще не стала мощным и эффективным инструментом поддержки чтения.

Деятельность по продвижению чтения нуждается в более широкой, нежели сейчас, политической, общественной и информационной поддержке, в адекватном финансировании и современном методологическом и научно-методическом сопровождении, требует повышения квалификации работников

всех институтов инфраструктуры поддержки и развития чтения – библиотек, образовательных учреждений, организаций книжной торговли, издательств и СМИ.

В массовом порядке эффективную работу по продвижению чтения, формированию необходимого уровня читательской компетентности населения могут осуществлять только высококвалифицированные специалисты. Их нужно целенаправленно готовить – прежде всего на факультетах библиотечного дела и журналистики, в педагогических вузах.

Вопросам чтения должно уделяться особое внимание в культурной и образовательной политике. Необходимо признание важности Национальной программы поддержки и развития чтения на уровне не только отдельных федеральных ведомств, но и руководства страны в целом, региональных администраций; придание ей статуса государственной.

Для обеспечения успешной работы по продвижению чтения как важнейшего способа освоения знаний, механизма поддержания и развития родного языка необходимо организовывать и всемерно развивать конструктивное взаимодействие всех участников этого набирающего силу процесса на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, выявлять и распространять передовой опыт в данной области.

Необходима обширная, комплексная, финансово обеспеченная система мер поддержки чтения, русского языка, современной художественной, научной и научно-популярной литературы. Эти меры должны закрепляться в специальных политических документах и программах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, реализовываться государственными и негосударственными институтами.

Поддержка и развитие чтения – это важнейшая общенациональная задача, которая должна стать новым ответственным направлением национальной политики не только в области культуры, но и в сфере образования и массовых коммуникаций.

Конференция обратилась к Министерству культуры Российской Федерации и Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям с просьбой активизировать усилия по реализации Национальной программы, предпринимаемые ими в инициативном порядке, и настойчиво призвала Министерство образования и науки Российской Федерации, органы власти субъектов Российской Федерации, общественные и творческие организации, бизнес-структуры включиться в реализацию Национальной программы поддержки и развития чтения, разработать и принять собственные программы в этой сфере с учетом региональной или отраслевой специфики.

В преддверии III Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения» мы публикуем материалы конференции 2008 года и надеемся, что они не только окажутся полезными для тех, кто уже принимает участие в деятельности по поддержке чтения и продвижению Национальной программы, но и смогут привлечь внимание массовой аудитории к этой теме.

Е. И. Кузьмин,
президент Межрегионального центра
библиотечного сотрудничества,
председатель Российского комитета
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»

Участники (в алфавитном порядке)

Алексеева С. В., заместитель директора Национальной библиотеки Республики Карелия

Андреев М. А., министр культуры Калининградской области

Архангельский А. Н., руководитель программ телеканала «Культура»

Аскарова В. Я., руководитель Центра чтения Челябинской государственной академии культуры и искусств

Бородина О. И., вице-президент Российского книжного союза, директор Гуманитарного издательского центра «Владос»

Бубнов В. В., директор Орловской областной публичной библиотеки им. И. А. Бунина

Волков С. В., главный редактор газеты «Литература» издательского дома «Первое сентября»

Воропаев А. Н., начальник отдела книжных ярмарок и пропаганды чтения Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Громова О. К., главный редактор газеты «Библиотека в школе»

Дашкевич А. С., заместитель коммерческого директора ООО «Издательский Дом ИНФРА-М»

Дзялошинский И. М., профессор кафедры публичной политики Государственного университета – Высшей школы экономики

Дубин Б. В., руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады

Жилавская И. В., президент Сибирской ассоциации медиаобразования

Зоркая Н. А., главный научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады

Ильина В. В., директор Библиотеки истории русской философии и культуры им. А. Ф. Лосева

Илюхин В. Е., коммерческий директор ООО «Издательский Дом ИНФРА-М»

Канушина Л. А., директор Саратовской областной универсальной научной библиотеки

Кубышкина О. П., директор Московской областной государственной детской библиотеки

Кузнецова Т. Я., заведующая кафедрой библиотековедения и информатики Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма

Кузьмин Е. И., президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества, председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»

Куйбышев Л. А., директор Центра по проблемам информатизации сферы культуры Министерства культуры Российской Федерации

Куликова Е. В., заместитель директора Российской государственной детской библиотеки

Ленский Б. В., заведующий кафедрой книжного бизнеса Московского государственного университета печати

Лисицкий А. В., координатор программы «Чтение» Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека»

Литвинец Н. С., исполнительный вице-президент Российского книжного союза

Малолетнева И. В., сотрудник Регионального общественного фонда «Центр развития русского языка»

Манилова Т. Л., заместитель начальника Департамента культурного наследия – начальник отдела библиотек и архивов Министерства культуры Российской Федерации

Маркарова Т. С., директор Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского

Мелентьева Ю. П., заведующая отделом читателеведения и культуры чтения Научного центра исследований истории книжной культуры НПО «Издательство “Наука”»

Митина В. И., главный специалист Департамента образования г. Москвы

Михайлова Н. И., генеральный директор Объединенного центра «Московской дом книги»

Мяэотс О. Н., заведующая детской секцией Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино

Орлова Э. А., директор Института культурной антропологии Государственной академии славянской культуры

Палмер Т., писатель, консультант по вопросам развития читателя (Великобритания)

Пастернак Б. Н., генеральный директор издательства «Время»

Поздняков В. Г., директор Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки

Полыева Д. Р., помощник Президента Российской Федерации

Попов Г. А., заместитель генерального директора издательства «АСТ»

Сапожников Ю. Н., советник Ассоциации книгораспространителей независимых государств

Сеславинский М. В., *руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

Сомова Н. А., *начальник Управления культуры Брянской области*

Стельмах В. Д., *эксперт Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека»*

Сухоруков К. М., *заведующий научно-исследовательским отделом государственной библиографии Российской книжной палаты*

Тайс Э., *избранный президент ИФЛА, директор библиотек Университета г. Дурбана (ЮАР)*

Трохова В. В., *заведующая отделом общего обслуживания Смоленской областной универсальной научной библиотеки им. А. Т. Твардовского*

Федоров В. В., *генеральный директор Российской государственной библиотеки*

Шамикова Л. Г., *главный редактор журнала «Персона»*

СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

20 ноября

Секция «Библиотеки и образование»

Часть I

Т. Л. Манилова

Дорогие коллеги, доброе утро. Я рада приветствовать всех на конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы». У нас есть для вас подарок: наш дорогой гость, Элен Тайс, вновь избранный президент ИФЛА.

Э. Тайс

Доброе утро, коллеги. Я Элен Тайс, новый избранный президент ИФЛА. Я так взволнована и рада, что приехала в Москву и сегодня встретила с вами. Я хочу поблагодарить Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества за приглашение на эту конференцию и надеюсь, что в течение двух дней ознакомлюсь с вашим опытом и смогу рассказать о нем в других странах. Завтра у меня будет возможность выступить со специальным докладом, а сейчас я хочу воспользоваться возможностью, чтобы передать вам приветствие от лица библиотекарей всего мира, от лица ИФЛА и еще раз подчеркнуть, что мы солидарны с вами и всегда будем работать вместе. Не хочу больше занимать ваше время. Спасибо еще раз.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Элен.

У нас с вами сегодня рабочий день, вы все видели программу, вы видели те вопросы, которые перед нами ставят организаторы

конференции, и я вас очень прошу в своих выступлениях стараться сконцентрироваться на ответах на них. И второе. Вы видели, что у вас в папках есть итоговый документ конференции. Предлагаю посмотреть его, изучить (может быть, не сейчас, а в перерыве) и, если у вас будут какие-то замечания, дополнения, предложения, изменения, сказать об этом. Я думаю, что мы должны выйти с нашего заседания с некими сформулированными мыслями о том, как необходимо развиваться в будущем. Мне кажется, нужно проанализировать, что мы делаем, чего мы не доделываем, хотя могли бы, и что мы делать не можем.

Я приглашаю вас к выступлениям. Виктор Васильевич, могу я Вас попросить начать как представителя главной библиотеки страны?

В. В. Федоров

Вообще-то я собирался выступать завтра, но с учетом тематики нашей секции хочется поделиться некими мыслями, которые, с моей точки зрения, сейчас достаточно актуальны и требуют разрешения в определенной плоскости. У нас секция называется «Библиотеки и образование», и я, естественно, буду говорить о библиотеках. Мы привычно относим себя к учреждениям культуры и, соответственно, к Министерству культуры. Но современный этап развития чрезвычайно важен в том смысле, что библиотеки (прежде всего крупные библиотеки), помимо выполнения традиционной функции охраны культурного наследия, становятся источниками, хранителями и распространителями современных знаний. И эта проблема, мне кажется, чрезвычайно актуальна. Раздвигаются границы отрасли, раздвигаются границы традиционного понимания. Наряду с такими конкретными практическими вопросами, которые стоят перед библиотеками, как собирание и сохранение культурного наследия, постоянной проблемой для нас является предоставление нашим читателям, пользователям, современного знания. Именно здесь происходит стыковка сферы культуры и сферы образования.

Наверное, философы, культурологи могут дать различные определения тому, что такое культура. В конечном итоге при широкой трактовке термина культура, образование входит в культуру. Применительно к нам это чрезвычайно важно. Здесь мы встречаемся со большим количеством проблем. Скажем, что такое наша электронная библиотека диссертаций? Это ресурс, который направлен прежде всего на развитие науки и образования, но он сформирован в библиотеке – учреждении культуры. Возьмем такой простой, но злободневный вопрос: кто должен финансировать этот проект? Министерство культуры? Строго говоря, Министерство культуры может сказать, что это не его сфера, ведь ресурс научный, он важен для аспирантов, докторантов, важен для вузов и т.д. Но может ли Министерство науки и образования финансировать этот проект? Теоретически да, но практически, когда и в своем ведомстве денег не хватает, это, естественно, очень трудно представить.

Мы обсуждаем проблему чтения, а что значит чтение? Это не просто процесс «общения» читателя с книгой или читателя с монитором компьютера и т.д. Это получение знаний, точнее, информации, которая потом переходит в знания и – в конечном итоге – в какие-то убеждения человека. Данная проблема чрезвычайно широка и разнообразна и в плане конкретных практических вопросов, и в плане, скажем, более глубоких философских обобщений. Это надо понимать.

Стало привычным говорить о том, что мы сейчас находимся в достаточно критическом положении: интерес к книге падает, интерес к чтению падает, нужно срочно принимать меры и развивать чтение как государственными силами, так и силами различных общественных организаций. Задача, конечно, абсолютно правильная, но, мне кажется, здесь несколько смещены акценты. На мой взгляд, нельзя жаловаться, что в результате невнимания к этой проблеме, в результате недофинансирования или чего-то еще у нас произошел упадок интереса к чтению и мы сейчас срочно ищем выход из этой ситуации. Такая трактовка, такая исходная позиция не совсем

верна. Во всем мире существуют объективные процессы: с развитием новых информационных технологий, с развитием Интернета происходят какие-то достаточно плавные изменения, в том числе и в сфере чтения. И к этому нужно относиться как к естественному ходу событий. А мы, библиотеки, связанные с письменным словом, с печатным словом, теперь уже и с цифровым словом, что называется, просто из эгоистических интересов заинтересованы в том, чтобы к нам по-прежнему ходил читатель. Даже в целях сохранения библиотеки как института, потому что в отдельных ситуациях библиотеки могут превратиться в некие информационные центры, потеряв свою яркую индивидуальность. Это, как мне кажется, чрезвычайно важно понимать для решения проблемы. Естественно, определяющим фактором здесь является отношение государства, различных общественных организаций да и самих граждан к вопросу о том, прилично ли быть человеком, который в жизни не прочитал ни одной книжки. И в этом контексте все усилия общественности должны быть сконцентрированы и организованы воедино.

Мне хочется поделиться еще одной мыслью: как ни парадоксально это звучит, в определенном смысле библиотеки и издатели находятся в противоречии друг с другом с точки зрения той же проблемы чтения. Что я имею в виду? Нарисуем идеальную (а значит, как всегда, нереальную) картину. Предположим, что все работает безупречно, нет проблем с комплектованием и в любой детской или сельской библиотеке можно найти почти любое название из тех, что интересует читателя именно этой библиотеки. Но тогда у читателя снижается интерес к тому, чтобы купить эту книгу. Зачем ему покупать, если эта книга есть в библиотеке, которую он регулярно посещает? Все равно ведь невозможно купить все книги. Правильно? Я еще раз подчеркиваю, что рисую крайность, которая далека от реальной жизни. Другая крайность: библиотеки работают из рук вон плохо, у них нет денег на комплектование, то же книгораспространение сконцентрировано только в крупных городах и до библиотек не доходит. Тогда человек, приходя в свою районную библиотеку,

видит, что там нет книги, о которой он слышал и которую хотел почитать. Что он вынужден делать? Он вынужден эту книгу покупать. А интерес к библиотеке он теряет. Теперь вопрос: как же нам договориться с книгоиздателем? Даже при наличии 130 тысяч библиотек в стране тиражи книг составляют 5–7 тыс. В идеале, если большинство библиотек покупает книги, то тираж может быть, конечно, не 130 тыс., но 50–60 тыс. И продажа книги библиотекам может позволить книгоиздателю удовлетворить его экономический голод. Однако мы пока до этого не дошли. Мне кажется, это очень серьезное направление, которое на данном этапе требует некоего осмысления.

В теме нашей секции «Библиотеки и образование» много различных аспектов, если мы рассматриваем образование не просто в узкопрофессиональном смысле. 200–300 названий книг – тот минимум, который любой человек должен прочитать, чтобы иметь представление об истории своей страны, о том, что творится в мире, чтобы быть в достаточной мере художественно образованным и т.д. Мы пережили тот момент, когда главным сдерживающим фактором являлись финансовые проблемы, и подошли к тому этапу развития, когда нас начинает сдерживать ряд других факторов. Сейчас практически нет проблемы в том, чтобы любая научная или образовательная литература была доставлена в любой вуз, в колледж или гимназию с помощью Интернета, с помощью современных информационных технологий. Технической проблемы нет, и даже финансовые затраты не так велики. Но мощным барьером у нас на пути встала правовая проблема. 4-я часть Гражданского кодекса нам ставит барьер – необходимо заключать договор с автором. Что это означает? Это означает, что мы должны брать на себя функции, которые нам не свойственны, и решать совершенно неподъемную для нас задачу. У нас в стране издается, скажем, около 110 тыс. названий книг – даже если исключить художественную литературу, если исключить переиздания, остается огромный массив литературы, и заключать договоры с авторами абсолютно нереально. Эта проблема требует решения.

Кроме того, издается огромное количество так называемой «серой» литературы. Ученые записки какого-нибудь провинциального вуза несут в себе серьезнейший массив научной информации, который интересен исследователям этого же профиля, находящимся в других точках нашей страны. Но записки эти издаются мизерным тиражом в 300 экземпляров, аккумулируются только в одном конкретном регионе. Получается, что библиотеки, имеющие технологическую возможность сконцентрировать, организовать и распространить образовательный или научный ресурс по всей стране, не могут этого сделать в силу других проблем – правовых. Решая вопрос о том, как библиотеки могут быть востребованы образованием, наукой, да и просто нашими читателями, надо, мне кажется, концентрировать усилия, для того чтобы решить эту проблему. Важно использовать богатейший опыт зарубежных библиотек, опыт Евросоюза, опыт отдельных стран, где библиотеки имеют возможность работать с материалами в научных и образовательных целях, не договариваясь с авторами. На мой взгляд, это главная, магистральная проблема, над которой нам придется биться в ближайшее время. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Виктор Васильевич, Вы замечательно справились. Вы столько оригинальных мыслей высказали, мне кажется, вокруг них тоже может разворачиваться наша дискуссия. Я только хотела бы задать Вам один вопрос, если можно. Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, что должна делать национальная библиотека, самая главная библиотека страны (у нас их две, как известно) с точки зрения реализации тех идей, которые заложены в Национальной программе поддержки и развития чтения. Просто предоставлять услуги или все-таки что-то еще?

В. В. Федоров

Нет. Пассивными оставаться ни в коем случае нельзя. В советские времена наша библиотека достаточно интенсивно занималась собственным изучением проблем чтения: изучением читательских интересов и т.д. Сейчас, к сожалению, эта деятельность у нас резко ослабла, хотя появились новые общественные организации, которые занимаются этой темой (тот же Фонд «Пушкинская библиотека»). Исследования надо возобновлять, искать какие-то новые формы, используя весь имеющийся опыт. Собственно говоря, библиотека может помочь ответить на извечный вопрос: как должна действовать культура? Должна ли она идти на поводу у восприятия своих читателей, слушателей, зрителей и т.д.? Если сейчас успехом пользуются, условно говоря, слезливые мелодрамы, то, может, давайте мы тогда будем печатать романы-мелодрамы, сериалы снимать на эту тему? Или все-таки культура должна повышать уровень, формировать некие ценности и подсказывать читателю, слушателю, зрителю? Для того чтобы ответить на этот вопрос уже в фактической плоскости, необходимо проанализировать, как у нас сейчас складывается книжный рынок.

Если вы обратили внимание, Радзинский выпустил серию биографических изданий – известную, нашумевшую. Как я недавно узнал, у издателей есть такое понятие, как «сесть на шлейф» или «сесть на хвост». И сейчас уже появилось несколько авторов, которые «сели на шлейф» и тоже печатают такие биографии, потому что покупатель заинтересовался подобными изданиями. Это яркий пример того, как книгоиздание идет на поводу у читательских вкусов. Но с точки зрения тематической, содержательной, есть огромное количество ниш, которые книгоиздателями не закрыты. Кто им должен подсказать? В конечном итоге библиотека – это единственный организованный посредник между читателем и издателем. Библиотека может четко представлять интересы читателя и в то же время корректировать эти интересы для издателей. Если, допустим, у

нас идет искажение в исторической литературе, можно каким-то образом привлечь более квалифицированных авторов – не директивно, скажем, а в творческих спорах. Национальная библиотека должна продолжать выполнять свою традиционную функцию – консолидировать в меру возможностей тот опыт, который сложился в России, и выдавать некие рекомендации. Не директивы, а рекомендации, которые могли бы послужить подспорьем в тех же региональных библиотеках, библиотеках субъектов федерации, транслирующих их уже на библиотеки нижестоящих уровней.

Т. Л. Манилова

Спасибо Вам большое, Виктор Васильевич. Кто следующий?

О. П. Кубышкина

Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я бы хотела высказать несколько соображений в русле сегодняшнего круглого стола. В то время, когда в стране витала идея создания общенациональной программы чтения, многие регионы уже начали проводить какие-то интересные мероприятия. К сожалению, Подмосковье не было тем регионом, которое в этом вопросе находилось в числе лидеров. Но в середине 2006 г. руководство Министерства культуры, администрация области приняли очень серьезные меры для того, чтобы эта ситуация коренным образом изменилась. Я была специально приглашена в это время на работу в библиотеку. Пришла со своей командой, и мы, проанализировав вместе с нашим Министерством культуры сложившуюся ситуацию, предложили, свое видение того, как можно из нее выйти, свою программу.

Подмосковье – самый крупный регион страны, с миллионным населением, у нас почти 1400 государственных библиотек. Наша библиотека – это областной методический и координа-

ционный центр, поэтому от того, какую политику мы предлагаем, как мы организуем работу специалистов, зависит очень многое. Перед нами стояло несколько конкретных задач. Первая – это, безусловно, повышение статуса библиотеки в обществе в целом. Вторая – это те новые формы работы, которые позволили бы продвинуть чтение. Две эти задачи невозможно решить без самого главного – без подготовки специалистов, которые могли бы это все реализовать. Я не буду особенно вдаваться в подробности, хочу только сказать, что на общем фоне падения числа читателей в библиотеках, и в детских в том числе, в Подмосковье в 2007 г. наблюдался очень серьезный рост читателей. На наш взгляд, это произошло как раз потому, что мы стали реализовывать в области программу продвижения чтения при мощной финансовой поддержке нашего Министерства культуры. Нам удалось запустить несколько трудных проектов, которые имеют долгосрочный характер. Это «Детский библиобус», это «Неделя европейских стран в детских библиотеках Подмосковья», совместный проект «Детскую книгу – в села Подмосковья», который мы делаем с крупнейшими издательствами России. Сегодня уже получены достаточно устойчивые результаты, и, соответственно, возникло еще очень много подпроектов, которые позволили активизировать чтение в Подмосковье. Самый главный результат, которого удалось за это время достичь, – это, безусловно, реализация того самого принципа социального партнерства.

Ситуация сегодня такова: детская библиотека в любом отдаленном районе (это может быть 180 км от Москвы, у нас область огромная) находится в центре внимания, и все вертится вокруг нее. Глава района считает за честь прийти на областное мероприятие, которое мы проводим с какой-то местной библиотекой.

Вместе с тем выявилось несколько проблем, которые, на мой взгляд, имеют непосредственное отношение к теме нашей встречи. Виктор Васильевич в своем выступлении затронул вопрос взаимодействия издателей и библиотек. Это серьезная проблема. А что делать тем районам, где сегодня просто нет

книжных магазинов вообще? Там дети просто книг толком не видели, они о них только слышали. Представьте: Интернета нет, компьютеров нет, книжных магазинов нет, библиотеки не пополняются фондами, а мы говорим о продвижении чтения, о том, что хотим внедрять какие-то новые формы, хотим воспитать поколение и т.д. Министерство культуры как раз сделало в этом году первый шаг, выделены федеральные субсидии на комплектование библиотеки. Татьяна Львовна, я хочу Вас поблагодарить, потому что при тех небольших деньгах, которые получают библиотеки, субсидии – это пусть небольшой, первый, но шаг, который позволяет нашим библиотекам откомплектовать фонды какими-то сериями книг по определенной тематике.

Я думаю, если мы говорим о продвижении чтения, то одна из главнейших задач, которая должна рассматриваться на государственном уровне, – это обеспечение книжными магазинами наших регионов, отдаленных сел. Да, надо перенимать лучший европейский опыт. Это все замечательно, но мы-то с вами знаем европейские стандарты: 10–12 тыс. населения – книжный магазин. А какая у нас в этом плане ситуация? Об этом нам необходимо серьезно задуматься.

Второй вопрос. Я не случайно начала свое выступление с того, что кратко сказала о тех проектах, которые сегодня реализуются в Подмосковье. В чем прелесть этих проектов? При сложной финансовой ситуации мы абсолютно прозрачны, мы очень активно работаем с так называемыми спонсорами, но ни одной копейки не берем в библиотеку на счет. И, вы знаете, это парадоксально привлекает к нам крупные бизнес-структуры. Они все приходят на наши мероприятия. Мы очень много работаем с посольствами страны, с крупнейшими корпорациями. И вот люди, уже давно забывшие о том, что кроме их собственных детей есть еще дети, у которых миллион проблем, попадают на наши мероприятия, из рук в руки передают какие-то подарки победителям тех или иных детских литературных конкурсов. Они видят, что мы, библиотеки, делаем в целом, и они становятся нашими навеки. Я уже не говорю о

том, какое количество специалистов детских библиотек Подмосковья благодаря реализации этих проектов за счет бизнес-структур побывало за границей, изучили передовой опыт. Без денег это сделать было бы очень сложно.

Наверное, наша Московская область сегодня не может быть примером с финансовой точки зрения. Наверное, ситуация у нас покрепче и регион побогаче. Все это так. Тем не менее, далеко не все наши библиотеки находятся в равных условиях. То, что у нас разработана и, надеемся, будет до конца года принята программа информатизации библиотек, – это результат труднейшей, огромной, колоссальной работы, проделанной и нашими специалистами, и Министерством культуры. Мне кажется, прелесть того, что происходит, как раз в объединении усилий. Когда областные деньги грамотно объединяются с деньгами муниципальными и все это реализуется в какое-то конкретное дело для детей – это очень и очень важно.

И последнее, что мне хотелось бы сказать. Продвижение чтения, повышение статуса библиотек невозможно без подготовки кадров. Это серьезнейшая проблема, которая должна обсуждаться. Для того чтобы осуществлять такие глобальные проекты, о которых я сегодня упомянула, нужны и соответствующие силы. Просто библиотекарь сделать этого не может – он может подготовить какую-то выставку, обзор в рамках мероприятия, но всю организационную работу должны выполнять совершенно другие специалисты. Когда мы говорим о каких-то новых формах, которые направлены на интерактивное участие детей, нужно понимать, что осуществлять это могут и должны только специально подготовленные люди. Когда мы начали эту «революцию» в библиотечном деле Подмосковья, то стали работать очень серьезно и с Фондом «Пушкинская библиотека», и со Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы, а специалисты Российской государственной библиотеки вообще постоянно участвуют в наших семинарах, повышают тем самым уровень наших подмосковных специалистов.

Я очень рада тому, что такое внимание уделяется в целом продвижению чтения, что наша конференция посвящена данным вопросам. Уважаемые коллеги, очень интересно будет услышать, какие у вас существуют проблемы и, самое главное, как они вами решаются. Спасибо большое.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Ольга Павловна. Пожалуйста, следующий.

Н. А. Сомова

Конечно, несколько непривычно, что круглый стол идет до пленарного совещания, ведь работа в условиях пленарного совещания как-то помогает сориентироваться, наметить ключевые точки выступления. Я бы начала свое выступление сегодня на круглом столе с одной ассоциации, которая, может быть, кому-то не понравится. Джон Кеннеди тяжело переживал первый полет космического корабля, управляемого советским космонавтом Юрием Гагариным. Это была для него колоссальной травмой. На следующий день он написал записку в Конгресс США с требованием срочно собрать заседание, создать рабочую группу и (как всегда это делают американцы, без научной формулировки и многосложных концептуальных подходов) дал задание: попытайтесь ответить, почему американский Джон знает математику и физику хуже, чем русский Иван. Вывод комиссии Конгресса потряс всех: нужно увеличить количество гуманитарных дисциплин в общеобразовательных школах, то есть повернуть детей к истории родной страны и чтению книг. Поэтому, если бы сегодня мне по-американски пришлось обозначить проблему, для меня проблема была бы одна: добиться того, чтобы книга, учитель и дети встретились в одном месте. Мы знаем города, в которых есть такие издатели, что ты не захочешь, но обязательно купишь их книгу. У нас есть учителя, причем учителя замечательные. Только вот второй год мы говорим о Национальной программе чтения, а встречного мотивационно обоснованного движения навстречу

ребенку и книге я не вижу. Не потому, что я хочу преувеличить вклад библиотекаря (у нас у всех есть свои корпоративные болезни), просто у меня складывается впечатление, что образование, ребенок и книга в одном месте не встречаются.

Сейчас, если мы всерьез хотим реализовать программу чтения, достичь ощутимых результатов, совершенствовать свои методы, нам надо прежде всего признать: программа чтения была нужна «уже вчера», и дай бог здоровья тем, кто ее придумал и начал реализовывать сегодня. Спасибо большое Министерству культуры Российской Федерации, от которого идут действительно большие субсидии. Мы будем молиться за ваше здоровье все вместе...

Т. Л. Манилова

За Минфин давайте.

Н. А. Сомова

Нет возражений. Хочется надеяться на Министерство финансов, а еще более – на мудрость государства, которое наконец поймет, что нельзя жить без книги. Нам бы очень хотелось верить, что заявленная Министерством культуры субсидиарная поддержка комплектованию фондов в 2010–2011 гг. в связи с кризисом не уменьшится.

Я вернусь к рассказу о том, что удалось сделать в Брянской области. Программа чтения, на мой взгляд, гениальна, потому что проста и дает самое главное – культуру народу. Чтобы мы сумели ее реализовать и сделать своих детей людьми интеллигентными, первое, что нам надо сделать, – это объединиться самим. И, на мой взгляд, сегодня в Брянской области есть модель – областная библиотека. Здесь присутствует ее директор Светлана Степановна Дедюля, которая не только увлекла за собой в бой за книгу библиотечное сообщество Брянской области, но и привлекла к этой работе театр, музей и школу искусств.

Самый отзывчивый, кто у нас есть в программе чтения, – это дети. Поэтому мы стараемся сегодня максимально вовлечь их в наши проекты, а если организуем книжную выставку или конкурс по литературным героям, то проводим их в театре юного зрителя. (Это позволяет нам попутно решать еще одну проблему, ведь и сами работники культуры стали меньше читать за последние годы.) Одна из последних удач Брянской области – то, что мы откликнулись на призыв правительства Италии, провели в области международный конкурс, посвященный 200-летию со дня рождения Гарибальди. Вы не можете себе представить, с каким результатом мы столкнулись. Наш конкурс, задуманный как областной, оказался настолько интересным, что вырос в международный проект. 80 стран мира откликнулись на брянский призыв поразмышлять на тему: «Свобода, личность, человек». А назвали конкурс очень просто: «Viva свобода!».

Сегодня мы стараемся найти новые формы пропаганды книги, не заставляя никого участвовать в наших проектах в форме долженствования. Например, детская библиотека начала работать с категорией беременных женщин. Они приходят одновременно в женскую консультацию и детскую библиотеку, потому что там бесплатно находят ту литературу, которая помогает им стать мамами. Я абсолютно убеждена, что первым учреждением культуры, куда через три года эти женщины придут, будет детская библиотека. Сегодня мы стараемся собраться с силами после сложного, почти 20-летнего периода, когда нам не давали зарплаты и денег на книги. Мы должны сами найти внутренний ресурс, и, наверное, если мы сумеем объединить всех наших партнеров внутри отраслевых ведомств, нам удастся добиться больших результатов. При этом очень хотелось бы надеяться, что все-таки Министерство культуры сможет доказать: Национальную программу нужно поддерживать на национальном уровне. Проблема чтения есть, ее надо было решать еще позавчера. Программа уже тоже есть. Мы вывели ее в центр общественного внимания. Но где реальная поддержка? Я ее не вижу ни в СМИ, ни в позиции Министерства образования. В отрасль здравоохранения и образования после объявления на-

циональных проектов пошли значительные средства. А культура? Все время говорят: пятый проект на выходе. На каком выходе? Я бы предпочла, чтобы он был на входе в 2009-й г.

У библиотек тоже достаточно проблем. В последние годы нами отмечается разрыв в эффективности работы, использовании новых форм деятельности между федеральными библиотеками, библиотеками субъектов, муниципальными и сельскими. И если за последние 8–10 лет библиотеки субъектов преобразились (по опыту работы, по мобильности, по целенаправленности), то следующее звено – библиотеки межпоселенческие и сельские – живут по существу в первой половине довоенных лет. Нам необходимо преодолеть этот разрыв и наконец добиться того, чтобы всем были предоставлены равные права в доступе к культурным ценностям и информации.

Конечно, мы все знаем: российский житель в регионе не имеет возможности приобрести те книги, которые давно и прочно лежат в Москве. Есть еще проблема корпоративного мышления библиотекаря, который не хочет работать мобильно, оперативно и четко. Но и библиотекаря можно понять, ведь со своей заработной платой (я не беру Москву и Санкт-Петербург) он находится за чертой бедности. Ну как можно вообще говорить о каких-то национальных программах, если люди, призванные сохранять и продвигать культурное наследие, получают заработную плату ниже прожиточного минимума? Пока не будут изменены внешние условия, ждать, что к школьному учителю, к сельскому учителю и сельскому ребенку библиотекарь придет продвигать книгу, нам тоже нельзя, потому что сама библиотечная среда не столь однородна и по профессиональным качествам, и по психологической готовности работать в новых усилиях.

Мы должны видеть в программе культуры те национальные проекты, которые помогают нам, и не обязательно финансово. И Национальная программа чтения в ней должна быть, потому что у нас есть кадры, у нас есть опыт, у нас есть желание работать. Давайте поддержим это. Все, спасибо большое.

Т. Л. Манилова

Спасибо. Есть вопрос? Пожалуйста.

И. В. Малолетнева

Наталья Александровна, из Вашего выступления я поняла, что Вы человек очень активный, творческий, и поэтому вопрос именно к Вам. Секция называется «Библиотеки и образование». Я поняла, что не Вы лично, а вообще вся система находится в перманентной борьбе за книгу с образованием, со структурой, я так понимаю. Но есть ли пути сотрудничества, творческого взаимодействия? Не только через детей, как Вы рассказали, а через педагогов и, может быть, даже через функционеров этой системы. Каким Вам видится решение этого вопроса? Спасибо.

Н. А. Сомова

Благодарю Вас. Как ни парадоксально, все руководители внутри региона друг с другом дружат. Но, скажем, я за последнее время от образования не получала ни одного обращения, начинающегося словами: «Дорогая Наталья Александровна, мы начинаем то-то и то-то, Вы помогите нам так-то и так-то». Пока у нас идет односторонний процесс. Поэтому, во-первых, мы по-прежнему стараемся выступать инициаторами, во-вторых, благодаря библиотеке мы работали и продолжаем работать. У нас на базе областной научной библиотеки есть постоянно действующий клуб молодых ученых, преподавателей, и мы, даже не обращаясь уже к руководству, напрямую вовлекаем во внутриотраслевые циклы культурных мероприятий университетских педагогов и студентов. Один из самых любимых наших проектов – встречи с Евгением Евтушенко. Мы сделали его профессором Брянского университета, поэтому сейчас он хочет не хочет, а раз в полгода должен приехать. И для студентов с его приездом и чтением стихов вдруг открылся мир, без которого

была немислима наша молодость, когда все читали поэзию. Я очень благодарна Пушкинскому фонду за то, что мы увидели у себя Александра Кабакова, Иностранной библиотеке – за то, что привезли Людмилу Улицкую. Но сегодня не хватает встречного движения. Брянская культура продолжает оставаться социально открытым институтом, откликается на все пожелания. А из образования я встречного движения пока не вижу.

Т. Л. Манилова

Как всегда, библиотекари и работники культуры очень самокритичны. Мы виноваты.

С. В. Волков

Если вы посмотрите на список участников сегодняшних и завтрашних мероприятий не по региону, а по месту работы, вы практически не найдете людей из области образования. Поэтому первый вопрос к организаторам: вы звали, и они не пришли, или вы не звали, потому что это узко корпоративное дело?

Наталья Александровна, я Вас очень ценю. Я езжу на конференции (в том числе в Брянск и в другие регионы), если знаю, что там есть Вы. Поэтому я, как немногочисленный представитель системы образования с восторгом слушал все Ваши слова, даже критические. Но я хочу спросить. Система образования вам не отвечает ни на федеральном уровне, ни на региональном уровне. У Вас есть подозрение, почему? У меня как человека, живущего внутри системы образования, есть некие мысли по этому поводу. В частности, я хотел бы обратить ваше внимание на один из сборников, который у всех есть. Это новый сборник, представляющий взгляд изнутри системы образования, он называется «Школа как территория чтения». Там конкретные учительские материалы, которые показывают, как сейчас с книгой работают в школе. Если вы посмотрите на этот опыт из разных городов, вы поймете, что

учителя-словесники тоже стратифицируются. Есть разные уровни. Но вот тот творческий срез, который вы и хотите привлечь, не рассматривает вас как партнеров, потому что априори считает, что умеет это делать гораздо лучше и без вас. Он не видит потребности в вас. И этот сборник – в чем-то провокационный – создан, чтобы показать системе культуры, что делается с книжкой за закрытыми дверями школы. Возвращаясь к моему вопросу: как Вы считаете, почему система образования молчит?

Н. А. Сомова

Вы знаете, я отвечу Вам неожиданно. Во-первых, я в преамбуле сказала, что, несомненно, есть хорошие учителя, их, наверное, в России не десятки и даже не сотни. Но я проанализировала, что произошло за последние 8 лет с кривой посещаемости в библиотеках и досуговых учреждениях. Кто к нам ходит? Максимальное посещение наших учреждений (сейчас не беру отдельно детские и взрослые) обеспечивают дети, подростки и пенсионеры. Мы с ними работаем и всегда гордимся тем, что библиотека по-прежнему идет навстречу самым незащищенным людям. А вот учителя... Я не говорю, что они не ходят в библиотеку. Конечно, ходят, но гораздо меньше (работающее население вообще сегодня меньше всего посещает библиотеку в процентном отношении). Каковы причины? Видимо, профессиональная неоднородность и корпоративные проблемы. И, может быть, непопулярность, потому что в последние десять лет в учительской среде самое главное – это борьба за свои права. Вот Вы сказали: школа должна стать территорией чтения. А Вы можете сказать, что школа стала территорией любви? И ведь библиотека по существу у нас тоже не территория любви. Что значит любовь? Да просто когда к тебе приходит человек, а ты говоришь: «Я рад Вас видеть». Я думаю, что если бы библиотека и школа стали территориями любви, где рады приходу каждого ребенка, каждого посетителя, это тоже повлияло бы на то, как и кто двигает книгу.

О. Н. Мязотс

Наталья Александровна высказала одну мысль, за которую я ей очень ей благодарна и на которую мне еще раз хотелось бы обратить ваше внимание. Один из самых главных провалов во всей нашей работе по пропаганде чтения в библиотеке – то, что вектор нашей работы противонаправлен вектору работы всей системы образования. Я объясню вам на двух примерах. В соседней аудитории заседает секция СМИ. Одна из программ Александра Архангельского была посвящена будущему библиотек. И там молодых людей спрашивали, как они себе представляют наше будущее и вообще библиотеку. Ответы были малоутешительны: нас представляют как музей, как место тихое и чистое, как информационный ресурс. И один из самых интересных студентов (по-моему, из РГГУ, т.е. одного из самых продвинутых вузов), сказал: «Я хочу, чтобы библиотека была такой: придешь и сразу получаешь ответ на свой вопрос». И тут я вдруг поняла: вот, прошло 15 лет реформы образования (может быть, даже больше), и мы получили молодого, входящего в жизнь человека, который считает, что можно прийти куда-то, взять одну книгу, открыть один сайт и получить ответ на свой вопрос. Таким образом, у нас огромный провал в воспитании человека мыслящего.

Работая, например, с читателями в нашем детском отделе Библиотеки иностранной литературы, я вижу, что если на заре перестройки к нам приходили дети, которые выписывали по 15–20 взрослых книг и искали ответ, то теперь читают все меньше и тоже, даже в самых элитных московских школах, ищут готовые ответы. Более того, и учителя за это время также стали стараться написать конспект, разработать тему, прочитать лекцию, как в вузе. И после этого получается один-единственный готовый ответ о «Шинели» Гоголя, о «Вишневом саде» Чехова, о чем угодно. Другой пример. Меня удивляло, что два года назад в Шотландии биллем правительства по просьбе деканов вузов Великобритании было внесено законодательное предложение преподавать информационную грамотность во всех сред-

них школах. Они говорили: если мы не научим наших студентов пользоваться различными источниками информации в этом информационном море, мы не сможем работать с этими студентами. А у нас в России такая работа, увы, практически на нуле.

Почему я делаю вывод, что, пока образование не развернется нам навстречу, все равно школа будет поставлять вот таких вот обделенных культурой и чтением детей? Самый больной вопрос – это, конечно, ЕГЭ. Когда ребенка, выходящего из школы, готовят к тому, что он должен угадать единственный ответ из трех, о каком читателе мы можем говорить? Спасибо большое.

Т. Л. Манилова

Спасибо. Кто еще хотел выступать?

М. А. Андреев

Добрый день. Я совершенно не планировал выступать, но слова моей коллеги побудили высказать несколько соображений. Благодарен ей и вам всем за такую живую реакцию, поскольку не только представителей образования, но, я думаю, и руководителей органов исполнительной власти сегодня в этом зале не так много. И сразу хотелось бы откликнуться на Ваш призыв, Татьяна Львовна. Я поддерживаю проект резолюции, особенно в той части, где говорится о том, что программа поддержки чтения должна стать поистине государственной. Без организационных, финансовых, технологических вопросов, отраженных в программе и поддержанных на уровне Правительства Российской Федерации, а не только двух-трех ведомств, это будет невозможно. Без взаимодействия всех субъектов, имеющих отношение к поддержке чтения, всех органов власти – федеральных, региональных и муниципальных – у нас, конечно, ничего не получится.

Сложности есть. Нас разделили на муниципалитеты – и мелкие, и большие; у кого есть деньги, у кого нет. Я позволю себе чуть-чуть сказать о Калининградской области и о том, что у нас получается или не получается, без претензий на какую-то оригинальность. Калининградский регион – регион, как все, наверное, знают, эксклавный, регион со своими геополитическими проблемами, отделенный от основной материковой части России несколькими границами. Наше население, особенно молодежь, легче может попасть в Польшу, в Германию, во Францию, в Швецию, в Данию, чем в Москву. В этой связи, конечно, есть и позитивные моменты с точки зрения европейского, межрегионального, международного сотрудничества, и мы эти возможности, безусловно, используем. Но в то же время для нас имеет принципиальное значение проблема сохранения единого культурного пространства, чтения, уважения к русскому языку, к русской культуре, знакомства с этой культурой. Я попытаюсь рассказать, как мы выходим из положения. Может быть, это кому-то покажется интересным.

Калининградская область сама по себе не так велика – миллион с небольшим жителей. Мы регион дотационный, книгоиздательский рынок очень маленький, книготоргового почти нет (представьте все наши таможи и таможенные процедуры, которые очень усложняют процесс книгораспространения и книготорговли). У нас из 240 библиотек 217 – это библиотеки сельские, библиотеки муниципальные, маленькие. В таких условиях библиотека выступает и инициатором всевозможной деятельности, и дискуссионным клубом, и информационным центром. Я убежден, что сейчас невозможно обойтись без программного обеспечения, без информационных ресурсов. Принятие три года назад региональной программы развития культуры Калининградской области и – как одной из составляющих – подпрограммы по предоставлению равных возможностей населению в области получения информационных ресурсов, развития библиотечного, музейного дела дало нам возможность включить в план работ целый ряд учреждений, которые ремонтируются, строятся. Мы

разработали большую программу по созданию единой информационной сети. Сегодня из 23 муниципальных образований, которые расположены в области, в 10 совершенно нет проблем с информационными ресурсами. Мы решаем проблему за счет софинансирования из муниципального и областного бюджетов. И в общем-то это помогает. Если года три назад мы безумно радовались тому, что вложили 2 млн рублей, то теперь, вложив 20 млн, мы получаем еще почти 20. Уже 40. Может быть, не так много, но это уже серьезные изменения.

Вторая проблема, которая есть в библиотеках, – это фонды. Без хороших книжек ничего не будет. С одной стороны, да, безусловно, мы рассчитываем в том числе и на поддержку из федерального бюджета, мы должны выделять деньги на формирование фондов из областного, из муниципального бюджетов. Но мы решили пойти еще и вот по какому пути. Мы разработали проект «Библиотека Правительства Калининградской области» и за три года издали 28 книжек. Мы формируем «издательский портфель» на основе грантов и конкурсов. Во-первых, это помогло решить проблему поддержки местных писателей, потому что у них тоже существуют сложности с изданием своей, порой очень хорошей литературы. Во-вторых, это позволило решить просветительскую проблему, поскольку в наших библиотеках о Калининградском крае, о Восточной Пруссии, о Кенигсберге – крае достаточно интересном, со специфическим «изюмом» – литературы было недостаточно. Мы разработали серию книг «Личность, история, край». Это книжки-малютки, небольшие по формату, очень милые, приятные, и наши писатели чудесно пишут о тех людях, которые в истории края играют серьезную роль. Кроме того, калининградская земля – земля особая. Как российская территория она существует всего лишь 60 лет, но вообще российских корней в этой земле было много, и доказать, что не зря это российская территория, – это тоже одна из важных политических задач. Итак, мы выпускаем краеведческую литературу, научно-популярную и хорошую художественную литературу. Тот тираж, который заказываем мы, весь идет в

наши библиотеки (а издатель, если хочет, может выпустить дополнительный тираж). И это способ частичного решения проблемы формирования наших фондов.

Скажу еще об одной проблеме – заработной плате. Наверное, это вопрос не к федеральному центру, а к нам самим, к субъектам федерации, и, наверное, на местном уровне надо его серьезно решать. Нам, например, очень помогло формирование Калининградского отделения Российского книжного союза. Приехал Степашин, они с нашим губернатором Георгием Валентиновичем Боосом провели заседание. И на заседании библиотекари подняли вопрос о заработной плате, которая у них чрезвычайно минимизирована. В результате было принято решение начиная с июля этого года по июль следующего каждый месяц добавлять по тысяче рублей. В результате мы рассчитываем, что к июлю зарплата у них станет около 15 тыс. рублей. Конечно, это не много, но для сельских библиотекарей весьма существенно. Какой можно сделать вывод? Без политической воли этот вопрос, наверное, решить нельзя. Нужны и убеждение, и ресурсы, и возможности. Поэтому, на мой взгляд, эту проблему обязан решать субъект федерации.

Ну и, разумеется, нужна программа содержательных мероприятий. У нас проводятся не просто Дни литературы, у нас осенью традиционно проходит целая Неделя литературы. Существует эта традиция уже больше 10 лет и с каждым годом все наращивается. Конечно, центрами становятся наши библиотеки. Писатели, музыканты, поэты в библиотеках, в сельских клубах проводят и викторины, и конкурсы, массу мероприятий, которые всерьез активизируют внимание к литературе. Кроме того, у нас на территории Калининградской области есть 7 генеральных консульств, и мы эти все консульства активно привлекли к сотрудничеству с библиотеками и библиотечным сообществом. Это позволило создать в областных библиотеках несколько отделений иностранной литературы и вообще иностранных уголков. Уголки – это не значит, что поставили стенд и пять книжек. Нет, конечно. Это приобретение фондов, это специально отведенные помеще-

ния, где проводятся целые системные мероприятия. Если кому-то интересно, я расскажу, и наши библиотекари с удовольствием поделятся с вами этим опытом. Что еще? У нас существует премия Кристионаса Данилатиса, литовского просветителя, который жил на территории нынешней Калининградской области. Эта литературная премия в один год вручается литовскому писателю, а на следующий – калининградскому. Это тоже определенным образом обеспечивает внимание к литературе.

Мне кажется, подобные проекты способствуют поддержке уважения, любви к чтению и сохранению информационного и культурного пространства у нас, в Калининградской области. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Михаил Анатольевич.

Вы знаете, у нас сейчас в программе кофе-брейк. Может быть, после кофе продолжим вопросы?

С. В. Волков

А можно, я задам вопрос? Мне кажется, за кофе как раз над ним стоит подумать. Михаил Анатольевич, мы видим, что в Калининградской области все делается прекрасно, Вы рассказали, что происходит внутри, но мы опять не услышали о том, как у вас решается проблема взаимодействия образования и культуры.

Уважаемые коллеги, когда я шел сюда сегодня, я внимательно прочел название нашей секции: «Библиотеки и образование». У меня в связи с этим к вам вопрос. Эта формулировка – «Библиотеки и образование» – вами понимается как? Как то, что система образования должна предложить вам, или как то, что вы можете предложить системе образования? Вы рассказываете о том, какие делаете программы, какие вы молодцы. Представители системы

образования (если бы они здесь были) тоже рассказывали бы, какие они хорошие и как они все без библиотечарей делают. Я только не могу понять, неужели это результат и цель наших разговоров? Я руковожу газетой, которую выписывают 10 тысяч учителей литературы во всей стране. И после сегодняшнего я им должен написать, что-то такое, чтобы они пришли к своему ближайшему библиотечарю и сказали: «Вот оно оказывается, как у вас-то! Вон вы чего умеете-то! А вот в той области библиотечари с учителями на совместных семинарах работают, а мы почему нет?» Я предлагаю обсудить это за кофе и после перерыва рассказать, чем мы можем друг для друга быть полезны.

Т. Л. Манилова

Хорошо. После перерыва мы сможем вернуться к программе нашего сегодняшнего заседания.

Часть II

Т. Л. Манилова

Мы как с опозданием ушли на кофе-брейк, так с опозданием возвращаемся. Имейте в виду, что мы будем работать до 2 часов. Я поняла, что надо брать в свои руки бразды правления, иначе мы с вами ничего не выработаем, и наше собрание будет очередным в серии подобных встреч. Мне бы очень не хотелось, чтобы это произошло, потому что завтра мы с вами должны будем, условно говоря, отчитаться за сегодняшний рабочий день. Все-таки эта конференция тематическая, она не вообще о бедной жизни в библиотеках, не о плохом взаимодействии с образованием. Наш предмет – чтение. В Англии это назвали развитием читателя, а у нас с вами – поддержкой и продвижением чтения. Продолжая наше заседание, я все-таки обращаюсь к вам с про-

сьбой сосредоточиться на этом предмете. Рассматривать можно и взаимодействие библиотек и образования, и СМИ, нас ведь никто не ограничивает. Ко мне в перерыве подходили люди и просили слова. Я готова предоставить его всем, но у меня просьба. Во-первых, эти выступления не должны быть длинными, нам с вами все-таки важно говорить конкретно о предмете. Вот в ЮНЕСКО за две с половиной минуты суть надо изложить. Мы должны сконцентрироваться. Поэтому я сейчас хочу попросить аудиторию: кто хотел бы высказаться, поднимите, пожалуйста, руки. Восемь человек. Будем считать, что кто-то еще подключится в процессе, то есть будет человек 10–12, потом мы должны подвести итоги. Мы не в ЮНЕСКО пока, поэтому я предлагаю выделить на выступления по 5 минут. Пожалуйста, откройте программу и просмотрите вопросы, ради обсуждения которых собрались сегодня все секции. Я не хочу, чтобы мы с вами плохо выглядели завтра, когда все будут предлагать конструктив, а мы будем рассказывать, как хорошо работаем в регионах. Давайте сосредоточимся на сути. Кто первый? Прошу, Библиотека Ушинского. Вот уж воистину соединение библиотек и образования.

Т. С. Маркарова

Своим выступлением мне хотелось бы пополнить ряды представителей образования. Мы как педагогическая библиотека и научное подразделение РАО ассоциируем себя в первую очередь с образованием.

Не хочется говорить о сложностях, которые связаны прежде всего с тем, что, являясь библиотекой (в широком понимании – учреждением культуры), мы входим в состав Российской академии образования и подчиняемся по части своей научно-методической деятельности Министерству образования и науки РФ. Тем не менее, мы, безусловно, занимаемся проблемами, напрямую связанными с направлениями деятельности Министерства культуры. Ровно по этой причине не субсидируемся ни с одной стороны, ни с другой стороны.

Но вернусь к разговору о чтении. Мы, как никто другой, в силу своей профессиональной деятельности ощущаем, что потребность в грамотном литературном, научном и учебном чтении является острой проблемой современного образования. На наш взгляд, процесс информатизации – школы ли, библиотеки ли, образования ли – базируется на контентной, информационно-ресурсной основе. И в данной связи мы должны, просто обязаны, выступать если не законодателями, то легитимными консультантами в области информационно-образовательного пространства, потому что наши читатели и пользователи – это учителя, воспитатели детских садов, представители научной педагогической отрасли. Наша задача – быть в курсе того, что происходит в области образования, в области культуры, того, что делается на книжном рынке. К счастью, наша библиотека – очень удачный пример межведомственного, межсекторального партнерства, ведь мы объединяем как представителей Института культуры, так и учителей-предметников, ученых в области педагогики и психологии. Работая с фондом библиотеки (комплектуя, формируя его, обеспечивая доступ к нему), мы, так или иначе оценивая информационные источники, экспертируем материалы, которые поступают в фонд, для того чтобы рекомендовать эту литературу читателям/пользователям. Но если в нашей структуре ситуация с научным и образовательным чтением все-таки решается позитивно, то с литературным чтением у нас проблемы – в силу того, что мы очень давно перестали комплектовать нормальную классическую художественную литературу на традиционных бумажных да и электронных носителях.

В силу консервативности педагогической отрасли, возрастной специфики наших читателей мы пока ратуем в первую очередь за «живую» книгу. Но вместе с тем мы понимаем, что в условиях новых реалий необходимо как-то помочь детям, учителям, населению сориентироваться в существующей ситуации с использованием новых информационных технологий. Итак, мы за межведомственное, межсекторальное сотрудничество и

партнерство. Мы уже неоднократно пытались инициировать некий проект по русской литературе. Сергей Владимирович, он должен Вас заинтересовать. Более двух лет совместно с Фундаментальной электронной библиотекой «Русская литература и фольклор» (ФЭБ), которая, на мой взгляд, является одной из самых полновесных, грамотных, академически выдержанных электронных библиотек по русской литературе и фольклору, мы предлагаем довольно объемный материал по русской литературе, рассчитанный как на учителей и преподавателей высшей школы, так и на учащихся и ученых. Имеется большой текстовый материал – легитимные классические литературные тексты с научными комментариями, предисловиями, указателями и поисково-навигационная система к ним. (Сейчас, правда, учителя спорят о том, в каком объеме и в каком варианте лучше проходить тексты в школе, но, на наш взгляд, лучше все-таки их изучать в оригинале, а не в пересказе и до определенного класса на хрестоматийном уровне.) Этот материал предполагалось дополнить методическим сопровождением из фондов Библиотеки Ушинского. Однако мы не можем достучаться ни до какого официального органа. Похоже, что на межведомственном уровне решить проблему сложнее. На своем уровне, без особой финансовой и административной поддержки мы оказываем помощь регионам, оказываем помощь школьным библиотекам, не имеющим выхода в Интернет, мы работаем с нашими читателями и пользователями. Но было бы хорошо сделать большой, пролонгированный проект. Его мы не осилим только с ФЭБом и Институтом мировой литературы. К сожалению, на уровне предложений и концепций нас понимают, а на уровне организационной и финансовой поддержки – нет. А ведь это то самое межсекторальное партнерство и сотрудничество, которое, на мой взгляд, способствовало бы развитию чтения в стране.

Мы пытались реализовать наш проект в Год русского языка (хотя, на мой взгляд, Год русского языка в России – это нонсенс, Россия должна вообще объявить себя зоной русского языка и всячески его поддерживать и распространять). Обращаясь, на-

пример, в Фонд «Русский мир», мы слышим, что это, безусловно, очень важная составляющая развития русского, но Фонд прежде всего занимается распространением русского языка за рубежом. На наш взгляд, русский язык нуждается в развитии и на территории России. Я хотела бы сказать региональным коллегам, что достаточно приличный пласт в проекте «Русская литература» – это литературное краеведение. В этой связи мы можем быть друг другу полезными. Нам совершенно все равно, кто будет главным в этом проекте. Мы просто хотим, чтобы он стартовал, мы хотим обеспечить как Москву, так и регионы хорошим литературным контентом и методической помощью. Поэтому давайте все же налаживать взаимодействие. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо большое. Спасибо. Кто следующий? Пожалуйста.

А. С. Дашкевич

Мы говорим о проблеме. Проблемы бывают со здоровьем, остальное все задачи, которые возникают, и их надо решать. Почему встала задача пропаганды чтения? Почему это перерастает в проблему падения интереса к чтению? Одну из причин я вижу в том, что мы потеряли ряд слоев читающего населения.

Во-первых, инженерно-технические работники. Сегодня уже не все могут и сказать, кто это такие. Но вспомните читальные залы научных библиотек в 70-е, 80-е годы прошлого столетия. Помимо студентов и пенсионеров, там сидели инженеры, начальники производств, цехов, смен, да и рабочие. Они повышали свой профессиональный уровень, пользовались всевозможными справочниками, производственной, научно-технической и научно-популярной литературой, научными периодическими изданиями. Для карьерного роста это было необходимо. На каждом производстве был план на изобретения и рационализаторские предложения. Правильно это было или

нет, для нас сегодня не важно. Для нас это были читатели. Мы данный класс потеряли, он практически «вымер».

Во-вторых, хорошей научно-технической и производственной литературы практически не издается, потому что ушли научные школы и пишущие практики-производственники. Некоторые авторы пишут научные книги для «себя». По роду своей деятельности мне приходится общаться с преподавателями и руководителями университетов. Они подтверждают, что сегодняшняя научная литература не соответствует тем нормам, которые необходимы для обучения профессии. В технических вузах используют учебники по техническим дисциплинам, которые были написаны еще в советские времена.

В-третьих, к причинам падения интереса к чтению можно отнести и бюрократизацию образования. Здесь выступали представители от образования. Жалко, что нет чиновников от образования. Посмотрите на сегодняшнюю среднюю школу и учителей. Им скоро детей учить некогда будет. Сегодня в школу спускают немыслимое количество всевозможных вводных по составлению различных справок и отчетов (это я знаю точно потому, что один из членов моей семьи уже около 30 лет работает в школе). Таким образом чиновники оправдывают свое существование. Поэтому, если программу по продвижению чтения ставить в рамки национальной, то надо согласовывать со всеми министерствами и ведомствами, чтобы было предусмотрено время, хотя бы для государственных учреждений, на повышение профессионального уровня. А в Министерстве образования, наверное, надо действительно целенаправленно разрабатывать совместные программы с Министерством культуры, которые бы предусматривали взаимодействие. Наталья Александровна говорила, что в муниципальных библиотеках в основном читатели – это дети, подростки и пенсионеры. Но понимаете, почему мы еще в муниципальных и сельских библиотеках потеряли таких читателей, как студенты? Потому что там просто нечего брать. Я езжу по регионам России и все чаще слышу даже от сельских библиотек: нам предлагают в основном художественную литературу, а к нам приезжают студенты на каникулы, на вы-

ходные, приходят и просят учебную литературу, а что мы им дадим? Нет литературы. Поэтому, наверное, это больше Министерству культуры, которому подведомственны эти библиотеки, надо как-то ориентировать их на закупку учебной литературы. Тогда наверное, появится еще в сельских библиотеках такой класс читающей аудитории, как студенты. И, может, еще и за счет этого статистика чтения немножко повысится. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Александр Степанович. Следующее мнение. Виолетта Яковлевна.

В. Я. Аскарова

Уважаемые коллеги, я бы хотела вернуться к целям и задачам нашей секции. Что нужно сделать для того, чтобы Программа поддержки и развития чтения заработала в усиленном режиме, чтобы она стала более комплексной, более объемной и чтобы не оставалось никаких лагун, никаких пробелов, никаких упущенных моментов, которые не дают реализовать ее на качественном уровне? Я не буду говорить о деньгах, данная тема много обсуждалась, мы эту проблему все равно сегодня не решим. Давайте говорить о проблемах, которые мы решить можем.

На мой взгляд, одна из наиболее острых проблем – научная обеспеченность нашей Программы. Обратите внимание, в резолюции речь идет о результатах исследования чтения в 2008 г. Вспомним, сколько у нас сейчас исследовательских центров, которые систематически занимаются социологическими проблемами чтения. Левада-Центр, Республиканская государственная детская библиотека – и все. У нас практически нет научно обоснованных сведений о том, как читают различные категории населения. Мы используем термины «кризис чтения», «катастрофа чтения», а так ли все однозначно в реальности?

Я полагаю, что пути решения проблем могут быть такими. С одной стороны, нужно, чтобы национальные библиотеки активизировали свои усилия в этой сфере, чтобы исследования в области социологии и психологии чтения проводились как минимум так же активно, как это было в 70-е годы. Во-вторых, областные и краевые библиотеки должны создавать региональный банк данных, для этого в их структуре должны быть выделены научно-исследовательские отделы с соответствующим штатом. Я считаю, что вузовская наука должна больше озаботиться проблемами чтения. Если у нас не будет научно обоснованных данных, мы не избавимся от «говорильни», не отойдем от лозунгов. Необходимы достоверные данные; без этого научного ресурса мы не будем интересны представителям сферы образования и иным специалистам инфраструктуры поддержки и развития чтения, не сможем выстроить систему работы по стимулированию читательской активности.

В резолюции речь идет и о том, что необходимо готовить высококвалифицированных специалистов в области чтения. А в вузовском образовательном стандарте по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» нет дисциплин, которые бы давали соответствующую подготовку. Сейчас разрабатывается вузовский стандарт третьего поколения, он более вариативный, чем стандарт второго поколения. В него в обязательном порядке нужно ввести дисциплины, связанные с чтением. Я предлагала ввести курс «История и теория чтения». Иногда говорят: преподавать некому, поэтому вводить эту дисциплину в стандарт нельзя. Если исходить из того, что ее сейчас некому читать, то и не появятся люди, которые будут специализироваться в области проблем чтения. Специфика вузовской науки такова, что она предполагает включение результатов исследования в учебный процесс. Если этого не будет, то вузовским педагогам нет очевидного смысла работать над кандидатскими и докторскими диссертациями по проблемам чтения.

Полагаю, что в резолюции нужно изменить и некоторые формулировки. Там говорится о факультетах библиотечного дела. Дело в

том, что факультетов библиотечного дела осталось не так уж и много, они уже называются по-другому. У нас, например, это факультет информационных ресурсов и технологий. На мой взгляд, здесь должно быть написано: на факультетах, готовящих специалистов для библиотек, издательств и книготорговых организаций. Полагаю также, что должна быть более развернутая формулировка, связанная с читателеведческой подготовкой в педагогических вузах. Иначе мы не сможем педагогов грамотно и квалифицированно сориентировать школы на использование книги и чтения в учебном процессе. Проблема не только в том, что мало специалистов в области чтения, но и в том, что катастрофически сужается круг специалистов, которые способны экспертировать литературный поток и умеют говорить о литературе на языке, понятном человеку, профессионально не связанному с литературой.

В прошлом году на конференции вот здесь же, в Президент-Отеле, я сокрушалась о том, что Национальная программа развития и поддержки чтения не утверждена Президентом. Я продолжаю считать, что она должна быть принята на самом высоком государственном уровне, но ведь и без этого высочайшего утверждения в регионе уже удалось сделать очень многое. Вопрос даже не в том, поддерживает ли нас Президент и много ли у нас денег. Вопрос в том, в состоянии ли мы предъявить обществу тот продукт, за который нам общество станет больше платить, и за счет которого мы станем интересны тем же работникам высшего образования. Здесь говорилось уже о взаимодействии со сферой образования. Коллеги, я не совсем понимаю, о чем идет речь, в чем суть проблемы. Предъявите свой ресурс. У нас первым о Года чтения в Челябинской области объявил не министр культуры, а министр образования, потому что он понял, что это именно то, что позволит обрести моральные дивиденды и привлечь финансовый капитал. Порой не удается установить контакты на высоком административном уровне, нам ведь никто не мешает развивать горизонтальные связи – пойти в школы, работать с классами. Наши педагоги начали эту работу. Преподаватели кафедры провели цикл бесед

под названием «О прелести чтения». Затем аспиранты провели со школьниками цикл занятий, которые учат читать более эффективно, более результативно. Учителя заметили: «Какие, оказывается, интересные библиотекари бывают!» С тех пор ни одна конференция, которую проводит наш вуз, не обходится без педагогов, а конференции, которые проходят в педуниверситете, не обходятся без библиотечных специалистов. У нас в области развита медийная поддержка чтения, ею занимаются в основном библиотекари и преподаватели кафедры библиотечно-информационной деятельности. Учителя принимают участие в передачах, тема последней – «Учитель, у которого читает весь класс». И у нас нет абсолютно никаких противоречий.

Наконец, хотелось бы сказать о наших планах. Нам уже стало тесно в рамках Челябинской области, мы задумали втянуть в работу весь Уральский федеральный округ. Через неделю я и мои коллеги из Челябинска выезжаем в Екатеринбург на региональный съезд школьных библиотекарей. Планируем обсудить проект, который назвали «Поддержка и развитие чтения на Большом Урале: библиотечный «локомотив». Идея здесь такая: на основе лучших достижений специалистов Екатеринбурга, Челябинска, Ханты-Мансийска и других территорий обеспечить обмен опытом и создать оптимальную модель поддержки чтения, Поскольку библиотека выполняет в этой работе ключевую функцию, ей отводится функция «локомотива», который должен задать ускорение в этом направлении и втянуть в «воронку активности» другие структуры. Спасибо за внимание.

Т. Л. Манилова

Спасибо огромное, Виолетта Яковлевна. Я только Вас попрошу попозже подойти, чтобы я записала Ваши предложения, ладно?

Да, пожалуйста.

В. В. Трохова

Дорогие друзья, я не министр культуры, не руководитель департамента, я заведующая отделом общего обслуживания. Я не могу изменить кардинально проблему с комплектованием, я не могу своими силами отремонтировать библиотеку и не могу добавить зарплату... Тем не менее я могу, как выразилась уважаемая Наталья Александровна, начать работу «уже вчера». То, о чем мы сегодня говорим, практически осуществляется в Смоленской области на местах силами библиотекарей уже десять лет. Сначала на уровне городской муниципальной библиотеки, в которой я руководила юношеской кафедрой, а теперь на уровне областной библиотеки. И поэтому мы воспринимаем Национальную программу поддержки чтения как награду. Нам вообще показалось, что это большая удача: мы работали, работали и вдруг нашу работу как будто заметили. И появилась Национальная программа чтения. Предыдущий оратор сказал, что не нужно ждать ничего, нужно идти самим. Мы ни от кого ничего не ждали, мы делали все на свой страх и риск. Все школы, все высшие учебные заведения, кадетский корпус, Военная академия – все это в области наших интересов, мы доходим до всех. Мы приносим качественный продукт и приглашаем к себе посмотреть тоже качественный продукт. Сначала мы называли это Театром слова, а буквально неделю назад в областной библиотеке – опять такая большая удача – открылся Гуманитарный центр чтения, где эта работа продолжается. Мы добивались того, чтобы школьники, придя к нам, услышав о писателе, о книге, о каком-то литературном юбилее, взяли в руки эту книгу, запомнили этого писателя. И поначалу мы даже не знали, как к этому приступать, что делать. Пытались определить, сколько должны продолжаться эти представления, эти литературные спектакли, что нужно в них использовать. Только потом мы прочитали, что восприятие у подростков дисперсное, дискретное. Нужно, чтобы тут мелькало, здесь картинка как-то менялась. Но от нашего 45-минутного рассказа впечатление было таким, что после него 10 минут дети не могли пошевелиться. Что происходило? Катарсис? Может быть. Оживление

писателя? Может быть. Мы приглашали актеров нашего драматического театра, чтобы они помогли нам правильно встать, правильно взять дыхание, подсказали какие-то моменты. Они, побывав на одном из наших представлений, сказали так: «Вам ничего не нужно делать, пусть вы будете такими, какие вы есть». И еще было сказано: «Надо же, в Смоленском театре нет библиотеки, а в библиотеке есть театр...»

Каковы же итоги, результаты? Уже хрестоматийным у нас стал случай, который я позволю себе привести. Мы показывали спектакль, посвященный Иосифу Бродскому. Это очень сложная тема. Мы общаемся с учителями и знаем, что у них нет возможности собрать материал и в течение 45 минут так рассказать о Бродском так, чтобы дети не могли 10 минут пошевелиться. Итак, привели школьников, которые не знают ничего о Бродском вообще. И в течение этих 45 минут мы постарались «воскресить», «оживить» эту очень сложную фигуру. Назвали мы спектакль «Величайший туняец России», все провели, как положено. А после этого мама одного из мальчиков звонит учительнице и говорит, что он пришел домой бледный, растерянный, от него не могли добиться, что произошло. Поняли только, что он был в библиотеке и рассказывали там о ком-то на букву «Б»...Мы были ужасно расстроены, подумали, что, возможно, в нашей работе нет вообще смысла. А потом, успокоившись, мы решили, что, наверное, этот ребенок получил какой-то эмоциональный укол в самое сердце. И пройдет, может быть, пять-десять лет, где-то эту фамилию он услышит, и вся картинка перед ним вновь предстанет. Может быть, ради этого, собственно, мы и работаем. Когда отмечалось 200-летие Александра Сергеевича Пушкина, у нас возник вопрос, как о Пушкине рассказывать, чтобы детям захотелось взять в руки его книги. И мы сделали путешествие Пушкина в смоленском трамвае. Конечно, мы не представляли Александра Сергеевича, был какой-то плащ наброшен, был котелок, была трость. Мы читали нейтральным голосом впечатления Александра Сергеевича от Смоленска в стиле речи того времени. И было абсолютное ощущение, что Александр Сергеевич пришел, сидит, смотрит, как листья обрезают с

тополей, как кто-то заходит в трамвай, впечатлениями делится, какие книги читают пассажиры в трамвае, о чем думают.

Мы ни в коем случае не стараемся заменить собой учителей литературы, мы никогда литературоведческую парадигму не ставим выше-ниже культурологической. Наша задача – показать фигуру писателя (Бродского, Лихачева, Довлатова, Рубцова) на фоне Времени. Мы очень благодарны департаменту, который нас поддерживает. Техническое оснащение у нас на очень высоком уровне. Но сама по себе техника мертва, только наполнение ее человеческим теплом, ощущением оживляет ее и дает тот самый эффект. Сейчас мы называем это не театром, а медиалекциями, и о них идет молва по всему городу, причем во многом тоже благодаря нашим усилиям. Мы сами приходим, сами рассказываем, сами предлагаем. Спрашиваем, что еще нужно. Потому что, например, Бродским вообще заканчивается литература в школе, последний урок о Бродском – и учитель уже просто на выдохе, тем более с этим самым ЕГЭ. Но я считаю, если не знать Бродского, если не знать нескольких его стихотворений, нельзя заканчивать школу, нельзя выходить во взрослую жизнь, нельзя считаться образованным человеком. И мне хотелось бы внести такое предложение: давайте обменяемся опытом. Ведь здесь есть участники и из Нижнего Новгорода, и из Твери. Расскажите, что происходит у вас, какие находки у вас есть. Очень важно взаимодействовать с образованием. Если учитель сам не равнодушный, если он откликается, и в системе в течение нескольких лет дети это воспринимают, то обеспечивается тот самый главный эффект приобщения к книге. И происходит просто какое-то нравственное перерождение детей.

И в заключение хочется вспомнить слова того же Бродского. «Человек, который прочитал Диккенса, не сможет выстрелить в другого человека». И если наши усилия по этим медиалекциям, по этим спектаклям, по всем остальным видам и методам работы (я рассказала только о самых удачных) приведут к тому, что на одного «стреляющего» станет меньше и на одного читающего больше, наверное, наши старания бесполезны...

Вопрос из зала

Электронный вариант ваших медиалекций есть у Вас с собой?

В. В. Трохова

Вы знаете, это же всегда живое. Как спектакль представить? Никак не представишь.

Вопрос из зала

Скажите, а ваша творческая группа на гастроли выезжает?

В. В. Трохова

Только пригласите! Мы приедем и к себе позовем, покажете, что делается у вас. И еще хотела сказать, что работать интересно можно, работать интересно нужно. А уважаемой Виолетте Яковлевне я хочу передать большой привет, потому что тем, о чем я вам рассказала, меня «заразил» Челябинский государственный педагогический институт, который я закончила. Потом я волей случая оказалась в библиотеке, стало как-то не по себе, скучновато, и я решила это изменить – не без поддержки департамента и неравнодушных учителей. И уверена, что мы с наслаждением будем продолжать нашу работу.

Т. Л. Манилова

Вот вам результат межсекторального взаимодействия. Спасибо.

Пожалуйста, Евгения Владимировна. Пока Вы идете, я хочу обратиться ко всем с просьбой. Пощадите меня, невозможно же прерывать выступление. Давайте будем более лаконичными и предметными.

Е. В. Куликова

Я постараюсь быть максимально краткой и максимально безэмоциональной, чтобы суть предложений была ясна. Я поддерживаю предыдущую выступающую коллегу именно в том, что нам нужно наладить между собой горизонтальное взаимодействие. Мы, конечно, встречаемся, обмениваемся своим опытом, издаем сборники, пишем журналы, но, вы знаете, это все достаточно разрозненно. Мы слышали о том, что в такой-то библиотеке прекрасный опыт, мы можем туда съездить сами, но вы прекрасно знаете, что все дело в деталях. Мне кажется, что нужно сделать банк идей по продвижению чтения. И сделать это на сайте. Было бы удобно использовать форму, которую подсказал Либнет. Каждый, кто считает, что его программа того достойна, выкладывает на этот сайт свою работу, представляя все методическое описание. Думаю, стать участниками такого проекта захотят многие. Нам есть чем обменяться. Тем более что на сайте это можно будет выложить с роликами, которые покажут часть спектакля или какой-то интересной детали оформления. Естественно, нужно будет искать исполнителя. Первое, что мне приходит в голову, это либо сайт МЦБС, либо сайт «Чтение-21». В общем, какой-то ресурс, который бы нас всех объединил и дал нам возможность не просто получить информацию о том, что где-то делается интересный проект, а почерпнуть детали и сделать такой проект, может быть, модельным. Потому что, мне кажется, у нас, как всегда, существует противоречие между креативностью и некоторой объединенностью. Сейчас каждый пошел выдумывать, и творить, и пробовать сам. Это прекрасно. Но для того чтобы тебя заметили, поняли, оценили, нужна какая-то повторяемость. Первый раз тебя заметят, второй раз оценят, третий раз примут участие сами. Например, у нас в Детской библиотеке существует неделя детской книги, проводится каждый год. Все знают, что она будет в следующем году обязательно, и поэтому могут планировать свое участие в этом мероприятии. А многие интересные проекты очень редко повторяются. Поэтому создать такой сайт, мне кажется, – это наша первейшая обязанность.

Остальные мои предложения направлены на то, чтобы усилить взаимодействие с издателями и книгораспространителями. Все они очень простые и малозатратные, поскольку я всегда стараюсь действовать в рамках того, что есть, а не того, что хотелось бы. Первое предложение – это организация передвижных выставок лучших книг, которые либо получили премии, либо стали лауреатами какого-то конкурса. Конкурсов у нас сейчас очень много: и «Большая книга», и «Заветная мечта», и «Алые паруса», и, естественно, «Книга года». Интерес к этим книгам в тот момент, когда объявляют результаты, очень высок. И вся реклама уже проведена, все центральные СМИ пишут об этих книгах. Не хватает только одного – самих книг в регионах. Естественно, в Москве они есть, в Питере они есть, а в регионах даже книжных магазинов нет. Мне кажется было бы не так уж сложно издающим организациям, например, во взаимодействии с Книжным союзом, договориться со всеми главами регионов (потому что они обладают своей инфраструктурой, транспортом, своими средствами коммуникации) и возить такие выставки по федеральным округам. Я уверена, что и издатели с удовольствием оторвут от себя несколько экземпляров книг для того, что проторить тропинку в регионы. И федеральные округа, которым, естественно, тоже нужно вести такую работу, с удовольствием предоставят транспорт. При этом не нужно будет даже возвращать эти издания, потому что их можно будет с помпой дарить очередной библиотеке.

Следующее предложение касается нас с вами, библиотекарей, и тоже связано с издательствами. Было бы очень интересно сделать так, чтобы библиотекари выбирали лучшие, на их взгляд, книги года. Что нам это даст? Нам это даст, во-первых, взгляд библиотекаря и повод говорить об этом. Во-вторых, нам даст коллективную рекомендацию лучших книг, мы же не просто хотим книги читателю предоставить, мы хотим предоставить ему хорошие книги. Кроме того, это даст прекрасный материал для социологических исследований. Можно будет анализировать его по разным параметрам. И сделать, на мой взгляд, довольно просто. На сайте РБА или на каком-либо другом сайте, например, на тех

же сайтах МЦБС или «Чтение-21» просто сделать отдельную страничку, предложить несколько номинаций, чтобы не смешивать книжки детские, взрослые, учебные и т.д. И библиотекарь сможет просто вписать название книги. Опять же это будет интересно издателям, покажет, что им везти в регионы, в чем нуждаются библиотекари, что они считают важным и нужным (естественно, не только сами по себе, но и ориентируясь на то, что спрашивают у них читатели). На самом деле мы все прекрасно понимаем, что собой представляет хорошая книга. И сделать это, мне кажется, можно, что называется, хоть завтра.

И последнее предложение. В свое время был каталог «Что нам читать» (тот, кто работал в детской библиотеке, знает). Каталог, который дети очень любили. Это карточки большого формата с иллюстрациями, с аннотацией, которая призвана скорее заинтересовать, а не дать полную библиографическую информацию. Карточки эти можно было поставить в любом порядке в ящике с картонными. Дети очень любили в них копаться. Потому что они, во-первых, делали выбор сами, никто на них не давил, они что смогут – прочитают. Через какое-то время выпуск каталога прекратился по финансовым причинам – не было подходящей бумаги, в 90-е гг. плотная картонная бумага была дефицитом. Так вот, мне кажется, что сегодня такие картотеки были бы очень полезны не только в библиотеках, но и в книжных магазинах. Когда в книжный магазин приходит родитель с ребенком, родитель углубляется в книгу для себя, ребенку неинтересно, скучно. А ведь он в это время мог бы заняться своими книгами, посмотреть такую картотеку. Появилась книжка, пришла в магазин – карточку поставили. Продали книжку, тираж разошелся – карточку просто изъяли. Или сделали «Сейчас временно нет в продаже».

Мне кажется, что если бы мы объединились в данном случае, например, с тем же Книжным союзом или какой-то другой профессиональной организацией, которая занимается выпуском книг и заинтересована в их продвижении читателю, то могли бы сделать вещь, может быть, не такую яркую, но заметную и для детей очень полезную. Все.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Евгения Владимировна. Передайте свои предложения в письменном виде, пожалуйста. Да, следующий.

А. В. Лисицкий

Уважаемые коллеги, постараюсь быть максимально кратким. Я являюсь руководителем проекта «Школа библиотечного лидерства и упоминавшегося веб-ресурса «Чтение-21», который мы делаем при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Мы много говорим о межсекторальном взаимодействии, о взаимодействии институтов, организаций, но на самом деле все сводится к взаимодействию людей и к поддержке тех инициатив, которые по идее должны исходить от работников образования, культуры, СМИ. Заметить такие инициативы, поддержать их – это одна из самых ключевых задач. Как же это можно сделать, если не бросаться лозунгами? Где ресурсы взять? На мой взгляд, очень хороший механизм, который в свое время существовал на российском поле (правда, не в плане поддержки чтения, а в плане поддержки инноваций в библиотечной сфере), – это грантовый механизм. Мы знаем, что, когда в России действовал Фонд Сороса, существовали программы, в рамках которых поддерживались и тиражировались различные такие инновационные инициативы, из них создавались модели. Можно по-разному относиться к деятельности этой организации, к ее целям и задачам, но сам механизм чрезвычайно хорош. Сейчас, например, в музейной сфере есть сразу несколько грантовых конкурсов, а мы таких конкурсов под новые инициативы по продвижению чтения не имеем. Да, второй год идет конкурс лучших программных проектов по продвижению чтения, но это конкурс не грантовый, там получают призы либо идеи, либо уже реализованные инициативы. Очень важно сейчас было бы создать такой механизм, который бы поддерживал начинания даже не институций, а от-

дельно взятых людей в организациях, которые могли бы эти идеи, прежде всего, межсекторальные, инициировать. Перед глазами только один пример – то, что делает фонд Прохорова в Красноярске. Конкурс так и называется «Новая роль библиотеки в образовании». Но это опыт локальный. Очень важная задача сейчас – совместными усилиями привлечь для реализации этой задачи бизнес и сделать конкурс, под эгидой, может быть, Министерства культуры, с максимально прозрачным и честным экспертным отбором. И я считаю, что таким образом мы могли бы решить задачу, о которой говорила до этого Евгения Владимировна: тиражировать успешные модели. Мы готовы, в общем-то, это делать и на нашем портале «Чтение-21. Второе, на чем бы я хотел остановиться, это поддержка различных образовательных инициатив в режиме непрерывного образования. Спасибо Министерству культуры, что поддерживается второй год инициатива АПРИКТа по такой непрерывной программе для менеджеров чтения и иным неформатным инициативам. Наша школа библиотечного лидерства поддерживается за счет президентских грантов для некоммерческих организаций, но опять же нет механизма, который бы позволил поддерживать, например, инициативу в области непрерывного и межсекторного профессионального образования, в котором принимали бы участие не только мы, работники библиотек и причастные к ним организации, а, например, и работники образования. На уровне России создать бы такой механизм финансирования такого рода программ, было бы тоже очень здорово. Либо наладить его с помощью региональных властей. Пожалуй, все.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Андрей. Хорошая мысль. Но как обычно возникает дело? Возникает лидер. Вот Смоленская область в свое время стала родоначальником центров правовой информации. Верно? Нужен лидер, нужен кто-то, кто не просто озвучит идею.

Вы хотите выступить? Пожалуйста.

И. В. Малолетнева

По итоговому документу, коллеги, у меня такие предложения. Сейчас документ замечательный, но он носит характер манифеста и декларирует уже известные вещи. Мне кажется, для того чтобы добиться определенной цели, он должен быть более адресным, должно быть сформулировано, в рамках чего, собственно, надо придавать Программе статус государственной. Либо это национальный проект образования, либо это какая-то другая форма, но, мне кажется, здесь должно быть уже конкретное предложение с определенным названием и возможным указанием, откуда это все берется. Я хочу поддержать выступления предыдущих коллег. Мне кажется, все-таки нужен координирующий центр, роль которого может на себя взять, например, Российский книжный союз или кто-либо еще. И этот центр должен координировать работу и с сайтом, и по программам совместным и т.д. И, наконец, третий абзац, по-моему носит разъединяющий характер. Мы хвалим одно министерство, упрекаем другое, но ведь задача этого форума несколько иная: все-таки найти пути взаимодействия. Я предлагаю главный акцент в этом абзаце ставить на объединение усилий, принятие каких-то совместных программ, что само по себе стимулирует это межведомственное взаимодействие. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо большое. Я пока оставляю все предложения без комментариев. Пожалуйста, Валерий Васильевич.

В. В. Бубнов

Уважаемые коллеги, добрый день. У нас идет очень интересный разговор, но я хотел бы отметить то позиционирование, которое очевидно среди участников в определении приоритетных площадок продвижения книги и чтения. И это, наверное, зало-

жено в названии темы круглого стола. В нем библиотеки и образование терминологически оказались как бы в равновесии, хотя библиотека – это учреждение, образование – процесс.

Думается, главная проблема чтения – доступность книги. Берем основные территории книги: библиотека, школа, семья. На какой площадке книга может быть более доступна сейчас, принимая во внимание средние по стране экономические и социальные показатели? Наверное, на библиотечной территории. А в нашем итоговом документе, в его первом абзаце – начальном, ключевом, распахивающем двери проблем с продвижением чтения, – библиотек нет.

Состоялось очень яркое выступление Натальи Александровны Сомовой. Чувствуется, что она мудрый руководитель, и акцент она в своем выступлении сделала на библиотеке. У меня такое предложение, Татьяна Львовна. Я считаю, что все-таки необходимо вывести в приоритет роль именно библиотек на данном этапе реализации Национальной программы чтения. Наверное, те трансферты, которые в соответствии с Федеральной программой «Культура России» получают муниципальные территории, – это хорошее начало воплощения Национальной программы Чтения. И надо закрепить их, потому что нам еще нужно много лет для того, чтобы вне крупных городов вновь открылись книжные магазины.

Дороговизна выпуска полиграфической продукции приводит к тому, что небольшие магазины не скоро будут восстановлены. Школьные библиотеки ограничены параметрами учебного процесса – это тоже очень локальная зона. Только библиотека обеспечивает населению доступ к значительной части российского издательского репертуара с наименьшими финансовыми затратами.

Поэтому надо поправить первый абзац, подчеркнуть роль библиотек и необходимость закрепления приоритета финансирования за библиотеками. Вот мое предложение. Спасибо за внимание.

Т. Л. Манилова

Да, пожалуйста, Вячеслав Григорьевич Поздняков.

В. Г. Поздняков

Спасибо, Татьяна Львовна. Действительно, разговор интересный. Когда мы говорим о чтении, то, конечно, подразумеваем как общество в целом, так и отдельные категории читателей: дети, инвалиды, подростки и т.д.

Я затрону вопрос чтения научных работников. Я представляю важнейшую отрасль экономики нашей страны – аграрно-промышленный комплекс. От этого комплекса во многом зависит уровень жизни в нашей стране, а также продовольственная безопасность,

Как известно, продовольственная безопасность России находится на низком уровне, мы не в состоянии обеспечивать себя многими важными продуктами и значительную часть их закупает за рубежом. Но такие закупки могут неожиданно прекратиться и не только из-за того, что кто-то обидится на нас за признание Южной Осетии или Абхазии, но и по другим, не политическим причинам. Например, в этом году получило массовое распространение такое серьезное заболевание свиней, как африканская чума, и поставки мяса из ряда стран в Россию прекращены.

Ясно, что победить опасные заболевания не только животных, но и людей можно на основе новых знаний, а раз речь идет о знании, то сразу же возникает проблема чтения.

Один из выступавших передо мной очень правильно сказал о том, почему у нас даже ученые мало читают. Мы все время слышим, что надо поддерживать детское чтение, чтение других категорий и государство в этом должно оказывать финансовую помощь. А как быть с научной литературой? Ведь издавать ее очень затратно, а тиражи чаще всего составляют 100–500 эк-

земляков. И такую литературу не в состоянии приобрести не только аспиранты и молодые ученые, но и библиотеки.

В последнее время мы гордимся тем, что наши научные библиотеки имеют возможность приобретать научные электронные журналы в режиме онлайн. Но мы практически не приобретаем за рубежом монографии, книги, труды научных конференций. Это и является одной из важных причин того, почему ученые, по крайней мере аграрники, мало читают. Надо расширять репертуар изданий, а не ограничиваться одной периодикой.

За недостатком времени, я не буду останавливаться на проблеме чтения ученых, хотя считаю эту проблему весьма актуальной и требующей постоянного изучения и внимания.

Я хотел бы заострить внимание вот на чем. За последние годы в библиотеках нашей страны произошли значительные положительные изменения с точки зрения технологического оснащения и в особенности информационной составляющей.

Многие библиотеки подключены к Интернету, внедряются новые информационные технологии, новые АИБС, в частности Ирбис, MARC–SQL и др. Все сейчас увлеклись доступом к полному тексту. Хочу отметить, что чрезмерное увлечение, не столь эффективно, сколь затратно. Практика работы нашей библиотеки показывает, что вкладывая большие усилия и средства в полнотекстовые документы мы не получаем большого читательского интереса. Здесь может быть много причин: плохое знание английского языка, на котором в основном пишется зарубежная научная литература, плохие телекоммуникации, не обеспечивающие качественную связь, отсутствие средств на трафик и т.д. Я подчеркиваю, что проблемы чтения ученых существуют и требуют своего изучения и решения.

Хочу поддержать коллегу из Челябинской академии культуры, отметившую важность поиска новых путей представления информации. Обращаю ваше внимание на наш традиционный библиотечный продукт – библиографические

указатели. До сих пор еще немало библиотек, по крайней мере в нашей отрасли, к созданию библиографических указателей подходят поверхностно. Главное для них – сделать перечисление источников по данной теме, иногда даже не удосуживаются уточнить, где эти источники находятся.

Необходимо коренным образом менять эту практику. Современные библиографические указатели должны в полной мере отвечать требованиям полноты, оперативности, точности. Каждый источник должен иметь точный адрес хранения, способ доступа к нему. В практике работы ЦНСХБ Россельхозакадемии в библиографической деятельности все большее значение занимают путеводители по проблеме, куда наряду с перечислением традиционных источников, статей, переводов, включаются ГОСТы, стандарты, технические условия и т.д. В них пользователь выходит на конкретные НИИ или даже конкретного исследователя, занимающегося данной проблемой.

Современные методы и формы представления научной информации требуют создания особых лингвистических продуктов, таких, как, например, тезаурусы, рубрикаторы. Решение проблемы их создания, поддержки и использования имеет большое значение для поиска нужной информации.

И последнее, Татьяна Львовна!

Я считаю, что в настоящее время роль Министерства культуры в библиотечном мире сильно снизилась. Многие областные библиотеки отданы на откуп местным властям, а о научных библиотеках и говорить не приходится. Может быть, по опыту советской эпохи стоит создать какую-либо структуру при Минкульте, куда вошли бы представители властных структур различных ведомств, имеющих библиотечные сети.

Что касается итогового документа, то я считаю: в основе он неплохой, и, надеюсь, без больших проблем мы его подработаем.

Спасибо большое.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Вячеслав Григорьевич.

Пожалуйста, следующий.

С. В. Волков

Уважаемые коллеги, у меня есть ряд размышлений, которые я завтра буду представлять в своем докладе. Поэтому здесь скажу коротко. У нас на повестке дня, как мне кажется, стоит очень важная задача реального – а не только декларативного – сближения системы образовательной и системы библиотечной, причем именно в тех точках, которые к этому готовы. Но чтобы это сближение произошло, мы должны побывать в шкуре друг друга.

Я педагог, я работаю в школе, преподаю русский язык и литературу. В прошлом году в первый раз попал в вашу компанию и уже целый год «варюсь» в библиотечной среде. Но тогда, на первой конференции, я поразился: «Неужели мы в их глазах так выглядим? О чем они все говорят? Это же ужас!» И вот весь год я то и дело езжу на различные библиотечные мероприятия. Я был в Судаке, я был в Ульяновске, мы съездили в Брянск, где выступали перед библиотекарями. Я сейчас провел семинары библиотекарей и учителей в Великих Луках, и конца этому не предвидится, судя по всему. Теперь я знаю о вашей системе больше, чем мои коллеги. Они, произнося слово «библиотека», представляют себе совсем не то, что я. Но когда вы говорите о школе, вы находитесь ровно в той же самой ситуации. Вы либо вспоминаете себя, либо у вас сейчас есть дети, внуки, знакомые, которые ходят в школы и сталкиваются с тем или иным конкретным опытом. Первый шаг, который, как мне кажется, надо обязательно сделать – надо друг с другом познакомиться. Почему система образования сейчас на ваши призывы не откликается? Ну, во-первых, действительно, с той лавиной задач, которая обрушилась сейчас на систему образования, нам спра-

виться сложно. У нас национальный проект, огромные деньги, которые надо потратить в срок, вовремя, отчитаться, распределить, ЕГЭ тут же навалился во всех сферах. Занята система образования под завязку. А вы еще предлагает конкурс Тютчева.

Что нужно системе образования от библиотеки, если по-честному? Простая вещь – обслуживание. Я должен ученику дать задание и быть уверенным, что он пошел в библиотеку и нашел там для всех моих заданий не ответы, а материалы. И если это есть, я библиотеку ценю (я не признаюсь в этом, но все хорошо). Если этого нет, тогда беда. Но тогда вы должны знать, что мы заказываем – мы сами-то не приходим вам говорить, мы вам учеников посылаем. А для того чтобы знать, что мы заказываем, я считаю, вам нужно прийти в школу.

С другой стороны, вы хотите быть заказчиками для системы образования – в части выступлений я это очень отчетливо слышал. Вы видите, что в системе образования не произошло такой встречи с книгой, которая ребенка пронзила, и, как можете, это ликвидируете своими силами. Поэтому, для того чтобы вы были грамотными заказчиками, надо, чтобы учителя к вам пришли и узнали, что такое сейчас библиотека. Разная библиотека: детская, муниципальная, в конце концов, что такое школьная библиотека, которая в вашей системе тоже как-то не прижилась и вообще повисла между двумя ведомствами.

Если бы кто-то из авторов сборника «Школа как территория чтения» здесь присутствовал, то он мог бы увидеть библиотеку изнутри и потом понес бы эту информацию в ту среду, которую вы упрекаете в глухоте и невнимании. Поэтому у меня есть конкретное предложение. В системе образования сейчас внимание государства обращается на систему повышения квалификации педагогов. Я бы заложил в эту новую программу обязательный пункт: нужно, чтобы учителя разных предметов в обязательном порядке проходили обучение стратегиям, техникам чтения, продвижения чтения. Слово «чтение» должно входить в программу повышения квалификации любого учителя. И второй момент.

Мы должны обязательно проводить в тех регионах, которые к этому готовы, совместные рабочие семинары по повышению квалификации для библиотекарей и учителей литературы. Необходимо работать командой. Когда Министерство образования изнутри себя вдруг услышит слова учителей: «Нам нужно с библиотекарями работать!», только тогда оно будет это делать. Тот же Брянск готов проводить мастер-классы, тренинги, внедрять систему обучения для литераторов и для библиотекарей.

Большая проблема заключается в том, что ребенок в библиотеку идет или не идет по своему желанию (так же, как в музей или театр), а к нам он приходит обязательно. Он приходит на литературу, например, три раза в неделю, преподаватель закрывает дверь и эти три часа делает что-то. В результате человек либо идет за книжкой, либо не идет, если чтение у него ассоциируется со скучным, неинтересным занятием. В школьном пространстве совершается массовое и регулярное приобщение или отвращение от книги. И от того, что происходит там, зависит дальнейшее функционирование других институтов. Учителя литературы оказались сейчас в очень сложном состоянии, потому что в системе образования этот предмет стремительно маргинализируется. Скажите мне, пожалуйста, мы можем опереться на Министерство культуры как на лоббиста в вопросах, скажем, связанных с чтением на территории школы? С уроками литературы? Сейчас, увы, нет, но, может быть, стоит попытаться?

Литературное образование в нашей стране в общем-то заканчивается, потому что с этого года в системе единого экзамена для школьника остается только два обязательных экзамена – русский язык и математика. И учителя литературы сейчас перестают быть учителями литературы, становясь учителями русского языка. Учителям вдруг им показали (не впрямую, конечно): литературное образование уже необязательно, не нужно обсуждать с учеником произведения, проводить письменные работы, оставлять один на один с листком, а потом это проверять. Экзаменов ведь больше нет. Учителя вздохнули с облегчением и все это делать перестали, ведь у них и так нагрузка колоссальная. Когда я вижу,

как наше государство, с одной стороны говорит: «Национальная программа поддержки чтения, Тютчев, Пушкин, мы должны читать», а с другой – показывает, что учителям в этой зоне напрягаться не надо, я лично ничего не могу понять.

Министерству образования не до вас. Поэтому надо не просто стараться до них достучаться, а предлагать конкретные идеи, которые им помогут найти контуры будущего нацпроекта. Я одну из таких идей уже озвучил: давайте в системе повышения квалификации педагогов и работников культуры осуществлять взаимодействие, давайте добиваться, чтобы в программу таких курсов было заложено слово «чтение».

Т. Л. Манилова

У нас уже набираются конкретные предложения. Я бы просила принципиальные идеи представить в письменном виде, чтобы они потом были адекватно отражены. Спасибо огромное.

С. В. Алексеева

Уважаемые коллеги, можно буквально реплику? Я слушала долго и в конце концов я не выдержала. Такое ощущение, что Карелия – единственный счастливый регион, в котором нет противостояния между культурой и образованием, где культура и образование работают вместе. Сейчас есть институты усовершенствования учителей, они все работают. Ни одни курсы повышения квалификации учителей у нас не проходят без участия нашей библиотеки. Учителя в рамках курсов целый день проводят в нашей библиотеке. С чего начинается учебный год? Учебный год начинается с августовских педагогических чтений, в которых библиотека участвует. С чего начинается учебный год школьников? Они все приходят в нашу библиотеку на экскурсии, обзоры, записываются в библиотеку. У нас сейчас приезжают из районов, не только из Петрозаводска. Просто надо

работать. Надо работать в библиотеке действительно снизу, а не ждать, когда Министерство культуры и Министерство образования объединятся. Надо самим идти в Министерство образования. У нас заключен договор со всеми школами, с институтом усовершенствования учителей. Мы готовим курсы повышения квалификации, проводим у них какие-то семинары. Мы в этом году провели большой мастер-класс «Мастерская чтения», который объединил и библиотекарей, и учителей. Я призываю просто работать. Вот и все.

Т. Л. Манилова

Запишем это в резолюцию: давайте просто работать. Да, пожалуйста, Татьяна Яковлевна.

Т. Я. Кузнецова

Коллеги, я выслушала выступление Сергея Владимировича и в чем-то, хочу признаться, с ним солидарна. То благополучное положение в Карелии, про которое мы сейчас услышали – это крайне редкая ситуация. Безусловно, есть регионы, где действительно школьная система работает в тесном контакте с библиотечной и между ними сложились определенные контакты в плане повышения квалификации. Но это, еще раз повторяю, редкость.

Мы уже второй год реализуем образовательные программы в формате коротких тренинг-семинаров и в формате профессиональной переподготовки по менеджменту продвижения чтения. И чем больше мы работаем, тем больше я убеждаюсь в том, что даже библиотекари публичных библиотек до конца не понимают весь круг серьезных профессиональных задач, которые нужно им решать, продвигая чтения. У многих очень стереотипное отношение к этому – работают старый формат, старое сознание. Чтобы расширить кругозор наших библиотекарей,

приходится действовать комплексно, затрагивая все вопросы, связанные с продвижением чтения. Среди них такие важные, как библиотечное лидерство в популяризации и продвижении чтения, роль СМИ в этом процессе, связь с системой образования и многое другое. Мы идем фактически по новому пути. Новые образовательные программы у нас осуществляются с трудом. Главная сложность в том, что не хватает финансовых средств, а порой и моральных усилий у обучающихся, чтобы довести обучение до конца. Мы открыли эксклюзивную программу профессиональной переподготовки «Менеджмент продвижения чтения». На первую сессию приехало 25 человек – замечательная группа. На вторую сессию пришло учиться из этой группы только 7 человек. А ведь у нас бесплатное обучение, бесплатное проживание и комплексная, интересная программа. Видимо, считают, что знаний хватает. Но мы, тесно общаясь с нашей учебной аудиторией, поняли, насколько сегодняшние знания библиотекарей не соответствуют тем задачам, которая ставит перед ними Национальная программа.

Еще более серьезные проблемы возникают, когда мы говорим о межведомственном взаимодействии, о контактах библиотеки и школы. Еще раз повторяю: есть замечательные примеры успешной работы, и можно было бы выбрать экспериментальные площадки для трансляции этого замечательного опыта – хотя бы ту же Карелию. Проблема очень острая, и ее необходимо решать. Надо создавать программы для учителей, опираясь на наш небольшой образовательный опыт, опыт работы с центральными региональными и муниципальными библиотеками. Здесь, конечно, следует выходить на принципиально новый уровень. Мы ставили перед собой эту задачу и планировали в наших первых проектах задействовать систему образования, но до сих пор сотрудничества не получилось. Конечно, коллеги, в вопросах межведомственного взаимодействия очень большую роль играют личные контакты, а также имеющиеся связи между органами управления культуры и органами управления образованием.

Нужно по-новому работать со всем комплексом литературы, которую следует научиться продвигать. Ведь речь идет не только о художественных произведениях, но и о научной, научно-популярной, производственной и другой литературе. Должного опыта пока еще нет ни у библиотекарей, ни у учителей. Я в этом убеждена. Уровень информационной культуры сегодняшних учителей крайне низок. Это факт. Сегодня даже библиотекари, в том числе школьные признают, что у них нет времени следить за новыми публикациями, отслеживать документальный поток, в частности по вопросам реформирования системы образования. Аналогичная ситуация и в высшей школе. Мы переходим на бакалавриат и магистратуру, но фактически не знаем до сих пор, что это такое. У нас ни литературы нет соответствующей, ни знаний по этому вопросу. И без библиотекарей здесь не обойтись. Неслучайно ректор вологодского университета на Международной конференции «Библиотека и образование», сказал: «Я убежден, что задача по реформе системы образования, которая сегодня происходит в стране, может быть решена только с помощью библиотекарей. Педагоги не смогут осуществить достойно эту реформу, если не будут использовать наилучший опыт, не будут информированы о происходящих процессах и не будут иметь доступ к лучшей отечественной и зарубежной литературе по этому вопросу».

В связи с этим необходимо повышать, с одной стороны, квалификацию библиотекарей по работе с продвижением чтения, а с другой – информационную культуру учителей и преподавателей высшей школы. А это может сделать только хороший библиотекарь. Поэтому выход из сложившейся ситуации один: пытаться разработать экспериментальные образовательные программы для этих двух категорий специалистов и поработать вместе, как правильно предложил Сергей Владимирович. И наша Академия, я считаю, обязана предложить хотя бы одну такую программу в экспериментальном формате, а потом, если она окажется удачной, транслировать этот опыт в другие регионы. Спасибо за внимание.

Т. Л. Манилова

Спасибо, Татьяна Яковлевна. Пожалуйста, Канушина Людмила Анатольевна.

Л. А. Канушина

Уважаемые коллеги, мне сегодняшнее мероприятие очень понравилось, выступления интереснейшие. Я слушала и думала о том, что же сделано уже в нашей библиотеке и что нужно еще сделать. Я считаю (и вы, наверное, со мной согласитесь), любой проект будет успешно развиваться, если его поддерживают властные структуры. В нашей библиотеке такой уникальный проект существует – это «Большое чтение в Саратовской области». В его рамках мы обсуждали книгу Харпер Ли «Убить пересмешника», проводили чтения, посвященные А. С. Пушкину, посвященные Л. Улицкой и ее проекту «Другой, другие, о других», было очень много интересных мероприятий. А знаете, с чего это началось? На открытии Центра толерантности в нашей библиотеке присутствовали заместитель председателя правительства Саратовской области Наталья Ивановна Старшова и Екатерина Юрьевна Гениева, генеральный директор Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, и у нас появилась идея совместного проекта «Большое чтение в Саратовской области». Мы смогли привлечь заместителя председателя правительства области и губернатора, Павла Леонидовича Ипатова. Он присутствовал на всех мероприятиях, проводимых совместно с Библиотекой иностранной литературы. Благодаря Наталье Ивановне Старшовой, которая руководит социальной сферой, было обеспечено сотрудничество с Министерством образования, Министерством культуры и Министерством социальной защиты.

Общими усилиями все наши проекты успешно реализуются. Они проходят и в университетах, и в библиотеках, и

в гимназиях, и в школах. И самое приятное, что Министерство образования ждет очередного проекта, принимает в нем активное участие. Нам уже не приходится уговаривать их, они сами предлагают провести мероприятия в гимназиях, лицеях, школах. Например, было решено ежегодно проводить в библиотеке Пушкинский бал для школьников и студентов. У меня есть кассета с записью этого бала. Вы знаете, наш экс-министр Михаил Аркадьевич Брызгалов приучил нас создавать фильм после каждого проекта и поручать работу над фильмом профессионалам, даже если это требует определенных затрат. Теперь о любом мероприятии, которое проходит в библиотеке, создается фильм. Это позволяет нам в дальнейшем обсудить, как же мы работали совместно со всеми ведомствами и учреждениями.

Наш губернатор должен был завтра выступать, но, к сожалению, не смог приехать. Мне, конечно, очень обидно, потому что он хорошо разбирается в проблеме. Губернатор включил в комиссию по изданию социально значимой литературы представителей библиотек, образования, и мы все вместе с правительством области обсуждаем, какие книги краеведческого характера должны иметь приоритет, а затем эти книги издаются. И в общероссийском рейтинге Российской книжной палаты наша область заняла 9 место по изданию книг. В прошлом году была издана 1191 книга, это более 5 млн экземпляров.

Мы можем строить очень большие планы. У нас проходит конкурс лучшей книги года, существует литературная премия имени Михаила Алексева. Я с удовольствием приглашаю всех принять участие в нашем очередном проекте «Большое чтение» – 8 декабря этого года мы будем обсуждать всей губернией книгу «Семья – величайший дар». На следующий год город Саратов выбран всероссийской столицей проведения Дня славянской письменности и культуры, в нашей библиотеке состоится много значимых мероприятий, в том числе обсуждение книг Александра Солженицына. Я счастлива, что эти проекты в нашей губернии реализуются

совместно со всеми министерствами – образования, социальной защиты. В этом и заключается успех нашей уникальной программы. Если будет создан сайт, мы с удовольствием выставим все свои фильмы. Я могу переписать и выслать такие фильмы в каждый регион, чтобы вы познакомились с нашим опытом работы. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо. Я помню, во время РБА у вас был спектакль «Ночь в библиотеке».

Л. А. Канушина

Вы знаете, я забыла сказать самое главное: уезжая, я получила информацию о том, что по итогам нашей инновационной деятельности (в том числе и за инновационный проект «Большое чтение в Саратовской области») наша библиотека получила грант губернатора области на материальную поддержку 4 млн. рублей. Это прекрасно.

Т. Л. Манилова

Спасибо за приятную информацию. Понятно, что у нас здесь лучшие представители лучших регионов, поэтому все звучит очень позитивно, хотя жизнь гораздо богаче и, к сожалению, в целом гораздо хуже. Кто еще хотел бы высказаться? Пожалуйста. Имейте в виду, коллеги, что у нас осталось чуть больше 10 минут.

В. И. Митина

Я с большим удовольствием прослушала все выступления. Хотела бы только чуть-чуть поделиться тем опытом, который

есть в Москве. У меня вопрос такой: кто виноват? Для себя я отвечаю: виноваты мы, родители, потому что мы у нас выросли те дети, которые вдруг перестали читать. А у наших детей выросли свои дети, которые сегодня учатся в начальной школе. Поэтому остается большой вопрос: кто виноват и что делается в Москве с учетом этих «виноватых»? Правительство Москвы утвердило программу поддержки чтения на 2007–2008 гг. Это программа межведомственная, объединяющая Департамент образования, Департамент культуры, Комитет по телекоммуникациям, все торговые организации, которые есть в Москве, и библиотеки – от небольших районных до самых крупных городских. В Москве для всех этих ведомственных организаций много работы. И работа ведется. Если на какой-то период времени перекрывается Арбат и идут дети с книгами, идет театрализованное представление, это тоже что-то значит. Сегодня здесь прозвучало очень верная мысль: дети – это самые активные участники. Мы, взрослые, виноваты иной раз, что не поддерживаем интерес детей к чтению. У детей этот интерес есть, только мы должны вместе с вами его развивать. Спасибо.

Т. Л. Манилова

Спасибо большое. Есть еще желающие? Подводим итог. В первых, повторю: тех, кто вносил предложения устно, я прошу изложить их в письменной форме. Сейчас будет время обеда, после обеда можно мне передать ваши конкретные предложения, тогда завтра я смогу о них рассказать на пленарном заседании, чтобы мы их обсудили и отразили по возможности в итоговом документе. Если кому-то из тех, кто не выступал, придет в голову гениальная мысль, тоже прошу передать в письменном виде или подойти ко мне и об этом сказать, потому что не хотелось бы потерять что-то ценное.

Несмотря на то, что у нас получилось очень разноплановое обсуждение, я бы хотела сделать свой общий вывод. Конечно, в нашей аудитории мало участников из сферы образования. Со-

отношение 10 к 90 – уже классика. Но все-таки эти участники есть, в прошлом году их было значительно меньше. Далее. У нас в стране недостаточно развита инфраструктура поддержки чтения. Для того чтобы мы могли успешно развивать чтение, нужна инфраструктура. Конечно, начальные основы для ее формирования создают наша конференция и целый ряд мероприятий в рамках реализации Национальной программы поддержки чтения. Уже сейчас есть круг тех, кто заинтересован в этой проблеме, и круг этот постоянно расширяется. Мне кажется, самое главное, что мы должны сделать, – это обеспечить взаимодействие. Об этом сегодня говорили практически все участники. Надо создавать систему обучения, систему переподготовки, больше пиарить эту проблему в общественной среде и среде властных структур и, наконец, искать и объединять ресурсы. Эта тема общая для всей страны. Если не будут читать наши граждане, будет формироваться агрессивная внешняя среда. Если мы хотим жить хорошо (а тем более, если хотим, чтобы хорошо жили наши дети), мы должны позаботиться о создании читающей среды. Это очень большая работа, связанная с изменением самого образа жизни. Необходим переход к интеллектуально здоровому образу жизни, в котором чтение, информация, накопленная человечеством, должны войти в обиход каждого. Невозможно знать все, но надо по крайней мере знать, что это было.

Я благодарю вас за активное участие в нашей встрече и надеюсь увидиться со всеми на лекции Тома Палмера, которая обещает быть очень интересной.

Секция «Книгоиздание и книгораспространение»

Часть I

А. Н. Воропаев

Коллеги, я прошу всех садиться, занимать свои места. Некоторые наши участники задерживаются в связи с пробками на дорогах.

Я хотел бы начать с того, что наша конференция проходит во второй раз. В прошлом году ее необходимость была обусловлена подписанием в 2006 г. Национальной программы поддержки и развития чтения. Тогда, год назад, мы подвели первые итоги Программы. Как вы помните, было большое количество представителей городов, областей, губернаторского корпуса и, конечно же, федерального уровня. Теперь прошел еще один год, нам есть чем друг с другом поделиться, есть что рассказать и обменяться мнениями. Наша секция называется «Книгоиздание и книгораспространение». Неудивительно, что она появилась в составе конференции, потому что поддержка чтения и любовь к чтению начинают прививаться именно с момента создания книги, с момента доставки ее до покупателя, до читателя. Наша секция работает в свободном режиме. Здесь нет четкой регламентации: кто за кем будет выступать. Поэтому, если у кого-то есть предложения, сразу можно мне направлять в президиум записки.

Работа нашей секции будет проходить в два этапа: до 12 часов будет первое заседание, потом небольшой кофе-брейк, затем второе заседание. После этого будет перерыв на обед, а далее лекция Тома Палмера, как указано в программе. Основное пленарное заседание будет завтра.

Для того чтобы начать разговор, сразу коснусь темы, которая, наверное, волнует большинство здесь сидящих. Книгоиздание и книгораспространение – это бизнес, и именно эти отрасли нашего большого книжного дела больше всего

столкнулись сейчас с проблемой финансового и банковского кризиса. Сейчас эта тема выходит на первые полосы наших ведущих отраслевых изданий, и, думаю, сегодня мы ее тоже коснемся.

Для начала я хотел бы дать слово профессору Борису Владимировичу Ленскому, потому что ему, к сожалению, нужно будет сегодня уехать раньше. Борис Владимирович, буквально несколько слов: Ваше видение проблем, которые сейчас стоят перед книгоизданием, книгораспространением. Подходит к концу 2008 г., есть уже определенная наработанная статистика, есть определенные показатели. Пожалуйста.

Б. В. Ленский

Первое, что мне хотелось бы сказать: конечно, совершенно правильно в самой Программе прописаны проблемы книгоиздания и книгораспространения. Чтение – это прежде всего способ потребления книги, а поскольку потребление находится в большой зависимости от того, что потребляется, сколько потребляется, как потребляется, есть прямая связь с книгоизданием и книгораспространением. На мой взгляд, очень правильно сделали организаторы сегодняшней конференции, что создали специальную секцию для обсуждения того, как должно развиваться книгораспространение именно в рамках и в тенденциях той программы, которая намечена.

Я действительно хотел бы два слова сказать о статистике и выводах, которые можно сделать сегодня. Здесь присутствует Константин Михайлович Сухоруков, один из авторов статистического отчета, опубликованного к открытию нашей осенней Международной ярмарки. Анализ показывает, что наблюдался весьма необычный, чрезвычайно высокий рост производства в первом полугодии этого года. Тираж постоянно, на протяжении нескольких лет снижался, а тут увеличился по сравнению с тем же периодом прошлого года чуть не на 20 %.

И вы знаете, я предпринял эксперимент, причем на мысль об этом эксперименте меня натолкнули события 10-летней давности. «Восьмые» годы какие-то роковые стали. Были роковые «сороковые», а теперь «восьмые». В 1988 г. начался кризис тиражей. Тогда был максимум тиража книг и брошюр, который выпускался на нашей территории. Если вы помните, в Советском Союзе с его 15 республиками тираж тогда составил 2,3 миллиарда экземпляров, в границах нынешней России тираж составил 1, 8 миллиарда, тоже, в общем-то, внушительная цифра. И с тех пор тираж непрерывно снижался. Самая низкая точка падения была где-то в 1994–95 гг., когда выпускалось всего около 400 миллионов экземпляров, т.е. наблюдалось падение почти в шесть раз по сравнению с тем, что было в Союзе. Кое-как мы стабилизировали этот уровень – я считаю, не повысили, а кое-как стабилизировали – в середине 90-х – начале 2000-х гг. благодаря государственной поддержке, которая на рубеже веков сыграла большую роль в восстановлении потенциала книгоиздания.

Но вы знаете, что в 1998 г., в самом разгаре этого подъема, этого нового разбега тоже произошел кризис – ровно через 10 лет. Этот кризис выразился примерно в тех же чертах, что и начало нынешнего кризиса. В первом полугодии 1998 г. был получен гигантский прирост – чуть ли не в два раза выше, чем в первом полугодии 1997. И все радовались, что работает механизм государственной поддержки: «Ах, какие мы умные, что придумали государственную поддержку. Вот теперь-то мы им всем покажем». Конец 1998 г. закончился не так радостно, прирост был всего около 2 %, т.е. все второе полугодие пошло под откос из-за того, что в августе произошел дефолт. И самое главное – в издательской системе (мы в последнее время часто употребляем выражение «издательская система», подразумевая множество издательств, которое действует в России и обеспечивает довольно мощный потенциал развития) мы в 1999 г. не досчитались тысячи издательств. Было шесть с небольшим тысяч, стало пять тысяч. Вот это вроде бы незаметное на количественных показателях падение произошло в составе издательской системы.

И вот наступил 2008 г. Первое полугодие – блестящее. Блестящее! Вообще трудноождаемое – я видел эти цифры и восхищался: вот, как мы все-таки здорово умеем, программу чтения приняли, и теперь у нас все развивается. Но сейчас уже налицо явные признаки финансового кризиса, причем их, по-моему, еще нет в статистическом оформлении, но они уже есть в действиях, в разговорах и даже уже в некоторых публикациях.

Я преподаю предмет «Современное книгоиздательское дело» в Московском государственном университете печати. У нас есть и вечернее отделение, где в основном работающая публика занимается, да и «дневники» многие с 3–4 курса тоже уже работают. Я проводил мини-опрос во время лекции. Говорю: «Ребята, ну что-то как-то вы ощущаете?» И ни одного человека не было, который сказал бы: «Да нет, все вроде пока нормально». Все, буквально все отметили изменения (правда, каждый со своей позиции). Одни говорят: каждый квартал получали премию, в этот квартал не получили. Каждый год получали премии, в этом году сказали, что не будет. Некоторым сказали: вы, ребята, не о премиях думайте, а о том, чтобы вас не сократили, потому что объем производства у нас сокращается, рынок перенасыщен. Об этом давно говорилось, еще знаменитой «ТОП-Книгой». Доклады Георгия Александровича о системном кризисе в книгоиздании появились лет пять назад – я еще в Книжной палате работал. Уже тогда шли эти разговоры. И поэтому трудно сказать, чем закончится второе полугодие после блестящего первого.

Я сделал такой очень гипотетический расчет, больше для себя. Я посмотрел, что за предыдущие годы (2006 и 2007) второе полугодие давало примерно 55 % из годового выпуска. Я посчитал, что было бы, если бы даже никакого дальше гигантского увеличения не было, а просто рост был во втором полугодии такой же, как в первом полугодии, т.е. равномерный в течение года. У меня получилось, что мы должны были бы выпускать 130 тыс. названий. Это очень большая цифра. Это уже, по-спортивному выражаясь, прочное третье место, прочная бронза в мировой таблице о рангах. И тираж гигантский по сравнению с тем,

что выпускают сейчас, – 760 миллионов экземпляров. Напомню, что у нас за весь новый век, за эти 8 лет, только однажды годовой тираж составил 702 миллиона экземпляров и то, скажу вам откровенно, там просто были некоторые неточности в подсчетах. И вдруг 760 миллионов экземпляров при всем том, что распространители говорят, что идет кризис перепроизводства. Может быть, Константин Михайлович внесет какие-то коррективы, у него, наверное, есть последние данные. Я, кроме этих, никакими не располагаю. Но думаю, что будет некое повторение. Знаете знаменитое выражение Маркса, что история сначала происходит в форме трагедии, а потом в форме фарса? Вот я боюсь, как бы у нас не было такого фарса первого полугодия по сравнению со вторым.

Я думаю, сейчас усилия должны быть направлены прежде всего не на спасение того, что рушится, а на анализ того, что происходит, где и как более умело использовать для спасения тонущего корабля эту хотя бы небольшую государственную поддержку, которая сегодня существует в форме федеральной программы. Кроме того, сейчас модно произносить слово «менеджмент» и модно говорить о стратегическом менеджменте, т.е. о предвидении того, что будет происходить. Причем умные менеджеры-теоретики дают такой совет. Наша задача при стратегическом менеджменте, говорят они, попробовать очутиться в будущем и из будущего взглянуть в прошлое, посмотреть, что мы делаем правильно, а что делаем не так. Это мудрый совет, и ему стоит следовать, если можно. Не затыкать дыры, а попытаться выйти из кризиса с наименьшими потерями, принимая соответствующие меры.

Хочу отметить, что подходить к проблеме надо очень индивидуально, в зависимости от того, какое издательство, какой у него рынок, какие клиенты. У «Белого города» или у «Терры», чьи клиенты покупают нумерованные издания по несколько тысяч долларов, рынок, может быть, и не упадет, потому что несколько тысяч долларов для богатого человека не делают погоды. Нужно посмотреть именно те издательства, которые

работают с социальным заказом, и решить, как им можно помочь, потому что главное – сохранить в издательском бизнесе ядро той социально значимой литературы, которая помогает поддерживать все остальные отрасли.

Сейчас, вы знаете, идет реформа высшего образования и образования вообще. В стадии утверждения находятся образовательные стандарты высшего профессионального образования, в частности и по нашей специальности, которая в реестре Министерства науки и высшего образования называется «Издательское дело». И, наверное, для того чтобы осуществлять эту реформу, нужно не просто большое количество учебников – их в общем довольно много. Нужны какие-то новые учебники, помогающие формировать те новые качества у наших студентов, которые сегодня называются компетенциями. Сегодня «компетенция» – это целое большое понятие, которое обозначает образовательный результат того, что происходит. Компетенция предполагает, что человек знает, умеет, может использовать свои знания в ситуациях, подобных нынешней, т.е. в трудных и быстро изменяющихся условиях. Я думаю, что на эту тему нам и надо сегодня поговорить. Больше я, к сожалению, пока на основании этих двух цифр, которые Константин Михайлович опубликовал, ничего не могу сказать, поэтому желаю всем, чтобы наша конференция прошла успешно.

Последнее замечание касается самого чтения и той конференции, в которой мы с вами участвуем. Мне пришлось выступать по этому поводу во время Ярмарки, когда Евгений Иванович со своей командой проводил круглый стол, посвященный тому, какое чтение мы продвигаем и т.д. Мне кажется, что нам нужно внести изменения в стратегию этого движения за чтение. Пока стратегия подразумевает, что мы будем изредка собираться и друг друга убеждать: чтение – это хорошо. Но чем активнее мы будем это утверждать, тем скорее нам всем все это надоест. Мы будем просто приходить, отговаривать свой текст и продолжать в том же духе. Мне представляется, что действия по активизации поддержки развития чтения должны носить

более конкретный характер, причем конкретный характер в каждом предприятии и в каждой отрасли. Если это школа, то надо по крайней мере знать, что у нас в 1 «А» читает 5 человек, а не читает – 25, и разработать мини-программу, добиться, чтобы к концу учебного года читало 8 человек или 10, используя различные способы. Это надо, видимо, делать в семьях, это надо делать в каких-то сообществах, на каких-то социальных собраниях, с тем чтобы мы могли видеть, что у нас увеличивается число читающих, а не просто фиксировать из года в год число нечитающих и долго объяснять друг другу, почему они не читают. Вот и все, спасибо за внимание.

А. Н. Воропаев

Спасибо, Борис Владимирович. Вы поставили в конце Вашего выступления вопрос ребром, если можно так сказать. Хочу подтвердить, что действительно за первые три квартала 2008 г. рост хороший, где-то 5–6 % по сравнению с 2007 годом. Сейчас у нас по состоянию на первое октября издано приблизительно 85 тысяч наименований. Столько вышло за весь 2005 г. т.е. рост действительно ощутимый. Но, как говорил Борис Владимирович, мы действительно должны посмотреть, что же будет в 4-м квартале, как предприятия, организации, издательства оценивают свои силы в новых экономических условиях и какие у них могут возникнуть изменения в связи с этими проблемами. С этой целью Федеральное агентство начало экспресс-опрос участников книжного рынка с просьбой показать, как издательства, книготорговые организации видят свое будущее. Пока у меня нет полных данных, но есть предварительные. Большинство участников рынка отмечают, что, по их мнению, следует ожидать сокращения тиражей. Что касается сокращения числа выпускаемых названий, то об этом говорят меньше. Многие говорят о сокращении, которое будет касаться как штатов сотрудников, так и самих участников книжного рынка, т.е. издательств, книготорговых предприятий и, может быть, торго-

вых точек, магазинов. Каковы пути выхода из этого положения? Каждое предприятие отвечает по-разному. Кто-то говорит, что будет проведена ревизия контактов, партнеров, ревизия отношений. Некоторые отмечают, что вероятны неплатежи на книжном рынке – мы с этим уже сталкивались. Но опять-таки повторяю, что ответы мы получим ближе к окончанию этого года. Тогда можно будет говорить о том, как действительно будет складываться ситуация на книжном рынке.

Теперь я хочу попросить выступить Ольгу Ивановну Бородину.

О. И. Бородина

Очевидно, что книжную отрасль не могли не затронуть кризисные явления в нашей экономике и в мировой экономике вообще. Наше сообщество активно обсуждает эти проблемы – их немало. Те, которые вы сейчас затронули, коснулись книжной отрасли, несмотря на хорошие цифры, еще в 2006 г. Тогда были первые звоночки начала кризисных явлений в экономике. Волновая теория Кондратьева, в общем-то, на самом деле подтверждается практикой. Действительно, сегодня, в конце 2008 г., кризисные явления затронули нашу отрасль достаточно серьезно. Кризис неплатежей уже не на пороге, а практически «вошел в дверь». Прежде всего он затронул, к сожалению, книготорговые сети. Но, естественно, если сети начинают работать со сбоем, то это коснется и издателей. Цепная реакция: если коснется издателей, значит, будет сокращение тиражей, сокращение количества наименований, реальное сокращение численности, сокращение заработных плат. Сегодня в крупных издательствах идет обсуждение только двух вариантов столкновения с кризисом лицом к лицу. Первый – сокращение заработной платы и сохранение сотрудников, второй – сокращение числа сотрудников. Другого не дано. Мы будем выходить из этого кризиса вместе со всеми, точно так же, как и вся экономика.

На самом деле, по нашим данным, крупнейшие из существующих сетей прекратили платежи уже сегодня. Проблема понятна, потому что книготорговые сети закредитованы и финансовый кризис, естественно, прежде всего коснулся именно их. Вопрос в том, как мы будем решать эту проблему – совместно, оказывая содействие друг другу, или будем бороться каждый за себя. Это важный вопрос, и он сейчас обсуждается в рамках Российского книжного союза. Существует еще одна проблема, которую Вы затронули в своем выступлении. Да, есть великолепные цифры по тиражам. Но на самом деле нужно смотреть не на цифровой итог, а на содержание. Что сегодня издается и выпускается на книжный рынок? Что сегодня продается в большей степени? Книжный бизнес – это, по сути, бизнес социально ответственный. Мы – то сообщество, которое сегодня оказывает огромное влияние на воспитание нового поколения. И от того, что мы будем издавать, зависит в нашей стране очень многое – человеческий капитал, будущая нация. Это не громкие слова, это на самом деле так. А если посмотреть, каков процент литературы, которая не работает в этом направлении, то на самом деле нам есть над чем задуматься. Сегодня у представителя книжной отрасли два варианта: выбрать то, на чем он может заработать деньги на современном рынке, или отрабатывать свою гражданскую позицию и не продавать (если это представитель книгораспространения) ту литературу, которая не решает задачу воспитания нового поколения, литературу бросовую, назовем ее так. Издатель учебной литературы может издать кучу шпаргалок и ответов на все упражнения и задачи и таким образом заработает кучу денег, но как он повлияет на воспитание и образование нового поколения? Надо разобраться в содержании того, что издатели сегодня выпускают, надо задаться такой целью.

По вопросу чтения мы сегодня действительно друг друга убеждаем: чтение – это очень хорошо. Российский книжный союз даже за последний год проделал огромную работу по пропаганде чтения, причем в разных направлениях: это и выставки, и ярмарки, и конференции, и выступления, и встречи, и открытия филиалов, и принятие региональных программ поддержки и

развития чтения. Там, где люди работают, показатели лучше, но общая тенденция по чтению ухудшается. Сегодня мы убеждаем друг друга, что нужно работать со школой, нужно совместно действовать в одном направлении семье, школе, сообществу – всем. Все это понимают прекрасно, но зайдите сегодня в любую начальную школу и спросите у любого учителя, совершенно вам не знакомого, как у него дети читают. И он скажет: плохо. Не только плохо читают – плохо пишут. А почему первоклашки и второклашки плохо пишут диктанты? Какие у них основные ошибки? Они пропускают согласные, пишут новоязом, потому что все они работают на компьютере. Значит, нам нужно задуматься над тем, что прежние методы обучения чтению, возможно, уже не годятся. Может, уже пора думать о новых методиках и вообще новой методологии, потому что растет совершенно новое поколение, которое владеет иными технологиями получения информации. И это оказывает влияние на то, как они работают с книгой, хотят ли они работать с книгой и насколько они могут это делать. Вот тут оказывается, что не все причины были названы нами, когда мы создавали программу поддержки и развития чтения. Требуется дальнейшее исследование. У меня у самой сын во втором классе учится, и я сталкиваюсь с такой же проблемой, как и все, – непониманием ребенка, зачем ему писать, если он может нажать кнопку и напечатать на компьютере. Зачем читать, когда можно залезть в компьютер и все это увидеть? Зачем открывать книгу? Они тоже читают, но по-другому воспринимают это чтение. Нам нужно еще какое-то продвижение в исследовании этой проблематики, для того чтобы мы не друг друга убеждали, а двигались дальше и искали реальные причины сегодняшнего состояния дел.

А. Н. Воропаев

Я хотел бы из этого небольшого сообщения Ольги Ивановны выделить один момент. Согласно тому исследованию, которое мы начали проводить, ожидается тенденция к сокращению именно социально значимых проектов (это касается и крупных, и мелких издательств). Точнее, не к сокращению, а к заморажи-

ванию. Ведь в первую очередь издателям, конечно же, нужно будет получать деньги, и, естественно, издательство будет выпускать именно то, что будет быстро раскупаться, чтобы как-то вернуть деньги и профинансировать некоммерческие проекты. Это к вопросу о том, что же будут читать. Если мы последние 2–3 года гордились тем, что у нас массовая литература постепенно начинает уступать место социально значимой, хорошей, серьезной литературе, то теперь, к сожалению, мы будем констатировать, что массовая литература возвращает утраченные за эти годы позиции. А теперь просим подтвердить все наши данные Константина Михайловича Сухорукова. Он даст точные сведения о том, что же у нас происходит в книгоиздании.

К. М. Сухоруков

Вообще-то я не собирался какой-то статистикой широко оперировать, тем более после Бориса Владимировича довольно сложно что-то говорить. Могу сказать, что кое в чем я не согласен и с ним, и с выступлениями других участников. Вы понимаете, вообще измерять состояние книжного дела статистикой, какими-то цифрами не совсем правильно. И когда мы оперируем понятием социально значимой книги, никто не может сказать, что это такое, потому что любая книга, которая издается и читается, становится социально значимой. И, видимо, до тех пор пока не будут созданы в нашем обществе какие-то четкие, может быть, законодательно обозначенные, критерии не социально значимой, а государственно приоритетной книги, довольно сложно вообще что-то конкретное говорить. Кого-то, возможно, развивает чтение Акунина или Донцовой, кого-то – Льва Толстого. О вкусах не спорят, но ясно, что именно государство, а не социум, может и должно иметь приоритеты в книжной политике. В рыночных условиях государственно приоритетная книга должна обслуживать науку, культуру, образование и просвещение. Коротко говоря, это тот сектор общего книжного ассортимента, который не может конкурировать с массовой литературой без поддержки государства.

Что касается статистики, совершенно правильно сказал Александр Николаевич, что за 9 месяцев у нас действительно рекордные показатели. И даже по состоянию на ноябрь мы идем с опережением рубежей 2007 г. С одной стороны, инерция сильна в любом деле, а тем более в такой громадной стране, как наша. Многие издательские проекты, как вы знаете, рассчитаны не на месяц и не на год. И количество студентов или учащихся в одночасье не может уменьшиться или увеличиться в несколько раз. Поэтому нужно учитывать, что само книжное дело давным-давно уже не монолитно, не однородно, а сегментировано по разным видам и типам изданий, по разным регионам и т.д., и т.п. Я могу сказать, что, видимо, все-таки этот год будет рекордным и по тиражам, и по количеству названий. Но нельзя утверждать, что это очень хорошо или плохо. Борис Владимирович совершенно точно объяснил нам тенденцию. Не нужно замыкаться на каком-то коротком периоде, нужно думать и смотреть на перспективу. А перспектива, конечно, не очень радужная.

Я еще хочу сказать следующее. Мы оперируем данными государственной статистики печати. И Борис Владимирович отметил, что самым провальным годом был 1994. Но почему? В этот год впервые в практике России был принят закон об обязательном экземпляре. И понадобилось несколько лет для того, чтобы наши издатели сообразили, что есть смысл этот закон выполнять, чтобы получать бесплатную рекламу своей продукции. Де-факто в 1994 г. выходило намного больше книг, и их тиражи были намного выше, чем те, которые охватывала статистика. Этот наш прирост по числу названий и тиражей во многом связан даже не с реальными изменениями в издательском деле, а с тем, что просто мы все больше и больше получаем процент обязательных экземпляров. Если раньше, лет 15 назад, он составлял где-то 60 %, то сейчас как минимум 85 %. В Великобритании, которая с нами пытается соперничать (и представители нашего Федерального агентства считают, что мы на четвертом месте идем, вслед за британцами) используется издательская статистика. Почти любой наш крупный издатель по-

жалуется, что Книжная палата чуть ли не в полтора–два раза занижает реальные данные, просто потому что используются разные стандарты. Мы действуем по государственному стандарту учета продукции, а издатель – по своему собственному. К примеру, старается зарегистрировать в качестве самостоятельной единицы любую допечатку тиража, когда в течение года дважды, трижды, иногда и чаще, переиздает одну и ту же книгу. А по официальной статистике это всего лишь одно название. И поэтому я могу сказать, что на самом деле мы давным-давно опережаем Великобританию и прочно занимаем третье место по числу названий. Но опять же этим цифрам не стоит во всем доверять и считать, что это единственный критерий.

У нас в советское время, когда я еще учился в Полиграфическом институте, все время были споры по поводу того, что такое книга. Это товар или нет? Или такой товар, потребительский спрос которого создается в сфере нематериального производства? Сейчас рыночные условия, так что все продается и покупается, а не распространяется в интересах государственной идеологии. Мы говорим о том, что нужно всячески поддерживать книгу, но все программы и сами методы пропаганды, агитации, на мой взгляд, в чем-то не очень эффективны, хотя и достаточно результативны на отдельных участках. Когда книга во многом выполняла функции нынешнего Интернета, телевидения, радио, аудио, видео, у нее был совершенно другой статус. Сейчас, хотим мы того или нет, она конкурирует с массой других источников информации, и мы методами убеждения или даже принуждения никогда не заставим людей читать больше или писать лучше. Это невозможно. Любое явление исторично. Оно начинается, развивается, достигает апогея, потом постепенно сводится на нет. И, видимо, печатная книга рано или поздно часть своих функций передаст другим средствам информации. Может быть, нет смысла вкладывать такие гигантские деньги в поддержку всей печатной культуры, которая, к сожалению, отмирает, а стоит сосредоточиться на том из нее, что имеет реальные перспективы существования.

И еще нужно учесть такую вещь. Мы в своих отчетах неоднократно пытались пропагандировать идею принятия закона о социально значимой книге (пусть она будет так называться) и ее поддержке, издании, распространении. Все эти программы поддержки книги и чтения нацелены на что? Главным образом на поддержку издателей, но не на поддержку книготорговцев, авторов или переводчиков. У нас сегодня с языков всех народов Российской Федерации и СНГ суммарно переводят в меньшем объеме, чем, например, с одного шведского (а об английском можно и не говорить). У нас за год выходят два перевода с украинского, один перевод с белорусского и т.д. Институт перевода с языков народов бывшего СССР практически умер.

Возвращаясь к книготорговцам. Естественно, рентабельность книжной торговли по сравнению с любой другой в несколько раз ниже, но рентабельность того книготорговца, который работает с пресловутой социально значимой литературой еще ниже, чем у его коллеги, распространяющего ассортимент для масс-маркета. Любая система имеет связи внутренние и внешние. Внешние связи – это, на мой взгляд, статус любого научного работника, технического инженера и т.д. в нашей стране. Если население России будет знать, что инженер, врач, педагог, который получил высшее образование (и который, после того как придет на производство, будет еще продолжать совершенствоваться), сможет получать соответствующую оплату своего интеллектуального труда, то, думаю, не надо будет убеждать или заставлять людей читать и покупать книги. И издателей и книгораспространителей не придется уговаривать заниматься этим делом. Это будет просто-напросто выгодно для всех. Мы можем, конечно, агитировать за какие-то конкретные проекты (к примеру, продвижение семейного чтения), и, разумеется, нужно опираться на наши традиции, их никто не отменял. Но все равно необходима общая стратегия, нужно шире смотреть на все эти проблемы. А что касается статистики, я могу сказать, что сейчас у нас на конец ноября уже счет идет на 95 тыс. названий. К 31 декабря 2008 г., когда мы закрываем статистический учет, у нас будет зарегистрировано как минимум 125 тыс. названий книг и брошюр, т. е. поставлен новый рекорд выпуска книжной продукции.

А. Н. Воропаев

Спасибо, Константин Михайлович, за обнадеживающие перспективы. Небольшой деструктив вы внесли в своем выступлении. Я думаю, что Юрий Николаевич Сапожников, которому мы хотим предоставить слово, поспорит с вами относительно предположения, что, может быть, что-то уже отмирает и это уже не стоит поддерживать. Юрий Николаевич, пожалуйста.

Ю. Н. Сапожников

Ну что ж. Оппонентом вообще быть почетно. Я хотел бы сказать доброе слово в адрес наших коллег, организовавших сегодняшнюю встречу, подготовивших документы, которые анализируют состояние книгоиздания и – в меньшей степени – книгораспространения, выступивших с интересной программой. Но я, между прочим, обратил внимание: в связи с программой поддержки чтения мы упоминаем Федеральное агентство по печати и Российский книжный союз. И ничего не можем сказать про Министерство связи, к которому мы по своему несчастью в настоящее время попали. Полгода прошло, мы ничего не знаем: ни кредо министра, ни кредо этого государственного института по отношению к руководству книжной торговли и книжного дела вообще. Уж казалось бы самое простое им – посмотреть на то, что они курируют, на почтовый канал. Нет, ничего не сделано.

Я совсем недавно, неделю назад, был в организации «Мир книги». По нашим данным, 7 % всего товарооборота – это почтовый канал через «Мир книги». У них единая цена на каталожные издания – что в Москве, что в Петербурге, что на Сахалине. У них огромные связи с почтой. Вот где надо было министру-то посмотреть его работников. Но этим никто не занимается. А как дело обстоит с другими нашими очень важными коллегами – средствами массовой информации и в первую очередь радио и телевидением? Сравните, как нам помогали радио и телевидение лет 10 тому назад. Где эти рекламные программы чтения? Есть

что-то на канале «Культура», но контактов с издательствами и книготорговыми организациями у телевидения нет.

Я считаю, что в проекте итогового документа обязательно должны быть слова – возможно, горькие – в адрес телевидения, в адрес других СМИ, в адрес Министерства связи, в адрес тех наших союзников, без которых мы, особенно в условиях кризиса, не можем обеспечить необходимые государственные социальные функции. Я же был все-таки членом коллегии Госкомиздата СССР, могу сравнивать данные прежних лет с тем, что есть сейчас. Что у нас было в 80-х – начале 90-х гг.? Была отрасль, которая выходила напрямую на высшие государственные и партийные учреждения. А сегодня? Мы не можем добиться принятия целого ряда важных правительственных решений, законов, правовых актов.

У нас идет разговор о статистике. Статистика приводится только книгоиздательская, а статистика книготорговая – это, что называется, «терра инкогнита». Наша ассоциация, которая объединяет около 170 книготорговых предприятий – и крупных, и средних, и небольших – в первую очередь в регионах России, но также и в странах СНГ, пыталась обращаться в Федеральное агентство: попросите, пожалуйста, или заставьте Госкомиздат печатать данные по поводу книжного товарооборота. Возьмите любой статистический сборник Госкомиздата, там есть отдельная страница приблизительно по 50 видам товаров – от автомобилей до телевизоров. Да еще не одной модификации. Но там нет книги. Федеральное агентство послало запрос в Госкомстат. Госкомстат ответил только по небольшой части государственных книготорговых предприятий. Это мизер, 10 %, не больше. И наши коллеги из Федерального агентства нам это прислали. Должны были возмутиться, должны были сказать правительству о том, что необходимо обеспечить государственный заказ на статистику по книжной торговле в разрезе регионов, дать точные сведения по поводу экспорта и импорта книжных товаров. Ничего пока нет.

А что с правовыми документами? Два года тянется подписание важного межправительственного документа – соглашения о сотрудничестве в издании и распространении книжной продукции. Все подписали: представитель нашего правительства в лице Федерального агентства, Министерство культуры. Однако через неделю после того, как проголосовали, наш Комитет по таможене пишет опровержение и посылает в правительство. Дело затормозилось, и еще год не решается этот вопрос. Похожие проблемы и в других правовых вопросах. Мы до сего времени не можем договориться по поводу того, как наладить обмен обязательными экземплярами с большинством стран, входящими в СНГ. До сих пор нет настоящего закона о книгоиздании и книгораспространении. Мне еще 10 лет назад довелось участвовать в составлении проекта этого закона, тогда он был на полпути заторможен, в настоящее время над ним вообще никто не работает.

Можем ли мы в настоящее время говорить, что у нас есть достаточно информации об издании, когда у нас по сути в половину силы работает система «Books in print»? Можем ли мы говорить сегодня о настоящей, научной основе изучения положения дел на книжном рынке, если у нас нет института книги? Были научные отделы и в аппарате Роспечати, и в аппарате нашей Книжной палаты, а сейчас их нет. Конечно, вы можете мне сказать, что крупными издательствами ведется большая научная работа. Да, у них есть силы, они их используют, но далеко не всегда это всеобъемлюще, далеко не всегда публично. А, скажем, есть у нас какое-нибудь консалтинговое учреждение, которое принимало бы заказы на проведение исследований хотя бы в каком-то одном ракурсе по поводу одного конкретного региона? Нет. Поэтому, я думаю, продолжая эту очень важную работу, надо тем, кому она поручена, как-то не отделяться от других. Например, наша Ассоциация практически в этой работе не участвует. Мы видим, что используются наши документы. Спасибо, но разве сами люди вам не нужны?

И последнее, по поводу кризиса. Совершенно правильно тут говорили, что кризисные явления, конечно, уже есть, их не могло не быть. Думаю, одно из средств хотя бы частичного

уменьшения влияния кризиса – это корпорация, объединение небольших книжных магазинов на одной территории. Не обязательно это объединение балансов. Это может быть совет, это может быть соглашение. Ведь у нас были примеры, скажем, в Москве не так давно, лет 5–7 тому назад, когда крупные книжные магазины договаривались между собой о том, что будут выпускать бестселлеры типа «Гарри Поттера» в один и тот же день. Это было началом сотрудничества.

Вместе с тем мы должны четко сказать, что сейчас нужно не просто более точно и разумно выбирать содержание, тематику книжных изданий. Это должно быть обязательно согласовано, обсуждено с распространителями. Нужна предварительная информация о том, что будет выпущено, сбор заказов. Возможно, использование даже такой, казалось бы, старой формы распространения, как подписные издания. Было бы хорошо изучить все наши возможности в смысле использования и существующего сейчас фонда книг, и того фонда, который будет. Многие из нас были за границей, хотя бы даже в соседней Финляндии. Приходим в финский крупный супермаркет книжный и спрашиваем: сколько у вас книг в продаже? Они называют сумасшедшую для нас цифру: 2–3 миллиона названий. Где же они? Вот огромный универмаг, 5 уровней. Здесь 200–300 тысяч, столько же на складе в пригороде. А где же остальные миллионы? Подойдите к компьютеру и спросите, что вам нужно. Вам скажут, что в магазине в наличии этой книги нет, но через неделю доставят из Гамбурга или, может быть, даже из Канады, или из Соединенных Штатов. Вот что должно быть. А у нас как? Очень уважаемый магазин «Библио-глобус» сейчас пропагандирует возможность заказа иностранной литературы. Но говорит: сначала внесите деньги, потом принесите нам точные данные, потом скажите, по какому адресу нам надо послать заказ, после этого мы получим его через полгода и вам продадим. Ну как же можно в таких условиях работать?

Извините, что я так критично выступил. Я далек от того, чтобы считать, что у нас все плохо. Нет. У нас есть хорошие при-

меры, у нас есть хорошие работники. Вот, недавно наши руководители Марина Ниловна Каменева и Анатолий Владимирович Горбунов ездили на Дальний Восток. Они были во Владивостоке, в Хабаровске, были даже на Камчатке, проводили там семинары. Приехали воодушевленные – там знают наши книги. Но сегодня необходима кооперация всех профессиональных организаций, которые действуют в нашей отрасли. Российский книжный союз третьего декабря проводит съезд. Мы знаем, с чем он выходит на съезд? Не знаем. Наверное, нас пригласят, но было бы лучше, если бы программа эта обсуждалась бы не только Российским книжным союзом, а всем нашим сообществом. Гильдия книжников – прекрасная организация. Мы с ними сотрудничаем, но соглашений настоящих у нас нет. Мы сейчас в одном доме с книгоиздателями, тут сама судьба подвела нас к тому, что мы вместе каждый день обмениваемся мнениями. Нам нужно, по-моему, сделать так: из наших авторитетов организовать своеобразный совет или оргкомитет (назовите как хотите) – группу людей, представляющую интересы всех крупных общественных профессиональных организаций, которые бы занимались в первую очередь антикризисными проектами.

А. Н. Воропаев

По-моему, можно поплодировать. Я считаю, выступления Юрия Николаевича всегда отличаются остротой, нет ни одного неправильного слова. Действительно, я как представитель Федерального агентства могу сказать, что ведомственная разобщенность у нас довольно большая. Печально, что в то время как большинство стран Содружества уже подставили свою визу под Соглашением о взаимном обмене печатной продукцией, по которому при поставке книг между странами СНГ снимаются налоговые и таможенные барьеры, внутри своей собственной страны мы встречаем непонимание Федеральной таможенной службы. Ее позиция становится камнем преткновения на пути согласования этого документа с российской стороны. И дело с мертвой точки сдвинуться не может. Может быть, мы в следующем году продол-

жим работу в этом направлении. Что касается книготорговой статистики, безусловно, такая работа нужна, потому что отрасль находится в неведении относительно того, какие же у нас продажи. Если брать тот же британский рынок, немецкий рынок, рынок Соединенных Штатов, мы постоянно видим статистические данные о продажах и ориентируемся в этих цифрах. Но мы не знаем объем собственного рынка. На конференции в рамках книжной ярмарки в Москве какие только цифры не назывались! Разница в миллиарды рублей. И это говорят крупнейшие участники рынка, крупнейшие игроки. Государство не имеет статистики. Поэтому, безусловно, такая работа должна вестись, и я надеюсь, что в следующем году мы ее начнем.

О. И. Бородина

Я хотела бы тоже сделать пару замечаний по поводу ведомственной разобщенности. На самом деле не зря в Вашем выступлении был затронут вопрос о том, каков же статус Национальной программы поддержки и развития чтения. Мы с Роспечатью приняли ее в 2006 г., но официального статуса эта программа до сих пор не получила. Мы приходим в Министерство культуры, а там самый высший чиновник нам говорит: «Я книгами не занимаюсь». Значит, культура у нас книгами не занимается, и издательствами не занимается, и распространением – тоже. Сегодня действительно получается у семи нянек дитя без глаза.

Мы, Российский книжный союз, пошли сегодня через регионы. В регионах привлекаем представителей администрации, крупных руководителей к проблеме чтения и принимаем там местные программы поддержки и развития чтения. У нас, конечно, впереди, как всегда, Москва. В Москве принята и финансируется Московская программа поддержки и развития чтения, достаточно серьезная. Санкт-Петербургское правительство сейчас рассматривает вариант программы и тоже будет ее финансировать, мы как раз находимся в стадии переговоров. Мы открываем филиалы и представительства в различных регионах

– сегодня они уже есть в Волгограде, Ульяновске, Пензе, Кирове, Калининграде. Более того, в Волгограде открывали филиал 2 октября этого года, и нам удалось договориться о том, чтобы одновременно с этим событием там было проведено выездное заседание Комитета Государственной Думы Российской Федерации по печати. Там нам удалось поднять все те наболевшие вопросы отрасли, которые требуют государственного решения, государственной поддержки. Слава богу, депутаты нас услышали. Мы договорились о том, что в марте будет проведено совместное заседание комитетов Государственной Думы по печати, по образованию, по культуре, для того чтобы действительно всем вместе выслушать еще раз отрасль и решать эти задачи.

Это огромная работа – убеждать администрации в том, что нужно заниматься нашей проблематикой, что чтение – серьезная национальная задача. Я буквально в октябре была в Дагестане, и к счастью в сердцах и Президента, и руководителя администрации нашла отклик и понимание всех наших проблем. Но так происходит не во всех регионах, далеко не во всех. Мы часто сталкиваемся с проблемой ценообразования. Я про Москву не говорю, но сегодня предприятия книжной торговли в регионах вынуждены решать проблему арендной платы. Почему там такие высокие цены? У меня книга в издательстве стоит 100 рублей, я приезжаю во Владивосток – она стоит 900 рублей. Я понимаю, что в этой разнице не только прибыль, которую получает книжная торговля, туда заложено все: и перевоз, и транспорт, и самое главное – аренда. В некоторых регионах книжная торговля просто рухнула, ее не существует. Там есть магазины, принадлежащие какой-то издательской сети, – и все. А региональная книжная торговля просто исчезла. И восстановить ее, воссоздать ее возможно только с помощью администрации. Если губернатор данной области или мэр города (эти задачи приходится решать на самом высоком уровне) не пойдет навстречу, то нам не восстановить эту сеть. Почему? Потому что книготорговец всегда будет проигрывать в получении льгот на аренду какого-то помещения, которое ему необходимо для реализации книжной продукции.

Цена на книги в России, конечно, не сравнима с той ценой, которая есть на Западе. Сегодня в себестоимости книги у нас 85 % занимают бумага и полиграфические услуги. Кто будет спорить с тем, что нужно адекватное вознаграждение авторского труда? Это огромный интеллектуальный труд. Но сегодня иной раз автор получает меньше, чем художник, который отрисовывает книгу. Я работаю на рынке учебного книгоиздания. Как издать учебник по геологии с адекватной ценой, когда всего 5 тысяч студентов изучают этот предмет? А учебник нужен. Что, этот учебник должен стоить 1000 рублей? И на чем урезать тогда, если невозможно не заплатить за бумагу, не заплатить за полиграфические услуги, чтобы книга была издана, если нужно сделать карты и т.д.? В итоге получается, что автор в этом ряду – крайний, он получает меньший процент, оценка его труда невелика. Либо книга должна стоить от 50 долларов и выше, а это невозможно. В итоге у нас образуется замкнутый круг, потому что покупательная способность сегодня в стране такова, что человек не может приобрести книгу, которая ему нужна для работы, для обучения, по таким высоким ценам. Да, у нас есть часть книжного рынка, где продаются дорогие, богато изданные книги, подарочные издания и т.д. Это понятно. Но книга, которая нужна повседневно, не может стоить столько, чтобы потребитель неспособен был ее купить.

Мы действительно проводим 3 числа съезд, и там все эти проблемы поднимем. Мы прошли большой путь, чтобы убедить связанные с книгой министерства – Министерство культуры, Министерство образования – в том, что мы в одной лодке. Мы не можем раскачивать эту лодку, мы не можем жить на разных берегах, мы все решаем одну и ту же задачу. Давайте подпишем общее соглашение и будем двигаться дальше. Если мы не смогли пока придать Национальной программе статуса государственной и финансируемой со стороны государства, значит, придется мелкими шагами двигаться. Но все равно цель у нас именно такая. Государство должно финансировать крупные социальные проекты, а не только отдельных издателей.

Ю. П. Мелентьева

Мне кажется, что Вы абсолютно правы, говоря, что нужны какие-то конкретные шаги. У государства есть программы, связанные с молодежью, есть программы, связанные с поддержкой семьи. Семейное чтение – это тоже очень важная составляющая. И нужно на каком-то уровне включить нашу «книжную» составляющую в эти программы. Есть социальная программа поддержки пенсионеров, и это очень правильно и верно. Но ведь государство развивается не силами пенсионеров, а силами молодых. Должны быть социальные программы, в особенности в условиях кризиса, для поддержки молодых и прежде всего студентов. Нужно дать поддержку учащимся – не только кредит, предположим, на образование, но и возможность купить компьютер, дорогую книгу.

А. Н. Воропаев

Юлия Петровна, спасибо Вам за Ваше выступление. Дорогие коллеги, сейчас мы организуем небольшой перерыв, кофе-брейк. А в 12 часов мы снова соберемся здесь, чтобы продолжить нашу оживленную дискуссию. Юлия Петровна, Вы будете первая, кто выступит после перерыва.

Часть II

А. Н. Воропаев

Уважаемые коллеги, мы продолжаем нашу работу. Нас стало немножко меньше после перерыва, как и ожидалось, потому что некоторые наши коллеги уехали, а другие перешли на другие секции. Понятно, что проблем очень много, они очень интересные и везде хочется побывать. В этом и плюсы, и минусы конференций. Как мы и договаривались, Юлия Петровна, скажите, пожалуйста, несколько слов в продолжение Вашей замечательной речи с места.

Ю. П. Мелентьева

Вы знаете, я вообще-то человек немножко сторонний для той аудитории, которая здесь собралась, потому что я работаю в Научном центре исследований истории книжной культуры. Наша организация первоначально ставила цель заниматься проблемой книги, чтения и т.д. комплексно. Я прошу обратить внимание на выражение «книжная культура». Это емкий термин, который предполагает, что все составляющие этого явления взаимосвязаны: и книгоиздание, и книжное распространение, и книжная торговля, и чтение, и взаимоотношения книги и читателя. Вот весь комплекс этих проблем – очень сложных и часто перепутанных – мы пытаемся рассмотреть во взаимосвязи и комплексно.

Наш Центр находится как бы под двумя «крышами». С одной стороны, это Российская академия наук, а с другой стороны – издательство «Наука». И в общем-то у нас получается очень удачный симбиоз. Издательская часть центра издает то, что мы и наши коллеги в других учреждениях наработали в области изучения книжной культуры. Поэтому мне кажется, что издание литературы для специалистов (и в том числе для тех специалистов, которые задействованы в пропаганде продвижения и поддержки чтения) очень важно. Почему? Я неплохо, мне кажется, знаю практику работы библиотек по пропаганде чтения и часто сталкиваюсь с тем, что эта проблема вообще воспринимается очень плоско и даже примитивно. Чтение рассматривается просто как досуговое занятие, в лучшем случае – как деятельность, которая способствует образованию, духовному развитию и т.д. Но ведь очень важно понимать, что чтение как социокультурное явление гораздо более масштабно. Это явление, может быть, по своему масштабу сравнимо с письменностью и очень тесно с ней связано. Чтение возникло только как восприятие и распознавание письменности. Очень важно, чтобы людям, которые работают, что называется, «на земле», давали не просто какие-то рецепты. Важно, чтобы они понимали суть явления. А это невозможно без обращения к научным исследованиям, к каким-то серьезным научным разработкам и публикациям.

Я могу сказать, что в нашем центре, например, была переиздана замечательная книжка Куфаева, которого, наверное, в этой аудитории представлять не нужно. Книжка называлась «Чтение в процессе общения». Должен человек, который занимается проблемой продвижения чтения, эту книжку знать? Должен он понимать, как общение и чтение сочетаются, как происходит общение в процессе чтения, какую роль чтение имеет в процессе общения и т.д.? Наверное, да. Сейчас вышла замечательная книга, подготовленная нашим центром: «История чтения на Западе от античности до наших дней». Это сборник статей. В него включены статьи ведущих европейских специалистов в области чтения. Должна эта книга быть в кругу внимания тех людей, которые работают непосредственно по продвижению чтению? Мне кажется, должна. Не задерживая ваше внимание и не говоря слишком подробно об этом, я хочу просто подчеркнуть, что нам необходимо уделять значительное внимание изданию литературы высокого научного уровня по данной проблеме.

Второе, о чем мне хочется сказать, – это само понятие чтения. Тут тоже можно долго говорить о том, что понятие чтения эволюционирует. И в западной традиции, и в российской традиции мы можем отследить те моменты, когда возникло понятие чтения. Например, в древнегреческом языке было 10 слов, которые определяли понятие чтения. В России понятие «чтение», «чтение» возникло в XI–X веках. Понятие «читатель» в российской традиции возникло только в XVIII веке, а до этого было слово «чтец», связанное прежде всего с бытованием чтения в церковной службе. Само наполнение этого понятия очень меняется. Ольга Ивановна говорила о том, что ее маленький сын читает только с компьютера. Понимаете, мы не можем и не должны ставить препятствия перед нашими молодыми людьми и говорить им, что чтение с компьютера – это плохо, что читать надо только с листа. Это неверно, они будут жить в другое время, они будут проживать свою собственную жизнь, и мы не можем заставить их читать так, как читали мы. Сейчас совершенно другая ситуация. Нужно понимать, что само понятие «чтение» очень полисе-

мантично и комплексно, оно включает и чтение с листа, и чтение с экрана компьютера, и чтение с экрана мобильного телефона. Общеизвестный пример: Путин когда-то сказал, что в машине слушает «Историю государства Российского», и в шесть раз увеличилась продажа аудиокниг. Это тоже чтение.

Я не была во Франкфурте-на-Майне, но читала некоторые отчеты, и там было сказано, что сейчас издательства на 60 % издают книги на носителях в электронном виде, на DVD, CD и т.д. Поэтому не надо замыкаться, мне кажется, на привлечении к чтению только бумажных книг.

Я отдаю дань огромного уважения организаторам этой конференции и людям, проводящим у себя на местах крупные, яркие мероприятия, которые, конечно, способствуют тому, что люди начинают понимать: есть книги, надо читать и т.д. Но я глубоко убеждена: для того чтобы человек читал, у него должна быть выработана привычка. Чтение – это такая же деятельность, как всякая другая, и привычка должна, конечно, формироваться прежде всего в семье и в молодом возрасте. Хотя приобретение хороших привычек возможно, наверное, и в другом возрасте. Спасибо большое.

А. Н. Воропаев

Юлия Петровна, спасибо, что Вы начали разговор второй части заседания нашей секции и действительно познакомили нас с тем, что было. Очень много всего интересного хочется послушать: как это понималось раньше, в старые годы, и как это понимается сейчас. Три года тому назад мы поддержали центр Юрия Левады, который провел по нашему заказу исследование по состоянию чтения в нашей стране. И результаты были совершенно неутешительные. Треть населения нашей страны книг не читает совсем и более 50% книг не покупают в силу тех или иных причин. В этом году мы попросили Центр Юрия Левады сделать второе крупное, масштабное исследование по чтению в России – сегодняшний срез. И вот совсем недавно это исследо-

вание вышло. Здесь присутствует руководитель творческого, научного и авторского коллектива исследования – Борис Владимирович Дубин, которому мы хотим сейчас предоставить слово, чтобы он сказал о сегодняшнем состоянии и о том, как изменилась ситуация за прошедшие три года.

Б. В. Дубин

Спасибо большое. Здравствуйте. Завтра я, к сожалению, не смогу присутствовать, поскольку уеду на другую конференцию, прошу извинить. Поэтому мы подготовили красочную презентацию нашего исследования, можно будет посмотреть графики, таблицы, будет много цифр, подробный содержательный рассказ, поскольку у моей коллеги Наталии Андреевны Зоркой будет побольше времени, чем у меня сегодня на секции. А я сегодня очень кратко опишу самые общие результаты.

В нашу общую книжку по материалам исследования, естественно, не все вошло, поскольку объем книжки тоже ограничен. Завтра Наталия Андреевна кое-что расскажет, чего и в книжке нет. Сейчас я просто хочу сосредоточиться на нескольких вещах. Поскольку мы все-таки социологическая организация, мы включаем чтение в большую рамку тех процессов, которые происходят в обществе. И если говорить о самых общих процессах в обществе в целом, первое и самое важное – в том числе непосредственно для людей, которые связаны с книгой, ее изданием, распространением, пропагандой, с чтением, – состоит в том, что отечественный, российский социум находится в постоянном процессе фрагментации, дробления. Все больше замыкаются круги людей, которые общаются только со «своими». «Своими» прежде всего по родственному признаку. До 80 % нашего населения вообще считают, что никому в мире доверять нельзя, кроме самых близких родных людей. В стране, вообще говоря, очень серьезный дефицит доверия по отношению к кому бы то ни было – к любым институтам, которые есть, к любым публичным фигурам, и даже к ближайшим людям. Это первое.

Второе, что с этим, мне кажется, очень глубоко связано (и что, может быть, еще важнее для людей книги): как сокращаются круги общения, так сокращается и жизнь книги. Все больше и больше людей ориентированы на книги, которые они не будут ставить на полку, а только возьмут, прочтут и выбросят или передадут кому-то другому. Сегодня это уже 35 % взрослого населения. Я думаю, что дальше будет еще больше. И с этим связано еще одно обстоятельство. Сегодня люди узнают о книге и получают ее не в библиотеке. Они получают книгу из рук таких же людей, как они сами. Вот в тех самых кругах родных и близких. Иначе говоря, само понятие, сама проблема лидера чтения, чрезвычайно острая для 70-х–80-х гг. прошлого века и казавшаяся нам абсолютно естественной, в нынешней среде абсолютно бессмысленна – люди распространяют книгу среди таких же, как они, и слушают рекомендации книг со стороны людей таких же, как они. Здесь нет никаких лидеров. А отсюда проблемы: как тогда воспроизводится книжная культура (для социолога это главный вопрос)? Читать читают, а как дальше воспроизводят нормы чтения, ценности, сами литературные образцы, способы их понимания, оценки?

Казалось бы, центральный институт, который на этом специализируется, – это библиотека. Ситуация с государственными общедоступными библиотеками, по нашим социологическим данным, чрезвычайно тяжелая. Дело не только в том, что сокращается их число, что сокращаются их фонды, сокращается количество читателей. Процесс продолжается на протяжении всех последних двадцати лет, когда мы ведем регулярные социологические опросы. И дело не только в этом, но и в том, что библиотека перестала быть основным и даже хотя бы одним из основных источников книг и журналов для населения, кроме самой молодой части населения. Библиотекарь перестал быть авторитетным рекомендателем книг и чтения. В книжке вы увидите эти данные: от библиотекаря узнают о книгах, которые им было бы интересно почитать, порядка 2 % взрослого населения. Это ниже порога статистической достоверности наших исследо-

ваний. У нас интервал статистического доверия – 3–3,5 %. В принципе мы даже не можем говорить об этом как о содержательной цифре. Столько же людей узнают о книге из газеты, чуть больше – скажем, 5 % – из телепередач. Иначе говоря, все традиционные каналы рекомендации чтения практически не работают на массу населения. А это же не просто действующие каналы, за ними стоят какие-то авторитеты. И получается, что те фигуры, которые стоят за прессой, радио, телевидением, библиотекой, литературной критикой и т.д., не авторитетны практически для абсолютного большинства российского населения.

В обществе не просто кризис доверия, в обществе и кризис авторитетов. Поэтому, когда мы просим назвать 5–10 фигур среди журналистов, среди актеров, среди писателей, которые могут повлиять на мнение опрашиваемых, к которым они прислушиваются, самые популярные фигуры не собирают больше нескольких процентов населения. Иначе говоря, авторитеты не работают как интеграторы общества. Нет механизмов, которые дробящиеся фрагменты соединяют между собой. Я думаю, что всегда внутри большого общества существуют вот эти малые сообщества. Любое общество живет так. Но в развитых обществах действуют механизмы, которые соединяют тем или иным способом между собой эти дробящиеся сообщества. И мне кажется, что третий дефицит, который у нас сейчас в стране есть, – дефицит этих соединяющих сил (и социальных механизмов, и идей, и конкретных людей). Это следующий пункт, который мне кажется наиболее важным, и я бы хотел обратить ваше внимание на то, что необходимо попытаться осознать всю серьезность этой проблемы. Мне представляется, что ее можно обозначить так: кризис элит в России. И авторитетности этих элит, и механизмов, которые их поддерживают, обновляют, утверждают их место в обществе, поддерживают их авторитет, тиражируют их авторитет и т.д. Это чрезвычайно серьезная социальная и культурная проблема.

Отношение к книге и чтению, если хотите, – выражение всех этих процессов. Конечно, великая вещь привычка к чтению, это правда. Но, думаю, у нас проблема не так стоит, что надо все-

таки приохотить людей к книге – не мытьем, так катаньем. Мне кажется, важно понять, в какие процессы, в какие рамки вписаны сейчас книга и чтение. Огюст Конт приводил такой пример: если у вас образовался пузырь на кастрюле, вздутие, то не надо пытаться бить по этому самому вздутию – прорвете саму кастрюлю. Надо, постукивая по ободку и переходя на весь периметр сосуда, растягивать его постепенно, тогда растянется и это место. От того, насколько мы будем понимать, в какие широкие процессы вписаны сегодня книга и чтение, будет зависеть то, как мы сможем, по мере возможности, на них разумно влиять. Потому заставлять читать – бумажные книги или книги электронные, – я думаю, вещь совершенно невозможная.

Возвращаясь к разговору о том, к чему, собственно, в чтении клонятся тенденции, отмечу самые общие. Литература, которая читается, которая передается из рук в руки, о которой люди говорят в семье, с друзьями, с сослуживцами, в последние годы отвечает запросам и интересам в большей мере женщин, чем мужчин, в большей мере молодых, чем пожилых, она в большей мере развлекательная, чем серьезная, поучительная, информативная и т.д. Очень обобщая, можно было бы сказать, что современная отечественная культура (ну, скажем так, культура в кавычках) молодеет, становится все более женской и все более развлекательной. И это касается не только чтения художественной литературы, где как раз произошло некоторое насыщение интереса (по сравнению с данными наших предыдущих исследований) к такой жанровой, серийной литературе. Это были сильнейшие дефициты последних советских лет и первых 90-х гг., пока не развернулась новая, негосударственная система книгоиздания. Сейчас этот дефицит немножко утолен. В этом смысле большого роста интереса к детективу, к историко-приключенческому роману, к любовному роману – к самым читаемым прежде жанрам, в общем, нет. В предыдущие годы было, а сейчас нет. Мне кажется, отчасти это связано с тем, что система книгораспространения работает чрезвычайно плохо и все книжки или большая часть книжек оседает там, где издается. Но

с другой стороны, это обозначает, что у людей тех, кто занят изданием книг, распространением книг, теперь другие проблемы: не утолить книжный голод на наиболее спрашиваемые книги, а работать на разнообразие, работать на богатство ассортимента. Если сегодня действительно все больше и больше читатель ориентируется на так называемые шортселлеры, т.е. книжки, которые быстро продаются, быстро читаются и потом заменяются на другие (по модели журнала и газеты даже – один номер вытесняет другой), то, мне кажется, в целях самосохранения общества и самосохранения культуры надо как раз издавать более сложную литературу, но издавать ее с умом и распространять ее более успешно и более широко, чем это делается сейчас. Сохраняют культуру и общество не самые простые образцы. Общество держится, в том числе исторически, не на самых стереотипных образцах. Оно держится на самых сложных образцах, потому что дальше эта сложность постепенно рассасывается по всему общественному организму, для этого нужно время, для этого нужно несколько поколений. В этом смысле, мне кажется, стоило бы, не отказываясь от популярности, от ориентации на сегодняшние читательские вкусы и запросы, иметь в виду еще и другой горизонт – горизонт сложности, горизонт разнообразия, горизонт будущего. Горизонт будущего – это не упрощение, а, напротив, усложнение.

И последнее, что я хотел сказать. Придется так или иначе привыкать к мысли, что наряду с привычными нам традиционными формами книги, бумажными книгами, все больше и больше будут появляться другие формы бытования печатного текста. Сейчас, по данным нашего исследования, порядка 15 % населения, так или иначе пользуясь Интернетом, либо читают в Интернете, либо скачивают оттуда какие-то тексты, которые там есть. Конечно, это прежде всего группа или подгруппа людей более молодого возраста, для которых сам вид компьютера, обращение с ним привычнее. Но это касается не только молодежи и – опять-таки – не только чтения художественной литературы. Как раз в большей степени сегодня – по крайней мере, в Интернете – люди читают и скачивают тексты учебные,

тексты научные, тексты научно-популярные, книги по специальности, журналы по специальности. В данном смысле и перед самим Интернетом, мне кажется, стоило бы ставить задачи дальнейшего усложнения. Я думаю, что надо дальше двигать его в сторону большей специализации. И почему Интернету не стать проводником книги, например, специальной, учебной, в этом смысле соединяясь с университетом? Идея университета и идея Интернета, соединенные вместе, могли бы как раз, мне кажется, дать очень интересное движение. То же самое – применительно к научно-популярной литературе. То же самое – применительно к журналам. Да, и обязательно нужно отметить еще вот какой момент. На протяжении 90-х и начала 2000-х гг. в российском обществе, можно сказать, провалился один чрезвычайно существенный слой – слой, который был связан с журналами. Ведь журнал – это способ объединить группу единомышленников и вынести мнение этой группы в более широкое пространство, в другие аудитории. Вот этот уровень провалился чрезвычайно сильно. Дело не только в том, что тиражи журналов стали на несколько порядков ниже, чем в советские времена. Дело в том, что сегодня вообще не читают журналы 55 % населения. Все-таки книги не читают порядка 40 %, газеты не читают порядка 20–24 %, а журналы не читает большинство населения. И тиражи их постоянно сокращаются. Только в самые последние два года они немножко стали наращиваться, но падение было такое сильное, что на уровень 1990-го г. еще, что называется, идти и идти. Если в экономике мы в целом вышли после 2005 г. на уровень 1990 г. и ликвидировали этот провал, то применительно к журналам перспектива еще очень далекая. Так вот, я думаю, что хорошей мерой было бы соединение еще и журналов с Интернетом. Первые шаги уже сделаны, существует «Журнальный зал» Татьяны Тихоновой и Сергея Костырко – очень посещаемый сайт. И он должен развиваться. Ну и, наконец, библиотека и Интернет – это еще одно направление, которое мне представляется чрезвычайно важным. И тут дело не в противопоставлении одного другому, как когда-то противопоставляли телевизор и кино или кино и театр: одно

съест другое, одно другое вытеснит. Ничего в культуре не уничтожается, оно начинает занимать другое место и выполнять другие функции. Никуда не ушел театр, никуда не ушло кино после телевидения. Никуда не уйдет телевидение при Интернете, оно займет другое место и будет выполнять другие функции. Вот в общих чертах то примерно, что мы сумели «наблести».

Мне кажется, что нужен регулярный мониторинг процессов, связанных с книгой, с чтением, с книгораспространением, причем мониторинг, сочетающий в себе общий опрос, который мы уже сделали, с более направленным исследованием. Например: книга и школа как отдельная проблема и как отдельный предмет опроса; книга и семья; книга и Интернет. Можно сделать это специальным направлением в рамках общего мониторинга читательских интересов и картины чтения в стране. Мне кажется, что это в интересах не только тех людей, которые создают книги, издают их, распространяют, пропагандируют, но в интересах страны в целом. Все. Спасибо.

В. Е. Илюхин

Я услышал на конференции интересную мысль: 2 % населения узнают о книгах в библиотеках. Наверное надо развивать эти исследования. Средства массовой информации утверждают, что народ почти не читает. Почему? На этот вопрос я ответа не услышал. Наши библиотеки «оторвались» от издательств, хотя именно они являются основными источниками пополнения библиотечных фондов. «ИНФРА-М» – и издатель, и книгораспространитель, и нам очень нужен ответ на этот вопрос. Мы провели свои исследования. Вы говорите, что 45 % населения не покупают книг, а по нашим данным уже 60 %. Им просто не на что купить. Когда в книжный магазин привозят новинки, покупатели обнаруживают, что они стоят не дешевле 300 руб., а это сегодня 10 % пенсии. Поэтому государство должно помогать не программы, ориентированные на всех (а значит, ни на кого), проводить, а укреплять те точки, откуда начинается чтение.

Несколько слов стоит сказать по поводу чтения в Интернете. Мы не против Интернета, мы – за. Правильно было сказано: это все равно чтение. Но насколько оно качественное? Печатные издания проходят через опытных редакторов, опытных корректоров (хотя это зависит от издателя, от того, как он к этому относится). Если это учебник, он должен соответствовать разработанным и утвержденным программам, иметь гриф. А какие тексты в Интернете, мы все знаем. Конечно, пусть читают в Сети, пусть читают на электронных носителях. Главное, на мой взгляд, решить пока неразрешенную задачу: заставить публиковать тексты должного уровня, соответствующие нормам русского языка.

По вопросу о суммарном выпуске книг в России я приведу один пример. В 1999 г. выпускался всего один Комментарий к Уголовному кодексу РФ – с грифом Минюста. А сегодня их на рынке 18! То же можно сказать о многих изданиях. Допустим, один автор публикует книгу в Ростове-на-Дону, другой – в Волгограде, третий – в Москве, четвертый – в Питере, но текст один и тот же и практически одно и то же название. Можно ли говорить, что у нас количество наименований растет, если из общего числа не исключаются одноименные названия? Сегодня этот вопрос до конца не решен.

Сегодня, как никогда, актуальна проблема авторских прав. У этой проблемы появился новый аспект – оцифровка книг в библиотеках. Сегодня закон это запрещает, что правильно, так как появление книг в Интернете нарушает авторское интеллектуальное право.

Есть еще один интересный вопрос: характер чтения. Сегодня кризис, и те, кто, остался без работы, опять начинают профессионально расти. Вот человека уволили (а сегодня многих увольняют). Что он делает? Он вынужден профессионально развиваться. Если 10 лет назад техническую литературу читали 10 % населения, то сегодня – уже 40 %. Мы должны не только культурно обогащаться, но и профессионально расти, иначе нам не будет места в современном обществе. Конечно, читать можно

на разных носителях. Была и есть книга на бумажном носителе, сегодня появилась книга в электронном виде. Скоро, уверен, будет книга на чипах. Нужно быть готовым к таким изменениям.

Много проблем и у издательств. Например, мы предоставляем обязательный экземпляр Российской государственной библиотеке (которая вообще-то финансируется государством), а также другим адресатам. При этом покупаем бумагу по таким же ценам, как какой-нибудь журнал эротического содержания. Мы не можем распространять наши знания, наши издания за рубеж. Таможенный комитет не может решить эти вопросы. На каждую книгу требуют первичный документ. Таким образом, мы сами лишили 20 млн своих соотечественников, которые живут за рубежом, возможности читать наши книги. Издатели перестали работать с Израилем, с Францией, с Германией, даже с Молдавией и Украиной, потому что продажа книг за рубеж связана с большими накладными расходами, огромными временными затратами. Но наше место в этих странах кто-то занял. Например, в Молдавии – книги на французском, в Азербайджане – на английском. И теперь вернуться туда будет крайне непросто!

У издательств сейчас обострилась проблема сбыта. Говоря: Москва сегодня, берет все, что идет. Но это потому, что сложно довести книжку до читателя. На какие книги ориентируются оптовики, например «ТОП-Книга»? На те, которые им дадут издательства и которые они, может быть, продадут в регионах. Но издательство свои хорошие книги продаст и само. Зайдите в любую библиотеку, и вы увидите на полках устаревшие книги в части деловой, например, юридической, литературы. Рекомендуют учебник по управлению предприятием, выпущенный в 1995 г. Это лучшая книга для Нижегородского университета! У нас уже многие элементы в управлении экономикой поменялись, а до них эта книга только доехала.

С чего начинается чтение? С семьи! Своих детей я учил читать с двух лет. В результате в три года они читали бегло и до сих пор любят книги. Но у меня была библиотека, насчитывавшая

1,5 тыс. книг, а у моих детей библиотеки уже нет. Вообще их поколение в 1990-е гг. боролось за существование. Они не читали, потому что не было ни времени, ни сил – им надо было выжить. Сегодня 40-летние сами не читают и детей читать не учат. Я считаю: если государство нас спросит, что делать, мы должны в первую очередь указать те точки, откуда начинается чтение и где вложенные деньги будут получать отдачу: это семья и школа.

Б. В. Дубин

Спасибо. У Вас не вопрос, а целое выступление, спасибо за него. Вы получили нашу брошюрку, там есть ответы на часть Ваших вопросов. Конечно, вы понимаете, что мы отдаем себе отчет, какими были 90-е гг., и какими в сравнении с ними 2000-е, тем более последние 3–4 года, когда немножко поползла вверх кривая рождаемости, немножко поползла вверх кривая удовлетворенности жизнью, планы на будущее и т.д., и т.д. Сейчас ситуация меняется, только-только мы получили данные совсем свежего опроса. Что касается экономической ситуации, то люди чрезвычайно обеспокоены. И сегодня от 17 до 22 % нашего населения уже почувствовали на себе и увольнение, и урезание зарплаты, и невыплаченные кредиты и т.д. Как говорится, XIX век был в этом смысле немногим легче, чем XX и XXI, однако, как вы знаете, массовое чтение и массовая грамотность распространились в Европе в XIX веке. Иначе говоря, дело, может быть, в приоритетах – в том числе, приоритетах элитных групп, приоритетах общества, приоритетах государства. Задача элиты – показывать, что приоритетно, а что может подождать. Если такого авторитета у элиты нет, надо расписываться и уходить, ведь тогда она занимает место элиты, элитой не являясь. На мой взгляд, как раз это и происходит в сегодняшней России. У нас элита позиционная, а не действительно авторитетная для кого-то. Она не может серьезно повлиять ни на ситуацию в стране, ни на ситуацию во власти. Но это совсем уж обширный вопрос, я его не буду затрагивать. Мне кажется, что в главном мы с Вами

сошлись: в стране происходят процессы, которые нужно принимать во внимание самым серьезным образом. И эти процессы работают скорее на разбегание разных групп, разных интересов, разных уровней культуры, чем на их соединение. Я и пытался это обозначить как центральную проблему в своем выступлении.

Н. И. Михайлова

Если можно, вопрос такого плана. Я не в первый раз Вас слушаю по поводу исследований в области чтения, и всегда эти исследования идут в основном в привязке в библиотекам. Мне это не совсем понятно, потому что через библиотеки – при всем моем глубочайшем к ним уважении – идет меньше 10 % всего, что у нас создается. Все остальное идет через книжную торговлю – оптовую или розничную. Исследования, которые можно было бы провести, как мне кажется, в области основного распространения, будут носить несколько иной характер. Ни разу не видела, не читала, не слышала, чтобы ваш Центр связывал чтение с распространением книг в книжных магазинах. Как сказал мой коллега, мы тоже проводим какие-то социологические исследования, и я несколько лет назад защищалась по этой теме. И моя заместительница в прошлом году защитилась по чтению в студенческой среде. Тут совсем другие данные, поэтому они немножко разнятся с тем, что вы обозначаете, когда говорите о том, какие книжки читают, покупают в книжных магазинах.

Б. В. Дубин

Давайте устраним некоторые недопонимания, которые здесь есть. Поскольку вы только получили саму брошюру, то, может быть, не обратили внимания на то, что там библиотека занимает два пункта из 12 пунктов оглавления. Мы абсолютно не были привязаны к библиотеке ни в этом своем исследовании, ни в других. Больше того, у нас только за 2000-е гг. было 3 исследования, которые мы проводили в книжных магазинах. Здесь есть

данные о том, какое место в организации сегодняшнего чтения, занимают книжные магазины, причем разного типа: это и лавочки, которые вы видите, когда выходите из метро, это и супермаркет, в котором книги среди продуктов, это и отделы в крупных супермаркетах, типа «Букбери» и прочих. Мы все это вполне учитываем и занимаемся не отдельно библиотеками, не отдельно книжными магазинами, мы занимаемся проблемами циркуляции книги, журнала, газеты в обществе. Для социологов книга, газета, журнал – это своего рода контрастная жидкость, которая вводится в тело, и по движению контраста по «телу» общества мы можем судить, в каком состоянии у него сосуды, в каком состоянии у него головной мозг, как у него с двигательными органами. Что касается нашего интереса к библиотекам, он совершенно понятен, потому что библиотеки – это репродуктивные институты общества. Они удерживают уровень культуры и воспроизводят этот уровень. В этом смысле библиотека, школа, масс-медиа – это те репродуктивные институты, которые есть в любом современном развитом обществе. От них зависит, не каково будет распространение (это другая проблема), а какой будет уровень, точнее сказать, сколько будет этих уровней, насколько сложным будет общество, а значит, насколько хорошо оно будет реагировать на кризисы, неожиданные катастрофы. Только сложные организмы выстаивают в социальных катаклизмах. Именно сложность есть гарантия того, что организм сумеет отчасти приспособиться, отчасти трансформироваться, отчасти трансформировать саму среду, условия своего существования. Поэтому чем больше будет разнообразных сообществ внутри большого общества, чем лучше они будут коммуницировать друг с другом – в том числе книгопокупатели с теми людьми, которые берут книги в библиотеках, – тем лучше. В этом смысле наша проблема – это не библиотека, книгоиздание или книгораспространение. Наша проблема – это состояние общества и культуры, которая его связывает в нечто более или менее единое. Если это есть, если эти силы связывания есть. Это для нас большой вопрос.

Вопрос из зала

Ну, тогда, если у нас все, что Вы назвали, единый организм, то библиотеки, будем считать, – это печень. Вот ее нет. Что будет?

Б. В. Дубин

Поскольку Вы перевели разговор в медицинскую плоскость, то Вы знаете, что происходит с человеком, у которого нет печени. Поскольку с кроветворными органами, кажется, тоже не все в порядке, известные проблемы есть. Моя задача и задача моих коллег в том, чтобы обнажить проблемы и указать на какие-то механизмы, которые, на наш экспертный взгляд, могли бы способствовать их решению.

Вопрос из зала

Мы, здесь собравшиеся, просим, чтобы государство поддержало нашу культуру, наше образование в виде книжной продукции. Что же государство должно делать?

Б. В. Дубин

Вы знаете, адресат социологии – общество, и так всегда было с момента, как социология стала наукой. Государство – одна из инстанций общества. В этом смысле, если общество хочет знать, что с ним происходит, как оно живет, с чем у него нелады, оно обращается к социологам. Если оно считает, что у него все в порядке, тогда социологов не нужно, можно обойтись политехнологами и двумя каналами телевизора. Но нам кажется, что это не совсем правильно и не совсем адекватно. Поэтому мы обращаемся и к государству, и к обществу, мы обращаемся к разным группам, которые составляют это общество, к так называемым элитам этого общества, к массе и т.д. Мы считаем,

что социология живет только тогда, когда у нее разные адресаты. Чем более разный адресат, чем более разные у нее, если хотите (вернемся на практическую плоскость), источники кредитования, разные деньги, которые ей даются, тем лучше живет социология. Социология, зависящая от кого-то одного, – это служба, а не социология. У социологии множество разных адресатов. Государство – один из них. Если государство может и хочет прислушиваться к тому, что мы говорим, мы чрезвычайно рады поговорить с человеком, который хочет нас услышать и которому есть, что нам сказать. Но мы говорим еще и обществу, масс-медиа, российским элитам, книгоиздателям, книгораспространителям, библиотекарям и т.д., и т.д. Спасибо. Я занял уже слишком много времени.

О. И. Бородина

У меня вопросов нет. Я просто хотела внести маленькую ремарку, поскольку затронут был вопрос элит и вопрос о содержании того, что мы читаем. Я человек из вузовской среды и постоянно, несмотря на свою издательскую деятельность, продолжаю педагогическую работу в одном из вузов Москвы, для того чтобы видеть ту аудиторию, на которую мы.

Я хочу сказать, что сегодня этот кризис элит, о котором Вы говорите, особенно затронул образовательное сообщество. Так сложилось, что экономически страна перестраивалась, и в начале 90-х гг. буквально в течение 10 лет многие преподаватели ушли из вузов, они занимались зарабатыванием денег. Естественно, это молодые люди, им надо было как-то выжить в такой среде. Образовался возрастной вакуум между преподавательской элитой (профессорско-преподавательским составом) и людьми, которые должны были за эти годы защитить диссертации и прийти им на смену. К сожалению, в вузах страны есть такая прослойка преподавателей, для которых сегодня – вдумайтесь в это! – нужно создавать методическое пособие о том, как студент должен писать курсовую работу.

Преподаватель этого не знает, представьте себе. Мы сегодня издаем такую методичку для преподавателей. Если мы говорим о школе, то понятно, что учитель учит читать, приучает к книге, к работе с книгой, к получению информации и т.д. Но вот в вуз приходит ребенок, который закончил школу. Преподаватель думает, что получил из такого студента, который уже умеет работать с учебником. А на самом деле – нет. И сам преподаватель не умеет работать с этим учебником. И не знает, как научить. Что нам сегодня говорить о том, что в некоторых вузах страны третьекурсник ведет семинары у первокурсников? Какой у нас будет специалист на выходе?

Я получаю курсовую работу от студента, открываю, первую строчку читаю и даже предложение не дочитываю до конца, потому что я уже вижу, откуда это взято – из Интернета. Сегодня правильно поднимается вопрос о содержании. Никто не против, есть новая форма получения информации. Но какое там содержание? Такое, что просто за голову можно схватиться. Я историк. На первом курсе задаю на лекции вопрос о том, где была расстреляна царская семья. Один студент говорит: «По приказу Ельцина расстреляна царская семья». И таких примеров масса.

В 2003 г. мы подписали Болонское соглашение. Сейчас вопрос не в том, хорошо это или плохо, лучше эта система или нет. Подписав соглашение, мы должны перейти на болонскую систему. 2008 г. на дворе, мы еще не перешли. Почему? Да потому что под эту систему надо написать новые учебники, новые программы. И до сих пор их написать никто не может. У нас 79 специальностей, и понятно, сколько предметов внутри каждой специальности. До сегодняшнего дня написать новые учебники мы не в состоянии, потому что найти автора, который реально может создать учебник, очень сложно. Есть целая прослойка преподавателей, которые неспособны создать учебник просто в силу своего профессионального уровня. У нас создают учебники для вузов люди, которым далеко за 70 лет. Автору школьного учебника по географии Московскому Владимиру Павловичу 84 года. Спасибо ему, что он жив, здоров и

пишет. Вы представьте себе, мы в страхе сегодня: людей, которые должны прийти на смену и создавать тексты для обучения нового поколения, собственно говоря, нет. Мы с вами обсуждаем проблему: как научить работать с книгой, научить, как читать, как получать информацию, а на самом деле должны думать о том, кто это будет делать. И для этого тоже нужны государственная поддержка и программы.

У нас сегодня нет той возрастной категории, которая могла бы глобально этим заниматься. Представьте себе, в Бауманском институте – это элитный технический вуз, туда не так просто попасть – декан одного из факультетов говорит: «10 лет назад мы на конкурсной основе лучшего выпускника приглашали к себе на кафедру, для того чтобы он, начав с работы лаборанта, защитился, закончил аспирантуру. Мы готовили смену. Сегодня мы берем самого худшего, потому что лаборант получает 4 тысячи рублей. Ясно, что он просто не выживет там». И люди не идут в науку, не идут на преподавательскую работу. Это большая проблема, и она непосредственно связана с книгой, с чтением. Мы должны обсуждать очень широкий спектр вопросов, поэтому без образовательного, без библиотечного, без книгоиздательского сообщества, без тех, кто занимается книгораспространением, мы не можем решать отдельно ни одну из проблем. Мы все связаны, мы должны быть все вместе.

А. Н. Воропаев

Исследования Центра Юрия Левады мне нравятся тем, что проблема чтения рассматривается системно. Не сама по себе, а в комплексе с другими социальными явлениями, с другими процессами. И этим они очень ценны. Конечно, чем больше читаешь эту брошюру, тем больше становится вопросов. Может быть, завтра мы сможем задать те вопросы, которые нас всех интересуют, Наталье Андреевне Зоркой. Но в целом я могу сказать, что, если сравнивать данные исследований 2005 и 2008 гг., положение в стране с чтением стало хуже, чем три года назад. Станет ли оно

улучшаться в результате нашей с вами работы по пропаганде чтения, которую мы ведем каждый отдельно и все вместе, объединяясь в союзы, коллективы? Мы на это можем только надеяться.

Н. И. Михайлова

Можно здесь маленькую ремарку? Неслучайно я задала вопрос по поводу того, что исследования по чтению никак не связаны с книжной торговлей. У нас есть определенная статистика, и не учитывать ее нельзя. Если посмотреть сеть магазинов «Московский дом книги», я могу сказать, что в 2005 г. поэкземплярная реализация книг упала на 11 %. Для нашей сети это более миллиона экземпляров. Мы продавали в 2005 г. меньше, чем в предыдущий год. На сегодняшний год эта тенденция прекратилась. Мы сегодня продаем чуть больше книг по отношению к каждому предыдущему году. Это все-таки говорит о том, что падение читательского или покупательского спроса приостановлено. И, безусловно, это нельзя не связывать с тем, удачно ли мы работаем, взаимодействуем ли мы достаточно тесно или каждый самостоятельно работает по проблемам чтения. Дальнейшее развитие ситуации с падением спроса, конечно, зависит от того, как мы будем взаимодействовать: как библиотеки, школы будут с нами работать, потому что совершенно понятно, что школы на сегодняшний день детей к чтению не приучают. Мы проводим свои исследования, и в их ходе ни один ребенок не сказал, что из школы он узнает о каких-то новинках книжной литературы. Говорят, что узнают от друзей, из журналов, из Интернета, т.е. из любых средств массовой информации. Но ни один ребенок не сказал, что из школы. Поэтому, может быть, если дальше мы будем работать более тесно, более организованно, более сплоченно, этот процесс будет нарастать. И я еще раз говорю, что трудно сказать, конечно, куда нас сегодняшний кризис выведет дальше. В нашей сети – я могу сегодня сказать по октябрю – мы в ассортименте, может быть, заметили некоторые

изменения. Спада пока нет. Изменения в ассортиментном разрезе касаются в основном дорогой литературы. Книг, которые стоят 20, 30, 40 тысяч, в октябре не покупал никто. Весь спрос, который был на техническую, профессиональную литературу, остался, здесь изменений или падений никаких не произошло. Трудно сказать, как дальше будет, но есть основания полагать, что блок учебной литературы и литературы профессиональной все-таки не упадет, ведь ее действительно покупают для того, чтобы учиться, развиваться, самообразовываться.

А. Н. Воропаев

Спасибо. Мне так понравилось то, что Вы сказали, что я даже решил это записать, потому что мы сейчас анализируем ситуацию. Кто еще хочет выступить? Вот подошли наши коллеги: Виолетта Яковлевна Аскарова, Геннадий Андреевич Попов.

В. Я. Аскарова

Мне очень понравилось выступление по поводу ситуации в высшей школе. Я сама из высшей школы, поэтому образовательную ситуацию знаю достаточно хорошо. Наши педагоги были несколько другими людьми, но у них были и иные условия работы. Во-первых, тогда действительно наиболее квалифицированные и талантливые специалисты-практики шли в вузы, лучшие выпускники поступали в аспирантуру. И дело даже не только в том, что зарплата была сравнительно высокой. Было престижно быть педагогом, потому что работа в вузе давала возможность творческого роста. Человек занимался наукой, работал со студентами. Тогда вузовский преподаватель чаще всего читал какой-то один базовый курс и один элективный, по выбору. Сейчас наше поколение, люди в возрасте 45–55 лет, читают по 4–5 курсов! Мы в принципе готовы писать учебники, но на это нет ни времени, ни сил.

А каково следующее поколение, которое приходит нам на смену? Мы уже берем в аспирантуру не лучших, а тех, кто соглашается туда идти. Нынешнее поколение молодых вузовских преподавателей считает, что преподавать вообще легко: отучился, прочитал учебник, какую-то методичку, еще пару книжек – и вполне можно преподавать. Представления о качестве преподавания, роли и месте педагога в учебном процессе в корне изменились. То, что происходит сейчас в вузах, – это системный кризис. У многих из нас педагогическая нагрузка больше, чем у школьного учителя, в некоторые дни – по 6–8 часов подряд лекционной работы. Когда в таких условиях писать учебники и учебные пособия? Те, кто идут за нами, смотрят на все это намного проще. И как бы эта простота не погубила образовательную систему. Спасибо.

О. И. Бородина

Спасибо Вам большое за поддержку этой темы. Честно говоря, это такая серьезная проблема. Педагог в вузе должен львиную долю своего времени сидеть в библиотеке и следить за тем, что нового произошло в том направлении, в котором он работает и преподает, что создано. А сегодня ему действительно просто некогда сидеть в библиотеке, потому что он вынужденно находится пусть не на самой последней, но на одной из последних ступеней по материальному обеспечению. Лишь некоторые московские вузы хоть как-то поддерживают своих педагогов. А ведь на самом деле это часть интеллектуальной элиты государства.

Я хотела еще вот о чем сказать. Интеграция, о которой мы говорили, сегодня налицо. Надежда Ивановна представляет ту категорию книгораспространителей, которая выполняет не только функцию продажи книг, но и функцию библиотеки. Крупные торговые структуры сегодня выходят за рамки простой книжной торговли. Они на территории магазинов организуют книжные клубы, книжные центры, куда человек может

прийти, где может даже почитать книгу, встретиться с творческой элитой, с писателями, с представителями культуры, где может быть организована конференция по книжной тематике и т.д. И это очень важный положительный процесс. Крупная сеть в Санкт-Петербурге – «Буквояз» – тоже стремится к такой интеграции. Сегодня покупатель должен понимать, что он приходит не просто купить какую-то книжку, а получить еще и дополнительную информацию, он приходит в книжный культурный центр. Все-таки, несмотря на то, что мы говорим об интеграции, она на самом деле уже потихонечку идет.

А. Н. Воропаев

Спасибо, Ольга Ивановна. К сожалению, ушла Марина Харькова, которая представляет Гильдию книжников и «Библиоглобус». Она могла бы поделиться с нами идеями, которые существуют в магазине «Библиоглобус». Геннадий Андреевич, можно ли Вас попросить сказать несколько слов, поскольку вы работали и в издательском деле, и в системе книгораспространения, и в библиотечной сфере, и даже в национальной книжной статистике. Каков общий взгляд сверху, с позиции Вашего опыта?

Г. А. Попов

Феномен чтения для меня представляется очень сложным. Поделюсь некоторыми наблюдениями.

Мне очень понравилось выступление присутствующего социолога. Я даже подумал, что социолог – в каком-то смысле врачеватель общества. По крайней мере он ставит «диагноз» обществу. Вот я, например, близок к врачебным кругам, там говорят о том, что сейчас происходит генетическая деформация, практически не рождаются здоровые дети. Такое впечатление, что общество переживает какой-то определенный кризис. По-

этому, когда возникает такая кризисная ситуация, непонятно, с чего начинать. За какую ниточку потянуть, чтобы все проблемы как-то решились сами по себе? Я сторонник именно серьезных социологических исследований, которые позволили бы поставить «диагноз». Мы сейчас затрагиваем проблему чтения. Это действительно сложное явление. Одно дело – читать детективы, другое дело – читать Николая Александровича Бердяева или работу про падение священного православного государства. Это разное чтение, как мы понимаем. И читать некоторые книги – назовем их интеллектуальными – может не каждый, потому что для этого нужна квалификация. Для каждой книги нужна определенная квалификация. Да, мы хотели бы видеть очень много людей, которые обладают высокой квалификацией, для того чтобы читать очень сложные книги. Конечно, мы понимаем, что человеку, который может их читать, легче коммуницировать, потому что выразить свои чувства на языке – это всегда сложно.

Как таких людей готовить в условиях кризисного общества, не знаю. Я думаю, действительно нужно сначала понять, что происходит. А для этого важно проводить социологические исследования. Я считаю, совершенно правильно говорится о том, что эти исследования должны иметь разное финансирование. Государство должно выступать как один из источников финансирования, но должны быть и другие. Судя по тому, что вы говорили здесь, серьезные подвижки происходят тогда, когда привлекаются серьезные специалисты. Если говорить о чтении, это издатели и книгораспространители. Часто издателей обвиняют в том, что они издают не ту литературу. Но мы должны четко понимать, что издательское дело – это бизнес. И издатель будет выпускать то, что хорошо продается, хотя издатели сами по себе очень умные, серьезные люди. В «АСТ» есть такая литература, за которую нас критикуют. Но в нашем издательстве впервые изданы и выдающиеся умы России, охватываются все их произведения, все их работы, которые были разбросаны по разным странам, по разным культурным средам. Они объединены в серию, которая называется «Социальные мысли России». Но все-таки издательство не может жить за счет этих книг, они не покупаются так, как покупаются

наши известные писатели – Михаил Иосифович Веллер или Михаил Николаевич Задорнов, или, предположим, та же Дашкова и т.д. Не подумайте, что я не считаю этих писателей хорошими. Просто это другая литература, которая тоже нужна. Это коммерческая литература, на ней уже можно заработать, для того чтобы платить людям зарплату, чтобы выпускать в том числе и серьезные книги. Как простимулировать издательство, чтобы оно обращало внимание и на такие книги? Это сложный вопрос. Я дать рекомендации не могу. Единственное, что я понимаю: здесь должны быть серьезные социологические исследования. И я считаю, что если государство в лице присутствующих представителей Федерального агентства понимает это, то как раз исследования и нужно стимулировать. Спасибо.

А. Н. Воропаев

Геннадий Андреевич, а теперь у меня к Вам вопрос как к представителю издательства «АСТ». В первой части мы рассуждали о том, как этот самый кризис повлияет на издательскую политику не только мелких, но и крупных издательств. «АСТ», «ЭКСМО» – это наши два гиганта. И вкуче с еще 4–5 издательствами это треть названий и 80 % тиражей, правильно? Понятно, что «АСТ» – издательство многоуровневое, многоплановое. Там есть и социальные проекты, и коммерческие. Не повлияет ли нынешняя ситуация на сокращение, замораживание ряда социальных проектов и на переориентацию с книг, о которых Вы говорите, на те, которые будут позволять издательству в этих условиях заработать?

Г. А. Попов

Я считаю, что однозначно повлияет, а вот в какой степени, не могу сказать. У нас же бизнесмены брали кредиты под акции на Западе. Теперь деньги надо отдавать, а денег нет. Что отдавать? Акции? Если мы отдадим акции, то все крупнейшие компании, которые обеспечивают политическую под-

держку государства, перейдут к иностранцам. Как эту проблему будет решать наше государство? Вы же понимаете, любая экономика строится на потребительском рынке. Потребительский рынок рухнет – экономики нет. Это повлияет на нас точно, а вот о том, в какой степени, лучше знают специалисты, которые сидят в правительстве.

А. Н. Воропаев

Геннадий Андреевич, например, в банковской сфере, в сфере страховых компаний, крупного бизнеса сейчас говорят о том, что кризис может привести к перестройке, переделу рынка, даже к кардинальным изменениям. Может быть, мы получим массовое сокращение игроков, какие-то издательства будут куплены иностранцами и т.д. Как Вы считаете, на книжном рынке мы вошли настолько в общероссийскую экономику, что можно будет говорить и о покупке мелких издательств крупными или о покупке долей или крупных пакетов акций в крупных издательствах иностранными компаниями? Ожидаете ли вы каких-нибудь глобальных сдвигов или же это все-таки нас меньше касается?

Г. А. Попов

Вот на этот вопрос я ответа не знаю. Меня Вячеслав Евгеньевич поддержит. Хоть он генеральный директор «Инфра-М», но ему тоже сложно сказать, как владельцы издательств будут поступать в этой ситуации. Очевидно, что мы должны развивать внутренний потребительский рынок. На внутреннем потребительском рынке должны присутствовать отечественные продукты. В этом отношении издательский бизнес – это, пожалуй, уникальная возможность развития внутреннего потребительского рынка. Это единственный национальный продукт, который нужен только нам, внутри. За рубежом его не особо покупают, за исключением, может быть, Украины, Беларуси. Поэтому внутренний потребительский рынок развивать очень важно.

А. Н. Воропаев

У нас книжный рынок действительно уникален по сравнению с рынком продуктов питания или потребительских товаров. У нас все книжные продукты – это наш внутренний продукт. Единственное, что определенную долю составляют переводные издания. Константин Михайлович, сколько у нас переводных изданий в процентном отношении, если годовые данные брать?

К. М. Сухоруков

Ну, если говорить о названиях, то процентов 8–9. Доминирует английский язык. С большим отрывом дальше идут французский и немецкий. Все остальные, вместе взятые, – это меньше, чем один английский.

А. Н. Воропаев

Спасибо.

Борис Натанович, генеральный директор группы компаний «Время».

Б. Н. Пастернак

Спасибо. Я генеральный директор издательства «Время». Издательство «Время» существенно меньше «АСТ», как вы знаете, поэтому у нас, видимо, и подходы разные, и взгляд на многие вещи. И мне вообще хочется сказать, я бы так выразился, похвальное слово кризису. Мне кажется, что он, во-первых, ожидаемый, во-вторых, возможно, во многом оздоровительный. Мы знаем, что монополизация в нашей отрасли очень велика, и даже странно слышать от специалистов, что ее у нас нет. Мы прекрасно видим: больше половины книжного рынка находится в руках

двух-трех издательств. Как это отражается на нас, не так важно. Но как это отражается на читательской аудитории? Я неоднократно сталкивался с тем, что сегодня в стране несколько русских литератур. Одна русская литература – вариант «АСТ», вторая русская литература – вариант «ЭКСМО», третья русская литература – вариант всех остальных издательств.

Я приезжаю в какой-нибудь маленький городок, в котором всегда был один книжный магазинчик. Он по-прежнему существует, но интересно, в чьих он руках. Он либо попал в сеть «АСТ» – замечательную, большую, развитую, – и тогда в нем торгуют книгами «АСТ» («АСТ» выпускает больше 5 тысяч наименований в год, насколько я помню, и вполне в состоянии укомплектовать своей литературой книжный магазин, по крайней мере небольшой). И очень неохотно магазин, которым руководят специалисты «АСТ», принимает на реализацию книги других издательств. Ну, в крайних случаях, условно говоря, Акунина возьмут, потому что все его спрашивают. Потом я приезжаю в другой городок, где книжный магазин принадлежит сети «ЭКСМО», и вижу совершенно другой набор писателей. Уже никакого Веллера, к примеру, там не найти. И опять же крайне неохотно принимают на реализацию книги других издательств. Потом я приезжаю в магазин «ТОП-Книги» и понимаю, что здесь, кажется, широкий выбор, потому что «ТОП-Книга» не издает собственных книг, она только перепродает. Но у них свои проблемы, и сейчас эти проблемы, к сожалению, слишком далеко зашли. Это, вообще говоря, губительно для остальных издательств. Исчезает тот третий оператор на рынке, который нас устраивал больше всего, потому что брал книги сотен других издательств и торговал ими в глубинке. Если бы от меня в какой-то степени зависела поддержка товаропроводящей книжной сети, я бы, конечно, оказывал эту поддержку именно таким операторам.

Было бы здорово, если бы у нас существовало то, что раньше называлось «Союзкнигой». Такая структура, которая бы обслуживала не 1–2 монополистов рынка, а всех издателей. Это было бы реальной поддержкой тем издателям, которые своей собствен-

ной сети не имеют. Может быть, в связи с этим кризисом что-нибудь изменится. Ведь на самом деле это серьезная проблема, которая во многом искажает положение с книгоизданием в стране. Те люди, про которых мы говорим, та читающая аудитория, которая находится не в Москве и не в Питере, не видит двух третей литературы, издаваемой в стране. Не видит их по совершенно понятным, объективным показателям – потому что издатели торгуют своим. Как с этим быть? Я не знаю, ответа у меня нет.

Теперь еще один момент. Мы не могли не заметить кризиса, поскольку начиная с ноября вдруг обнаружили, что стали существенно падать платежи от разных оптовых структур. Мы немедленно кинулись выяснять, что случилось. Что, наши книги не проданы? Нет, проданы, все в порядке. А чего же вы не платите? Так кризис же. Никто не платит, надо деньги придержать, надо оглядеться, надо посмотреть, как пойдет дальше. Это такой кризис, назначенный нами самими самим себе. И он, возможно, страшнее, чем тот объективный кризис, который действительно существует. Потому что первое, что мы сделали, увидев эту ситуацию, – это тут же выкинули из плана до конца года 12 книг. Кризис же! На книги надо деньги где-то искать, типографии платить. Мы, наверное, тоже должны повременить и оглядеться.

Ну а что касается итогов нашего высокого собрания, то мне, разумеется, ужасно нравится, что мы обмениваемся мнениями и впечатлениями о происходящем на рынке, но, может быть, все-таки больше пользы принесли бы какие-то аналитические материалы, допустим, связанные с библиотеками. Мы с библиотеками, естественно, стараемся работать, но иногда просто опускаются руки. У нас издательство действительно небольшое и ориентированное на качественную литературу. Как правило, книги довольно дорогие, и тиражи достаточно невелики. Для нас 5 тысяч – уже большой тираж. А есть книги тиражом 2 и 3 тысячи. Это книги с достаточно устойчивым спросом, у нас нет проблем с их продажей, потому что наша аудитория никуда не делась с советских времен и никуда не денется. Она регулярно покупает книги, регулярно читает, и мы ей очень довольны. Но

это книги, которым, вообще говоря, место в библиотеке. Допустим, мы выпускаем четырехтомник Бабеля (полный, с комментариями – почти академическое собрание), и ему место в библиотеке публичной, а не только в частной. Если мы посмотрим, сколько библиотек его купило, то обнаружим, что их не больше 25, в то время как информация об этом проходит везде. Спрашиваем: «Почему?» Получаем ответ: «Он дорогой. Мы лучше купим 10 дешевых книжек». Но неужели библиотека – для дешевых книжек, которые должны переходить из рук в руки? Насколько такие библиотеки нужны? Я не знаю.

Г. А. Попов

Учитывая, что я библиотеками занимаюсь, могу сказать, что здесь есть какие-то надежды, которые немножко не соответствуют действительности. Я не хочу говорить о Бабеле, на мой взгляд, в библиотеках куча этих произведений советского периода. Но даже в условиях замечательного финансирования, скажем, в последние годы, в библиотеках сейчас 5–7 процентов от общего рынка. Поэтому когда мы говорим, что издательства надеются на то, что библиотеки что-то поправят в плане распространения, то это неоправданные надежды. Все-таки любой издатель – это розница.

Б. Н. Пастернак

Так я наоборот говорю: может быть, мы зря тратим деньги, поддерживая библиотеки?

Г. А. Попов

Любой издатель, и Вы тоже, я уверен, чувствует себя плохо, если видит, что розница не покупается. Потому что любой издатель ориентируется на розницу. Вот здесь присутствует Александр

Евгеньевич, у которого замечательная сеть магазинов. Почему, собственно говоря, «АСТ» стало развивать розницу, сеть магазинов «Буква»? Потому что встал вопрос, как эти книги продавать. Государственные сети книжных магазинов фактически распались. И издатели поняли, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. «АСТ» создало сеть магазинов, «ИНФРА-М» создало сеть «Библиосфера», появились частные розничные сети, «ТОП-Книга». Почему? Потому что не было поддержки.

А. Н. Воропаев

У нас были проекты на этот счет еще 10 лет тому назад, например проект «Российская книга». Замечательный проект, он был написан, просчитан, начат, но из-за ведомственной разобщенности, о которой мы уже здесь говорили, до конца не реализован.

Коллеги, мы не ожидали от нашей немногочисленной секции такой живой дискуссии. И первая часть прошла у нас с вами очень остро, очень интересно, очень живо. Если бы не обед, могли бы еще продолжать и продолжать. Не хватило нам часа именно на дискуссию. Завтра будет приниматься итоговый документ, я очень прошу всех посмотреть на его проект.

Всем спасибо.

Секция «СМИ и пропаганда чтения»

Часть I

Е. И. Кузьмин

Добрый день, уважаемые коллеги. Я рад вас приветствовать на секции «СМИ и пропаганда чтения» нашей конференции по Национальной программе поддержки и развития чтения, которая проходит второй год подряд здесь, в Президент-Отеле. Это конференция, на которой должны быть подведены итоги работы за год. На разных уровнях – региональном, межрегиональном, муниципальном и даже всероссийском – проходит много конференций по чтению. Но по замыслу так или иначе координирующих всю эту работу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры России раз в год нужно проводить межотраслевую, межсекторальную, междисциплинарную конференцию по чтению – подытоживающую результаты работы, освещающую новые подходы, новые планы и направления деятельности на ближайшие годы и на среднесрочную перспективу.

У нынешней конференции необычный формат. Сегодня, в первый день, проходят секции по основным направлениям Национальной программы поддержки и развития чтения, и в их работе участвуют две категории людей. Первая – это, в основном, эксперты: те, кто занимается продвижением чтения на политико-административном уровне и на практике (библиотеки, учреждения образования, СМИ и т. д.). Вторая категория – это те, кто мог бы и, по идее, должен в силу ряда причин заниматься этим, но пока еще не занимается. Завтра к нам присоединятся люди, обладающие высоким политическим и общественным статусом, руководители средств массовой информации, центрального телевидения, представители органов власти высокого уровня. Об этом сказано в программе конференции в разделе «Формат конференции».

Вам всем розданы новые издания, развивающие методологию Национальной программы поддержки и развития чтения по разным направлениям. За два года создания методологической базы реализации Национальной программы чтения подготовлено и выпущено довольно много книг. Вообще-то их должно быть раз в десять больше – для библиотек всех типов и всех других институтов, которые работают со всеми типами читателей и со всеми типами текстов. Среди этих книг есть одна, которая называется «Рекомендации по работе со средствами массовой информации в рамках Национальной программы чтения». Ее автор – наш известный культуролог, социолог, философ Эльна Александровна Орлова. Она активный участник деятельности по разработке современной методологической базы. И сегодня нам хотелось бы, чтобы наше обсуждение было сфокусировано в большей степени на конкретных вещах, нежели снова на абстрактных обобщениях, безадресных призывах, апелляциях к государству и т.д. Мы этим истово и напряженно занимались в течение многих лет, и сейчас пора переходить к конкретике.

Проблема чтения в России, ее происхождение, состав, структура, разнообразные аспекты, уровни, направления действий были тщательно проанализированы и в самом документе под названием «Национальная программа поддержки и развития чтения», и в аналитических сборниках «Как разорвать замкнутый круг» и «Поддержка развития чтения в библиотечном пространстве России». Поэтому сегодня мы хотели бы обсудить то, что должно делаться для поддержки и развития чтения в рамках конкретной профессиональной сферы, например в библиотеках или в школах и вузах. Что должно делаться средствами массовой информации и теми, кто занимается пропагандой чтения, рекламой чтения, причем именно при существующем сегодня уровне финансовой поддержки? Что может быть сделано при увеличении финансирования? Как правильно организовать работу по продвижению чтения в СМИ – не только силами библиотекарей, школьных учителей,

издателей и книготорговцев, но силами самих журналистов, других авторов, всех пишущих людей, равнодушных к серьезнейшим проблемам? Ведь ситуация с чтением в нашей стране ухудшается. И в первую очередь на нашей секции мы хотели бы с точки зрения журналистов посмотреть на то, что должно делаться в других сферах, и кто это может сделать; как организовать работу, чтобы в других сферах начались позитивные процессы. Вот вопросы, на которые хочется услышать более или менее конкретные ответы с тем, чтобы их потом обобщить и все позитивное использовать в работе на перспективу.

Последнее, что мне хотелось бы сказать, открывая работу нашей секции. В этой книге, которую я держу в руках и которая называется «Рекомендации по работе со средствами массовой информации в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения», описывается, как правильно следует представлять в СМИ реализованные или планируемые проекты, чего не надо при этом делать, как избежать серьезных ошибок, как должны поступать сами журналисты. На этом я свое вступительное слово закончу.

Прошу начать высказываться. Кто самый смелый, самый первый? Ну, давайте, Борис Владимирович. Борис Владимирович Дубин, автор многочисленных работ по истории продвижения чтения, по проблемам чтения, руководитель только что завершившегося исследования «Чтение в России–2008», которое было выполнено по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и которое наш Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества инициировал. Брошюра «Чтение в России–2008», которую мы успели издать к началу конференции, тоже у всех вас есть. Представленные в ней результаты и их анализ ясно показывают, что, несмотря на принятие Национальной программы, несмотря на то, что деятельность по продвижению чтения активизировалась во многих регионах и на многих уровнях, ситуация продолжает ухудшаться.

Б. В. Дубин

Несколько слов. Больше трех четвертей (77 %) наших опрошенных по России (а это все взрослое население) просто ничего не знают о Национальной программе. 14 % смягчают свое незнание и говорят, что они что-то слышали, но вот что – не очень понимают. Что получается? Свыше 90 % взрослого населения страны знать ничего не знают о Национальной программе поддержки и развития чтения. В какой ситуации это все происходит? В ситуации, когда библиотека фактически перестала быть сколько-нибудь значимым источником книги для большинства населения страны, за исключением учащейся молодежи. Это показывают данные не только последнего опроса, но и предыдущих опросов 2000-х гг. и конца 90-х. Кроме того, библиотека перестала быть сколько-нибудь значимым источником рекомендации книг. Фактически сегодня книгопокупка и передача книг из рук в руки – это основные каналы распространения книги и книжной читательской культуры. Она идет по дружеской линии среди молодежи, она идет от матери к детям в семьях. Это самым серьезным образом меняет ситуацию в сравнении и с позднесоветскими годами, да и с 90-ми тоже.

Второй важный момент состоит в том, что книжная культура и читательская культура сегодня довольно резко повернулась в сторону скорее развлечения, чем обучения, расширения смыслового мира. Она сдвинулась в сторону молодежную, она сдвинулась в сторону женскую. Иначе говоря, и чтение фикшн, и чтение нон-фикшн сегодня прежде всего ориентировано и спрофилировано самими читателями. Если говорить о ядре того, что читается, что запрашивается сегодня читателями, то основными становятся женские интересы, молодежные интересы, то, что связано с модой, с развлечением, отчасти – с домом, с семьей. Все.

В какой мере библиотеки к этому готовы сегодня? В какой мере они вообще должны ориентироваться на такого рода книжный читательский спрос и такого рода книжную и читательскую культуру. Я не думаю, что библиотека может (по крайней

мере, те российские библиотеки, которые я знаю) перейти целиком на модное чтение. Это совершенно другая система книгоснабжения, для этого нужна мощная система книгораспространения, видимо, совершенно другая подготовка библиотекарей. Может быть, даже другие во многом библиотеки, скорее похожие на клуб или центр культуры для местной молодежи и для более активной части населения. По крайней мере, пока такая перспектива мне представляется не очень реальной и, насколько я себе представляю настроения библиотекарей, не очень поддерживается в библиотечном сообществе.

Теперь собственно о теме нашей секции – книга и масс-медиа. Вообще говоря, я практически не вижу сегодня (за исключениями, для которых даже пальцев одной руки будет много), сколько-нибудь тесной связи между книжной культурой и деятельностью масс-медиа. Вроде бы это касается и федеральных каналов, и – во многом – местной прессы, местного телевидения. Дело ведь в том, что нынешнее российское общество – это общество телезрителей. Все в той или иной мере общее для России: символы, идеи, какие-то фигуры известных людей, значимые точки зрения, какие-то слоганы и т.д. – все это идет через основные каналы телевидения. Мир печати все более дробится, она становится с точки зрения читателя все более местной, все более замкнутой на местные проблемы и местных героев. И только телевидение выступает в функции общего мира. Поэтому, если в систему федеральных масс-медиа книга, чтение, разнообразие книжных и читательских интересов не входят, то они не входят и в коллективное сознание. В результате, когда мы просим: назовите писателей XX века, книги которых произвели на вас наибольшее воздействие, или самых выдающихся с вашей точки зрения писателей XX века, то самые крупные писатели (их 3, максимум 4) набирают от 6 до 12–13%. То есть 12–13% населения могут согласованно назвать некоторый общий авторитет. Все остальное – в границах статистической достоверности, оценивать это, строго говоря, невозможно. И если бы не Пушкин и Толстой (которые включаются, есте-

ственно, в авторов XX века!), то, я думаю, нет даже хорошей пятерки значимых писателей, не говоря уже о десятке. И это в стране, которая клянется, что она самая литературоцентричная, самая читающая, пусть и в прошлом. Но это же не могло совсем на ноль сойти. Куда-то же это девалось, куда-то же отложилось?

Я не связан напрямую со средствами массовой информации, я немножко пишу в газеты, иногда выступаю на радио и еще реже – на телевидении. Так вот, мне представляется, что без хорошей федеральной программы в хорошее время на хорошем общедоступном канале, которая в пределах хотя бы получаса – сорока минут будет целиком посвящена книге и чтению (как знаменитая программа «Апостроф» во Франции, которую смотрели все и в которой можно было за сорок минут увидеть и узнать, например, о полусотне лучших книг этого месяца, рекомендованных лучшими писателями, лучшими экспертами), просто невозможно.

Второе. Все-таки пока еще в России нет федеральной газеты, общенациональной, а тем более нескольких газет, как, скажем, в Германии, во Франции, в Великобритании, в Соединенных Штатах Америки. Несколько толстых национальных газет, где есть полоса, а то и две, отводимые под культуру и в большой мере под чтение, у нас нет. Из более или менее ходящих по стране есть «Аргументы и факты», «Комсомолка», «Российская газета». Если в этих газетах нет ничего о книге и чтении (причем нет систематически, из раза в раз, из недели в неделю), то этого нет и в общественном сознании. Значит, нужно, чтобы это было.

И третий момент. Население в российской провинции во все большей мере переходит – можно сказать уже перешло – на чтение исключительно местной прессы, даже не столько ежедневной, сколько еженедельной. Не та сейчас ситуация в стране, чтобы ежедневную прессу выхватывали друг у друга из рук, как было в 1988 и в 1991 гг. Людям вполне достаточно еженедельных новостей. Вопрос в том, как проникнуть в эти издания опять-таки книге и чтению. Если их там не будет, то их не будет

и в массовом сознании. Я вовсе не исхожу из максимы, что страна опять должна стать самой читающей страной в мире. Но, мне кажется, стоит подумать о том, какой мы хотели бы видеть завтрашнюю страну. Если она вся будет состоять из телезрителей двух основных каналов, это будет одна страна. Страна, в которой будет сильная литература, сильная читательская культура, сильные библиотеки на местах, – это другая страна. Я не устраиваю плебисцита, но, вообще говоря, можно было бы проголосовать за один из этих вариантов. Вы догадываетесь, на чьей стороне моя симпатия, но я не буду никому ничего навязывать. Мне кажется, что мы только-только стоим перед проблемой взаимоотношения чтения и масс-медиа. Она фактически пока еще не начала обсуждаться и тем более не перешла в плоскость практических решений и конкретных дел. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Борис Владимирович. Александр Архангельский.

А. Н. Архангельский

Добрый день, дорогие коллеги. Несколько разрозненных замечаний, потому что Борис Дубин, как всегда, дал пищу для размышлений. Одно только возражение по поводу самой читающей страны в мире. Эта фраза (если верить Александру Гаврилову, который здесь отсутствует) принадлежит Леониду Ильичу Брежневу и произнесена была не в связи с литературой, а в связи с чтением газет и журналов в советской стране на съезде.

Теперь давайте по существу. Конечно, нам всем очень хотелось бы, чтобы про книжки много рассказывали на телевидении, чтобы все это смотрели, чтобы это имело немедленное воздействие на аудиторию и чтобы аудитория немедленно бежала бы в книжные магазины и в библиотеки, покупала книжки, читала их. Но прямой связи тут нет. Давайте называть

вещи своими именами. Говорю это уже на основании своего собственного опыта – и литературского, и телевизионного. Нет никакой прямой связи между количеством сказанного в медиа про ту или иную книгу и покупаемостью данной книги. Это первое замечание. Второе. Есть ли готовность у государства, с одной стороны, и у читающего сообщества, с другой, найти какое-то решение, чтобы про книги больше говорили? Не ради роста конкретных продаж, а ради того, чтобы сама идея, что читать хорошо, внедрилась в сознание следующего поколения и, может быть, вследствие этого следующее поколение не отказалось от привычки читать вообще. Задача стоит так. Тут вторая проблема. Государство готово ко всему, кроме того, чтобы принимать какие-то неприятные решения. Ему хватает неприятных решений в другой области. В сфере культуры оно неприятных для себя решений принимать не будет. То есть оно не будет ломать через колено телевидение для того, чтобы еще и здесь заставить его сделать то, что телевидение делать не хочет. Достаточно того, что пришлось забрать у телевидения контроль над политическими новостями. С другой стороны, как может быть на большом телевидении построен разговор о книге? Вот мы с Борисом Дубиным придем в эфир Первого канала и начнем говорить про то, что читать хорошо. Чем кончится? Тем, что нажмут на кнопку и уйдут на другой канал. Мы этого делать не умеем. Готово ли читающее сообщество, сидящее здесь, к тому, чтобы Ксения Собчак продвигала идею чтения? Внутренне не готово.

Мы должны понять: к сожалению, мы живем в ужасном мире. От этого мира можно отвернуться, можно из него уйти – в монастырь, желательно, не городского типа, а куда-нибудь на Соловки. Если мы остаемся в этом мире – в таком, какой он есть, – мы должны подумать, что можно делать с ним изнутри него самого. Внутри него самого по-настоящему просветительские, пропагандирующие чтение программы могут быть тусовочные, шоу, вовсе не интеллектуальные. Есть ли форматы, когда неинтеллектуальные тусовочные шоу продвигают хорошую литературу? Да, мы это прекрасно знаем. Мы прекрасно

знаем, что, например, в России отсутствует феномен утреннего телевидения. Утреннее телевидение у нас не так влиятельно, как телевидение вечернее, хотя во всем мире равным счетом наоборот. Самые главные радиопрограммы везде – утренние, с 7 до 8 часов. Самые главные телевизионные программы – с 6 до 8 утра. Ведущий утреннего шоу телевизионного во всем мире – это гуру. И он не должен быть умнее, чем аудитория, которая его смотрит. И вот этот ведущий, не интеллектуал, иной раз дает зрителю правильные советы, что почитать. И редактор у него должен быть хороший. Советовать умные книжки должен человек неумный. Или умеющий сыграть неумного, как это успешно делают Ксения Собчак или Андрей Малахов. Если та же Ксения Собчак посоветует читать «Войну и мир» (как посоветовала в утреннем эфире американская ведущая, и тиражи резко выросли), ничего плохого не будет. Ну не нравится нам Ксения Собчак, ну что теперь сделаешь? Главное, чтобы результат был.

Если эта программа будет реализована, то мы получим не то, что хотели бы смотреть сами. Это тоже надо понимать. Какая задача исполнима здесь? Исполнима задача возвращения идеи, что читать – это хорошо, модно, стильно. А конкретные книжки продвигать в ближайшее десятилетие с помощью большого телевидения не удастся. Сообщество интеллектуалов, собственно говоря, тоже надо возвращать к идее чтения. Раньше научно-техническая интеллигенция читала с утра до вечера, а сегодня совершенно не обязательно, чтобы инженеры или физики, или математики (у них больше свободного времени) читали. Значит, здесь нужен другой путь. Не большое телевидение, а то, чего мы как бы чужаемся, и то, что мы не используем. Это Интернет, который устроен по своим законам. Эти законы нужно понять, нужно запретить в нашем сообществе разговоры про то, что ЖЖ – это помойка. Просто в законодательном порядке взять и запретить самим себе. ЖЖ – не помойка, а пустырь. На помойке крысы, а на пустыре что хочешь, то и построишь. Хочешь – бордель, хочешь – храм, хочешь – кабак. Что построишь, то и будет. Мы умеем выстраивать горизонтальное влияние?

Или только надеемся на вертикальное? Вот мы все противники – я, по крайней мере, противник – вертикали власти. Но в информационном мире мы все настаиваем на том, чтобы была вертикаль власти. Мы твердим: давайте вертикально используем телевидение, чтобы оно страну построило и привело к идее чтения. А горизонтальные связи мы почему не используем? Молодежь, кстати говоря, уходит от телевидения. Все эти разговоры про то, что телевидение всю страну соединяет, это правда на сегодняшний день, но только какую часть страны? Стареющую, необразованную, неуспешную. А образованная, молодая, успешная про телевизор забывает – 25 % зрителей потеряно за пять лет на федеральных каналах в целом. Что это значит? Причина не только в том, что неинтересно. ВВС вынуждено размещать лучшие свои программы в бесплатном доступе в подростковых сетях, чтобы новое поколение хотя бы знало, что телевидение существует.

Телевидение уходит как всемогущий ресурс. Это последние 10 лет, когда мы можем этим ресурсом воспользоваться «на прощание». Дальше надо готовиться к тому, что будет другая эпоха, все более дробная. Борис правильно говорит: то, что касается печатных медиа, уходит, конечно, в региональную сферу. В России не будет общенациональных газет, это тоже надо понимать. Что касается газет, мы уже упустили шанс построить федеральные всеохватные газетные медиа с серьезным разговором для серьезных людей. У нас этот шаг пропущен, и, в общем, будет по всей стране присутствовать только «Российская газета». Она сейчас делается очень хорошо, но одной общей серьезной газеты на страну маловато.

Что касается телевизионных форматов, то тут работать можно. Еще есть 10 лет телевертикали, а потом надо готовиться к тому, что будет все разверстано в горизонталь. И с этими форматами надо учиться работать. Надо выстраивать сообщество, надо самим туда идти, надо искать лидеров. Мы, конечно, помним позднесоветскую модель: была интеллигенция, и у нее был свой такой гуру, который мог от ее имени разговаривать с властью. Звали его Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Такая компромиссная фигура, которая власти гарантировала, что не будет звать интеллигенцию к революции и будет притормаживать всячески эти умонастроения. А власть, со своей стороны, вынуждена была слушать Лихачева, который мог озвучить требования интеллигенции в определенных областях. Это была сделка, политическая сделка, давайте называть вещи своими именами. Дмитрий Сергеевич был не только ученым, он был политиком. Ученым он был крупным, но не единственным в своем роде, а политиком – великим. И, несомненно, войдет в историю прежде всего как политик и организатор. Но для того чтобы такая фигура могла возникнуть, должно возникнуть самосознание сообщества. Не требования отдельные: давайте покажем по телевизору то, покажем по телевизору это, напечатаем призыв такой-то. Должно быть ощущение сообщества библиотечного, книгоиздательского, музейного, другого, иного. Нужны неформальный договор между сообществами и готовность наделить полномочиями лидера, потому что он не может говорить сам от себя, он должен говорить от имени сообщества. Власть разговаривает только с сильными, со слабыми она не разговаривает. И тогда понятно, как выстраиваются модели влияния и на государство, и на общество. Если этого не будет, то все отдельные программы заранее окажутся провальными. Штучный товар здесь не работает. Вот и все.

Последнее, что я хочу сказать. Есть опыт успешного продвижения идеи чтения в мире? Конечно, есть. Именно там, где есть сильное общественное горизонтальное соглашение. Англия – вот яркий пример, успешный. Пример того, как идея продвижения чтения как такого была реализована, – Англия, и там телевизионный ресурс был использован. Но там есть общественное телевидение, которое финансируется прежде всего гражданами. Там есть сильное общественное самосознание, есть лидерские устремления, есть государство, которое вынуждено слушать это общество. Там это возможно. Возможно ли у нас? Вот главный вопрос.

Е. И. Кузьмин

У меня появилось следующее соображение. Ты сказал, что нужны горизонтальные связи между различными структурами внутри книжного сообщества, которые должны взаимодействовать с медиа. Вот я, например, отношу себя к книжному сообществу. Мы организуем много мероприятий, мы делаем какие-то проекты, какие-то книги издаем, какие-то научные исследования проводим, мы все время приглашаем журналистов, все время приглашаем руководителей средств массовой информации, политиков, которые за это дело, по идее, должны отвечать. Ну пригласите и вы нас, хотя бы один раз, организуйте и вы на телевидении круглый стол – не для эфира, не для публичного показа, а закрытую рабочую встречу, что-то вроде производственного совещания, где мы могли бы профессионально объяснить тем, кто руководит телевидением, кто делает разнообразные программы и передачи, насколько остра проблема чтения в России, в чем она заключается и как мы можем начать ее совместно и профессионально решать.

А. Н. Архангельский

Просто для справки: я не работаю на телевидении, я работаю для телевидения. Я произвожу продукт и продаю его телеканалу. Иначе бы меня давно уже не было. Я не могу собрать никого на канал «Культура», у меня нет пропуска.

Реплика из зала

Я хотел бы заметить: кроме того, что сместилась аудитория, сместились жанры книг. Сегодня мы теряем лонгселлеры – те книги, которые должны продаваться, может быть, не очень большими тиражами, но долго, поколениями. А вот шортселлеры, быстрые, «спекулятивные» книги, как раз очень хорошо продаются, очень хорошо рекламируются, и т.д. И нужно что-то делать для того, чтобы переориентировать аудиторию от «шорт» к «лонг».

Е. И. Кузьмин

Вы знаете, я бы сказал по-другому: нужно переориентировать ситуацию в сторону более интеллектуальной литературы, рассчитанной на элитарную среду, ведь, теряя лонгселлеры, мы теряем элитарное пространство. Но мы не только не умеем, но и не знаем, как это делать. И нам неоткуда почерпнуть это знание, кроме как из мирового опыта. Однако мировой опыт к нам имеет довольно мало отношения. Проблема чтения – это, конечно, мировая проблема. Но российская специфика едва ли не больше, чем наполовину определяет набор элементов, составляющих российскую проблему. Если мы будем действовать по всем лучшим английским и американским рецептам, то не добьемся желаемого результата. У нас нет книжных магазинов в провинции, у нас нищие библиотеки, дезориентированные и необученные профессионалы книжного дела, необученные журналисты на местах и необученные педагоги. У нас за что нихватишься...

А. Н. Архангельский

Жень, ну поезжай ты на северо-запад Англии. Разве там жизнь хоть немного лучше? Там алкоголики, драчуны и дети, не видевшие отцов.

Е. И. Кузьмин

Вот мы пригласили на конференцию Тома Палмера. Он наш почетный гость, в три часа будет его лекция. Это выдающийся, на мой взгляд, английский специалист в сфере продвижения чтения. Кстати, он писатель, который пишет о футболе и через книги о футболе привлекает молодежь к чтению. Я разговаривал сегодня с Томом. Говорю ему: «Мы приняли Национальную программу. Вот, видите, и методологическую базу для ее реализации создаем, а ситуация-то ухудшается». Он отвечает: «Как и у нас».

А. Н. Архангельский

Давайте подождем. Все-таки технологическая революция произошла примерно года полтора назад. Разрыв между электронной книгой и книгой реальной фактически снят. Дальше будет только улучшение. Sony Readers – это все, это уже книга. Те, кто уходил, отчасти вернулся сюда. Распространение будет принципиально иным, и здесь будет чуть попроще. Тут я как раз настроен скорее оптимистично, потому что это для следующего поколения выход.

Б. В. Дубин

В самом деле, важная проблема с шортселлерами. Я думаю, что она имеет самое прямое отношение к другому процессу, о котором я говорил. Происходит дробление большого сообщества, и это дробление в плане чтения находит выражение в том, что (это данные нашего исследования) 35 % людей покупают книгу, чтобы ее прочитать и выбросить. И все. А это совершенно меняет ситуацию с домашними библиотеками.

Н. С. Литвинец

Мне кажется, что, с одной стороны, все упреки в адрес средств массовой информации, конечно, справедливы, а с другой – мы должны их обратить и на себя, потому что очень часто недорабатываем мы, те, кто заинтересован в пропаганде чтения. Действительно, бессмысленно говорить с экрана или писать в газете, что читать полезно. Я, честно говоря, видела только одни удачный слоган на эту тему. Висела реклама по Москве – фраза Барщевского: «Читайте книги, инвестируйте в себя». Вот это хоть как-то затрагивало.

Всегда должен быть медийный повод. Проехал Литературный экспресс от Москвы до Владивостока – акция Российского книжного союза, – и этот медийный повод сработал. Во-первых,

Саша показал картинку в своей передаче, пятый канал Санкт-Петербурга снимал сюжет. На центральном телевидении этого не было, но мы в этом и не были заинтересованы, ведь все местные средства массовой информации в тех городах, по которым следовал экспресс (а он во всех областных центрах останавливался) давали очень широкую панораму: и интервью с писателями, и какие-то репортажи со встреч в библиотеках. В общем, когда есть повод, всегда получается достаточно позитивный эффект. Библиотеки получили книги этих писателей, и, думаю, эти книги в течение по крайней мере нескольких месяцев будут востребованы, потому что интересно, когда говорит Дмитрий Быков, но интересно и прочесть его книги. Или книги, которые он читает. Надо давать медийные поводы. Я ничего не имею против Ксении Собчак, (хотя она неоправданно много места занимает в нашей сегодняшней дискуссии) или кого-то другого. Не надо предлагать Ксении «Войну и мир», может быть, это и не ее занятие. Но даже коллизии, происходящие между молодыми людьми в той программе, которую она ведет, описаны в художественной литературе неоднократно. И могли бы быть какие-то ссылки и апелляции к тому опыту: «а я вот читал там в книге...». Мне кажется, что во всех средствах массовой информации должно быть табуировано негативное отношение к чтению и к книге. Я не знаю, как это сделать, но когда идет какой-то разговор с эстрадной звездой или еще с кем-то, нельзя говорить: «Ой, я ничего не читаю, мне вообще некогда и все, я другим занимаюсь». Лучше вообще не высказываться на эту тему. Мне кажется, в средствах массовой информации этого добиться вполне возможно. Что же касается телевидения, у нас есть достаточно интересные программы – программа Александра Архангельского, программа, которую ведет Гордон. Но беда нашего телевидения – это сетка вещания. Все, что оглушает, идет в прайм-тайм. Все интеллектуальное – после часу ночи. Вот я вчера, переключая каналы, попала на «Девять дней одного года». Я бы с удовольствием посмотрела этот фильм и вспомнила, как он воспринимался тогда, сравнила с сегодняшним вос-

приятием. Но он шел ночью. Мне кажется, с сеткой телевидения нужно работать. Тем более что сейчас, вы видите, пошел уклон в гуманитарную сферу. В Послании Президента Федеральному Собранию система ценностей достаточно четко сформулирована, и возражать против нее в общем-то ни один здравомыслящий человек не будет – это разумно и внятно. Уклон в гуманитарную сферу хорошо бы использовать и в средствах массовой информации. И, конечно, нужно делать большой акцент на региональные СМИ. Российский книжный союз сейчас очень активно занимается региональным строительством. Создаются филиалы в различных городах, и к 2012 г. мы хотим иметь инфраструктуру по всей стране. Разработана Региональная программа поддержки и развития книгоиздания, регионы берут из нее то, что им наиболее подходит, наиболее интересно, отвечает их культурным ожиданиям. Эти программы тоже начинают постепенно претворяться в жизнь. Москва тут не показатель, но в Москве такая программа действует и достаточно эффективно. По крайней мере, по улицам было интересно ездить летом. Был некоммерческий сезон для уличной рекламы, поэтому можно было с удовольствием по московским улицам проехать и посмотреть на книжную рекламу. Мне кажется, что местные, региональные средства массовой информации – достаточно благодатное в этом смысле поле, тем более что Книжный союз, создавая свои филиалы и представительства, активно задействует административный ресурс. Мы знаем, что на административный ресурс местные СМИ реагируют гораздо сильнее. И, конечно, нужны колонки, нужны разделы в крупных газетах и журналах. Кстати, даже во многих женских журналах иногда есть рецензии на книги, и не самые плохие книги рецензируются, но, естественно, те, которые на слуху. Мне кажется, что должны быть такие разделы по рецензированию, по рекомендациям во всех средствах массовой информации, в том числе на радио. Мы все время говорим про телевидение и забываем про радио. Вы знаете, есть такая программа на радио России «Спросите Веллера». Михаил Веллер на разные темы

рассуждает, ему задают вопросы, он на них отвечает в меру своих знаний, своего понимания и т.д. Веллер, к сожалению, не смог принять участия в акции «Литературный экспресс», он заболел и в последний момент вынужден был отказаться. Знаете, какие толпы слушателей этой программы (поскольку радио России за Уральским хребтом очень активно слушается) собирались на Веллера посмотреть? Радио – это очень мощный ресурс.

А. Н. Архангельский

Прошу прощения, что вмешиваюсь, но вот сказанное – в точку! Еще одна из проблем, с которой мы сталкиваемся, – это не только отсутствие желания у больших каналов или радиостанций (или у тех же газет) давать какие-то разговоры про литературу и т.д. Это еще и наше литературное сословие, будь оно не ладно. Это люди, которые приходят мямлить – если вообще приходят, а не звонят в день записи, что у них «чего-то сегодня настроение плохое». Вы представляете себе западного писателя, которого зовут в эфир и который не приходит потому, что у него сегодня настроение плохое? Или приходит – и засыпает. Или пьяным приходит. Это возможно? Нет!

Вообще говоря, это мы выдрессировали в искусственных клетках людей, не приспособленных к жизни в медийном мире. Нравится этот мир, не нравится, но ты пришел работать – будь добр, работай. Да, есть гении, которые имеют право бормотать себе под нос, а все должны их напряженно слушать. Но если ты Джойс, будь Джойсом, а если ты Михаил Шишкин, будь Михаилом Шишкиным. Не притворяйся Джойсом. Я про талантливых людей говорю. Это тоже социальная обязанность, прилагаемая к известности. Это налог на твое участие в любимом деле. Изволь его платить. Да, Веллер, может, и не лучший писатель, но Веллер – человек, просчитавший медийную эпоху и занявший то место, которое мог бы занять и другой. Когда писатель нормальный, современный приходит в библиотеку, он понимает, с кем разговаривает. В библиотеке не нужно так уж

стараться: это свои люди, они и так уже пришли поговорить с тобой, они тебя знают или хотя бы хотят узнать. А если не свои? Извини, иди к ним навстречу и прыгай через пропасть. Было бы христианство, если бы проповедники не выходили в толпы и не обращались бы к ним?

И еще одна беда. Знают ли современные российские писатели жизнь, которой живет абсолютное большинство? Я сейчас даже беру не глубинку, не провинциальную интеллигенцию, потому что ее немножко знают по традиции, слой тоже понятный, из которого практически все писатели когда-то вышли... А офисная интеллигенция? Почему про нее только Минаев рассказывает? Они вообще знают, как эта жизнь устроена, какую роль деньги в этой жизни играют? Как человеческие отношения через эти деньги выстраиваются? Так что тут еще проблема не только в государстве, но и в сословии, к сожалению.

Н. С. Литвинец

Я закончу. Вернемся к опыту «Литературного экспресса». Вы понимаете, что «Литературный экспресс» – это рискованное предприятие с той точки зрения, о которой говорил Саша. Есть большие перегоны, есть перегоны по Сибири, где поезд идет весь день и только вечером прибывает в какой-то город. Вы знаете, не было ни одного случая срыва. Я буду лицемерить, если скажу, что во время длинных перегонов писатели сидели со стаканом чая и обсуждали творческие проблемы. Но была какая-то предварительная работа, было ощущение миссии, и не было ни одного случая неявки на какое-то мероприятие, ни одного случая какого-то такого вот некорректного поведения. Единственно у нас Дима Быков, когда в пятый раз ведущая в библиотеке сказала: «Нет, мы не будем говорить о политике, мы говорим о литературе» (поскольку там были выборы, и они очень усиленно просили не говорить о политике), не выдержал, взорвался, сказал: «Да, кстати, а почему бы нам не поговорить о политике?»

Е. И. Кузьмин

Нина, что никто никого не бил?

Н. С. Литвинец

Нет. Причем у нас был очень сложный контингент, очень разные люди. В одном маршруте со мной были Захар Прилепин, Дмитрий Быков, Леонид Юзефович, Евгений Попов – люди разные и по возрасту, и по менталитету, и по ощущению себя в литературе. Не было никаких инцидентов. Были энтузиазм и желание, все тут же стали выстраивать маршрут: а давайте теперь с севера на юг такой вагон пустим, а давайте еще как-то.

Но я отвлеклась. Я говорила о том, что должен быть медийный повод. Вот был конкурс семейных библиотек, который проводил Российский книжный союз. Вы знаете, какие были удивительные люди из провинции! Мы же их всех привезли в Москву, для того чтобы на Московской ярмарке наградить победителей. Это прекрасные интересные семьи, все разные, все со своей какой-то историей, все со своими читательскими предпочтениями, со своими попытками устроить библиотеку в малогабаритной квартире. Так получилось, что награждение этих семей проходило в то же время, что и презентация книги Сванидзе. В итоге ни одного медийного отклика на это мероприятие не было, только несколько пресс-релизов. Хотя мне лично очень жаль, потому что этот конкурс показал: семейные библиотеки в России существуют, они собираются, есть разные подходы. Да, социологи говорят: больше книг покупается, чтобы прочесть и выбросить. Но есть люди, которые не могут выбросить даже брошюру, которую вся семья прочла, находят ей место на полке. И мне кажется, что теме семейных библиотек нужно уделять больше внимания и больше этих людей популяризировать. Они того заслуживают. Тем более что им есть что сказать, у них свое понимание и ситуации в литературной тусовке, и ситуации в тусовке книжной. На мой взгляд, это очень интересное мероприятие. И я бы семейным библиотекам еще уделила внимание, может быть, даже постфактум. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Коллеги, у нас по графику через 15 минут кофе-брейк, после которого будет еще два часа на дискуссию. Время ограничено, поэтому я призываю всех остальных выступающих придерживаться программы. Обращаю еще раз внимание: программа на третьей странице. Предпочтительны короткие выступления по указанным темам, потому что нам нужно выходить на новый уровень конкретизации и операционализации наших прекрасных мыслей.

Теперь слово Иосифу Михайловичу Дзялошинскому.

И. М. Дзялошинский

Спасибо. Я сюда ехал в метро, в час пик. Смотрел и думал: «Мама дорогая, вот проедешь час в этом метро, придешь на работу, где начальник дает тебе дурацкие задания, вернешься домой и после этого ты что-то должен читать? Что?!»

Мы в течение десяти лет наблюдаем за тем, что происходит при потреблении местной печатной прессы. Есть четыре категории читателей. Первая категория – это люди выживания, которые каждый день думают, как бы им выжить дальше. Поэтому, если они что-то читают, то либо о том, как солить огурцы, либо о том, как что-то по дому сделать. Это в среднем 60 % по стране. Вторая категория читателей местной прессы – это, назовем их так, люди успеха, они хотят вырваться, уехать в Москву. Не в Москву, так в Томск. Не в Томск, так в ближайший город. Они хотят чего-то добиться. Их в стране всего-навсего 20 %. Третья категория читателей – это люди драйва, они читают только приключения, фантастику, что-нибудь как можно более далекое от реальной жизни. Их еще процентов 10–15. И только 10 % людей читают для того, чтобы развивать себя, узнавать что-то новое.

Проблема, на мой взгляд, заключается в следующем: прежде чем мы с вами будем прорабатывать технологию пропаганды

чтения, надо четко и ясно понять, что никакого чтения без привязки к мотивационным профилям людей, к их реальной жизни не будет. Если человек не будет чувствовать прямую или хотя бы косвенную связь между своей успешностью, своей жизнью и тем, что он потребляет в виде печатного текста, весь этот разговор будет только для нашей с вами аудитории. Мы сейчас, разрабатывая Программу продвижения чтения и конкретных печатных продуктов, должны размышлять о том, как выявить и показать эту мотивацию. Это первое.

Второе. Большая часть читателей относится к так называемым «легким читателям». Это люди, которые хотят быстро-быстро понять, в чем дело и где искать ту информацию, которая им нужна. Поэтому хорошая газета дает навигацию: у нас сегодня будут интересные материалы там, там и там. Думаю, издателям книг тоже надо учесть это обстоятельство и научиться предпосылать книгам некие развернутые аннотации. Так, как это делали в старину.

Есть еще одна проблема, касающаяся печатной прессы и ее связи с тем, что мы называем большим чтением. Помню, я жил в небольшой деревне в Хабаровском крае, и мои родители тратили довольно значительную сумму семейного бюджета, выписывая газету «Молодой дальневосточник». Почему? Эта газета регулярно печатала куски художественной литературы. В каждом номере – фрагмент. Учитывая, что сейчас большая часть местных читателей потребляет одну местную газету и одну федеральную на десять семей, местная пресса могла бы, если бы, конечно, авторы давали разрешение на бесплатную публикацию, публиковать фрагменты каких-то книг. И дальше это можно было бы использовать для раскрутки.

А. Н. Архангельский

Я, когда в «Известиях» плотно работал, тоже это затевал. Даже детективы не идут.

И. М. Дзялошинский

Мне представляется, что сейчас мы должны искать форумы, которые увязывают все медиа в некие комплексы, тогда, может быть, что-то получится. Все. Спасибо.

А. Н. Архангельский

Конкретное предложение. Если у вас Книжный союз действительно открывает отделения в регионах, а писателей современных туда не привезешь каждого в отдельности, устраивайте для журналистов прямые связи через Интернет. Не онлайн, когда на одном конце пишут вопросы, а на другом – ответы, а в звуковом режиме, чтобы можно было собрать пресс-конференцию, разбросанную на несколько редакций разных городов. Одномоментно. Это технологически возможно, дешево и полезно и для региональной прессы, мне кажется, тоже.

Е. И. Кузьмин

Коллеги, у нас осталось до кофе-брейка 4 минуты, поэтому я позволю себе вернуть вас к задачам сегодняшней секции и еще раз немножко напомнить не о проблемах чтения, а о содержании Национальной программы. Многие люди, которые очень интересуются продвижением чтения, не читают Национальную программу, не читают материалы, которые разъясняют Программу и ее отдельные направления, развивают ее концептуальные идеи.

Я хотел бы акцентировать внимание на том, что в российской Национальной программе, в отличие от программ других стран, речь не идет о чтении только книг и о чтении преимущественно художественной литературы. У нас могла бы быть восхитительная программа чтения художественной литературы и чтения высокой русской классики. Это была бы изумительная программа, но ее у нас нет. Есть другая программа – поддержки и

развития чтения в России. Имеется в виду и художественная, и научная, и научно-популярная литература, и книги, и газеты, и журналы, и чтение в Интернете, и чтение электронных книг. Чтение как освоение информации, как освоение знания, как механизм поддержания и развития языка. Стране не хватает знаний. Речь в Национальной программе идет, наряду с прочим, и о том, что наша российская элита читает все более примитивную литературу. Взрослые, которые должны читать и подавать пример детям и всему подрастающему поколению, не читают. Дети видят взрослых, даже успешных взрослых, которые ничего не читают, и усваивают, что для того, чтобы добиться какого-то успеха в жизни, читать совсем не обязательно. Население не знает про Национальную программу. Пропаганда Программы ужасно поставлена, она, можно сказать, никакая. Положения Программы и ее концептуальные идеи не разъясняются, разговоры о ней носят совершенно спонтанный, бытовой характер и отражают, мягко говоря, странные представления о чтении.

Н. С. Литвинец

Женя, а оно должно знать о Национальной программе, население? Оно читать должно. А знать...

Е. И. Кузьмин

Население не должно знать дословно текст Национальной программы, оно должно слышать, что что-то такое у нас в стране есть. И я абсолютно убежден в том, что люди, которые стоят у руля основных институтов поддержки и развития чтения, руководители профильных министерств, общественных организаций, профессиональных ассоциаций, должны публично говорить о Национальной программе чтения и о проблемах, с которыми сталкивается именно Россия и именно сегодня (а не Англия и не Советский Союз 15 или 30 лет назад), говорить со

знанием дела, во всеуслышание, во всей полноте проблематики, не затушевывая серьезнейших аспектов. А не просто периодически вздыхать: ах, молодежь у нас не читает классики, а вот мы, когда были молодыми, ходили в библиотеки, ах, как же у нас будет теперь формироваться духовность и нравственность...

Посмотрите, все более и более примитивная литература покупается, распространяется, пропагандируется. Все более и более примитивизируется общественное сознание. Страна все больше глупеет. Вот о чем речь. Как достучаться не только до простых людей, а до тех слоев, которые претендуют на элитарность и лидерство? Как добиться того, чтобы они хоть что-то делали в плане чтения, чтобы они хотя бы были информированы о характере проблемы и ее масштабах? Хотя как-то же они должны слышать о том, что что-то есть – проблема, программа. Вот и сегодня разговор у нас опять в основном идет не о роли СМИ в продвижении чтения, а вообще про чтение. У нас любой разговор не о конкретном, а, как всегда в России, обо всем.

Давайте мы после кофе-брейка сосредоточимся на главной теме нашей секции. СМИ – это ключевой раздел. Мы больше знаем, что должны и могут делать библиотеки, но мы очень мало знаем про роль СМИ в пропаганде чтения. Сегодня говорилось про встречи с писателями. Английский опыт показывает, что встречи с писателями не так много дают для продвижения чтения. Во-первых, писатель не обладает теми знаниями, которые хотят услышать читатели. Писатель хорошо пишет, но зачастую довольно вяло и плохо говорит. С кем же нужно устраивать встречи по поводу литературы? С экспертами, с критиками, с преподавателями литературы, которые умеют образно, ярко говорить, которые могут поставить произведение в общекультурный контекст, объяснить его сильные и слабые стороны. Люди придут на встречу с литературоведом и критиком Архангельским, на публичную лекцию в какой-то областной научной библиотеке, куда ходит интеллектуальная элита города. И с удовольствием послушают.

А. Н. Архангельский

В хорошую областную библиотеку скорее всего придут, а в районную даже точно придут, потому что вокруг районной и областной библиотеки есть свой сложившийся читательский круг. Они придут поговорить и с критиком, и с писателем, и с кем угодно. Вопрос в том, как заманить на разговор тех, кто заранее не настроен на чтение современной, да и не только современной, литературы...

Е. И. Кузьмин

Саша, дорогой, послушай. Ты спрашиваешь, как это сделать, как заманить. Понимаешь, последних пару лет мы много думали на эту тему, накопили определенные знания. Можно заманить, если правильно действовать. Мы написали, как правильно действовать, опубликовали. Теперь надо этому учиться.

Спасибо, коллеги.

Часть II

И. В. Жилавская

Я хочу обратить ваше внимание на то, что на нашей секции СМИ отсутствуют руководители средств массовой информации. Я имею в виду не журналистов, а именно руководителей, потому что в сегодняшних СМИ редакционную политику определяют собственники и топ-менеджеры. Если на таких встречах разговор идет в их отсутствие, то он, как правило, получается малорезультативными. Я думаю, что библиотечному сообществу, чтобы быть понятным, следует переходить на язык средств массовой информации, на язык медиарынка, коммерции, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Часто можно слышать, что средства массовой информации что-то должны делать, а чего-то делать не должны. На самом деле руководители СМИ обязаны оплатить типографские расходы, должны выплатить своим сотрудникам заработную плату. Вот это они действительно должны. Все остальное – из области пожеланий.

Конечно, они обеспокоены своей читательской аудиторией, которая сокращается, которая стареет, не восполняется. В редакциях люди тоже думают, как ее увеличить, как привлечь новых читателей, повысить тиражи изданий. Тираж – это уже экономическая категория, а значит, нужно говорить об экономической целесообразности той деятельности, которую ведут средства массовой информации. Если продаваемость газет будет влиять на экономику и то содержание, которое СМИ предлагают, будет востребовано на рынке, тогда будут появляться материалы, про которые мы говорим и которые хотим видеть.

Второй момент: мы сейчас уповаем на региональную прессу (я говорю именно о печатных средствах информации, потому что с телевидением все совсем по-другому). Сколько бы мы не размещали материалов на тему повышения читательской культуры, ситуация с этой самой культурой никак меняться не будет. Мы говорим о читателе в целом, но профессиональный подход предполагает все-таки разделение его на сегменты, социальные группы, аудитории. Меня в большей степени беспокоит молодой читатель. Читать материалы в региональной прессе сегодня просто некому. Молодежь, по нашим исследованиям, с большим усилием вспоминает названия региональных общественно-политических газет. По большому счету этот вид СМИ для молодежи умер. Для них этот формат уже не существует. Поэтому пиши не пиши, а на ситуацию в молодежной читательской среде это никак не влияет. И мне кажется, что сейчас нужно начать заниматься возвращением молодого читателя с нуля, используя совершенно новые технологии, подходы. Именно возвращать его, как молодой росток.

В этой ситуации у меня всегда возникает ощущение некоего противоречия. С одной стороны, мы говорим о том, что молодежь не читает, не интересуется образцами культурной жизни, а с другой – констатируем всплеск самодеятельной журналистики (и исследования это подтверждают). Редкое образовательное учреждение не издает сегодня своей газеты: гимназии, лицеи, вузы – практически на каждом факультете. То, что молодежь ушла в Интернет, – это тоже форма чтения. Поэтому возникает вопрос: о каком чтении мы говорим и каким образом с возникшей медиаактивностью работать. На самом деле есть технологии, позволяющие эту активность и повышать, и формировать. Я приведу пример двух томских газет (на протяжении последних 15 лет я видела, как менялась ситуация с молодежным чтением). Первая демократическая газета в Томске – «Томский вестник» – 15 лет назад начала издавать газету для подростков «Вместе». Очень быстро за счет этого приложения читательская аудитория омолодилась, и тираж издания в лучшие его времена был лидирующим в городе. Потом в связи с финансовыми трудностями газету для подростков закрыли, и сегодня совершенно очевидно, что читательская аудитория этой газеты неотвратимо стареет, тираж упал до критической отметки. Учитывая прежний опыт, другая томская газета взяла на вооружение этот опыт и начала сегодня издавать молодежную газету «Еж». Сейчас идет подписная компания, и перед отъездом сюда я поинтересовалась, каковы ее результаты. Значительное повышение подписчиков, тираж растет. Что они в этой газете пишут, какие это материалы – это другой вопрос. Но то, что таким образом расширяется читательская аудитория, – совершенно очевидный факт.

Что сегодня, на мой взгляд, должны делать СМИ? Мне кажется, было бы хорошо рекомендовать средствам массовой информации становиться такими медиаобразовательными центрами, такими социальными институтами (можно их называть как угодно), вокруг которых будет формироваться сообщество людей, заинтересованных в медиадеятельности. Соединение различных интересов и различных групп интере-

сов может давать хорошие результаты. Свой последний медиаобразовательный проект мы назвали «Читай и думай». В нем участвовали библиотекари школ, журналисты, общественные деятели, удалось привлечь массу людей, и результаты оказались очень и очень интересными. Была проведена большая работа по написанию эссе «Моя школьная библиотека». Более 200 участников этого проекта создали совершенно уникальный банк интеллектуальных вопросов и ответов (я думаю, что для педагогов это просто сокровище). Эти люди со временем станут экономически активной частью населения и вольются в читательскую аудиторию любого средства массовой информации. Вот пример конкретных медиаобразовательных технологий, с помощью которых можно работать со СМИ. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Ирина Владимировна. Теперь Леонид Абрамович Куйбышев.

Л. А. Куйбышев

Уважаемые коллеги, здравствуйте. В тех выступлениях, которые уже прозвучали, прослеживаются две тенденции. Об одной Евгений Иванович уже сказал: чтение понимается в большей части как чтение художественной литературы, хотя это далеко не так. И второе: чтение воспринимается только в традиционном виде, т.е. как чтение книг, газет и журналов. Поэтому в соответствии с тематикой нашего заседания я хочу сказать, что делается уже сейчас в нашей сфере и что, на мой взгляд, можно было бы делать.

Практически каждый из нас имеет возможность через те сайты, которые есть в наших организациях, через выпускаемую мультимедийную продукцию исподволь проводить политику пропаганды развития чтения. Прежде всего, на сайтах

можно разместить саму Программу чтения – она далеко не так широко распространена. Мы, в частности, это делаем. Мы сами организуем и участвуем в проведении различных семинаров, мероприятий, конференций и т.д. Наша основная конференция посвящена продвижению информационных технологий в сферу культуры. Однако мы туда обязательно включаем секцию, связанную с развитием и поддержкой чтения, и пытаемся доводить эти идеи до аудитории, которая участвует в наших мероприятиях. На сайтах можно также публиковать информацию о наиболее интересных шагах, которые предпринимаются в этом направлении на региональном или федеральном уровне, – все зависит от направленности сайта.

По сути интернет-сайты становятся одним из наиболее распространенных средств массовой информации, особенно если мы говорим о молодежи. Молодежь действительно в меньшей степени читает печатную литературу, но зато практически каждый молодой человек пользуется Интернетом. И в зависимости от типа сайта (образовательный это сайт, сайт по культуре, библиотечный или сайт какой-то более научной направленности), можно соответственно пропагандировать ту литературу, которая ближе данному направлению. Можно приводить наиболее значимые примеры: что делается в этой области в регионе или еще где-то, какая наиболее значимая литература (в печатном виде или в формате мультимедиа) и на каких-то сайтах существует на данный момент, к чему хотелось бы привлечь внимание. Можно давать какие-то интересные аннотированные ссылки. Вы, естественно, не будете приводить полностью новую книгу по тому или иному направлению, но если дать краткую аннотированную ссылку (которая в общем-то ни большого труда, ни большого вложения денег не требует), то человек, который посетил сайт совсем с какой-то сугубо профессиональной или просто познавательной целью, увидев интересную ссылку, либо пойдет на этот интернет-ресурс, либо, если речь идет о каком-то печатном издании, постарается его приобрести, достать в библиотеке,

так или иначе с ним ознакомиться. И если все здесь собравшиеся будут каждый на своем месте пытаться исподволь продвигать это направление, эффект будет достаточно серьезный.

Конечно, хорошо бы организовать на центральном телевидении или в центральных газетах отдельные рубрики, интересные передачи, привлечь значимых людей к пропаганде и развитию чтения. Но мы отлично понимаем, что денег на это не хватает. А в сегодняшних условиях их будет еще в несколько раз меньше. Поэтому я призываю использовать Интернет. Во-первых, пользование Интернетом – это уже чтение, чтение в электронном виде, приучающее человека получать значимую и полезную информацию. Во-вторых, это пропаганда всех любых других видов чтения и собственно самой Программы развития и поддержки чтения. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Леонид Абрамович. Прошу Вас, Эльна Александровна.

Э. А. Орлова

Уважаемые коллеги, мне бы хотелось продолжить то, о чем говорил Леонид Абрамович, с точки зрения дифференциации и аудитории, и той печатной или медиапродукции, с которой разные группы аудитории имеют дело.

Я буду говорить о своей профессиональной сфере. Современная научная, научно-популярная и учебная литература, к сожалению, по содержанию просто не выдерживает никакой критики. Нам нужно не столько говорить о пропаганде этой литературы, сколько апеллировать к авторам, к их гражданскому сознанию, к их гражданской ответственности, чтобы эту ситуацию как-то изменить. Ведь даже если библиотекам будут навязывать то, что подается сегодня в качестве учебной и научной

литературы, оно будет стоять на полках и окажется не востребова- нной. Это первое. Вторая проблема – переводная литера- тура. В нашей области ее очень мало, к сожалению, но и немногочисленные имеющиеся переводы читать просто невоз- можно. В средних издательствах практически отсутствует ин- ститут редактирования, то есть выпускается по сути только авторский вариант. А уровень преподавателей высшей школы таков, что они зачастую не понимают собственную предметную область и даже при знании языка читать издаваемую литера- туру не могут. Здесь нельзя даже привлекать медийные сред- ства, какие-то профессиональные журналы, профессиональные газеты. Речь должна идти не только о продвижении чтения, но и о том, какого качества продукция предлагается. И я согласна с господином Архангельским в том, что нужно создавать опре- деленные сообщества экспертов, носителей экспертного знания, которые способны и хотят рекомендовать что-то, умеют дать квалифицированную оценку, построить рейтинг этой литера- туры и т.д.

Еще одна проблема, связанная с Программой поддержки и развития чтения, состоит в том, что мы сами не знаем, что, собственно говоря, хотим предлагать и кому. Нам нужна диффе- ренциация. У нас есть прекрасные опросы общественного мнения, но они носят поверхностный характер. Необходимо провести анализ того, кто что читает, для чего читает и т.д. Для продвижения чтения нужна очень серьезная научная работа, причем совместная – комплексные междисциплинарные иссле- дования. В них должны участвовать и успешные преподаватели, и лучшие люди из библиотек, и представители науки. Это опять вопрос гражданской инициативы. Мы не можем рассчитывать на государство. Поэтому, с моей точки зрения, такие собрания, как у нас, чрезвычайно важны, нам нужно собираться и обсу- ждать все вопросы. И не бояться, что на это уходит слишком много времени. Только в переговорах, только в партнерстве мы сможем создать что-то, найти консенсус. И обратиться к дру- гим людям, в том числе и через СМИ.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Эльна Александровна.

Я из своего относительно большого профессионального опыта вынес следующее. Все, что на моих глазах хорошо двигалось, двигалось хорошо потому, что вокруг этого было много разговоров очень умных людей, которые действительно чего-то хотели. Вот, например, программа «Либнет», общероссийская библиотечная компьютерная сеть. Сегодня можно написать историю о том, как 5–6 человек за 10 лет создали в России в 90-е годы, в условиях абсолютной разрухи, то, что является атрибутом самых богатых западных стран, вложивших десятки и сотни миллионов долларов в создание аналогичной сети. И сейчас работа в Либнете стала у нас обычной повседневностью в крупных продвинутых областных научных и федеральных библиотеках. Без этого жизнь просто не мыслится, это колоссальный шаг вперед. Нам действительно не нужно жалеть время на разговоры про чтение, тем более что мы ведем очень интересные разговоры.

У нас всегда принято за все ругать правительство. Но я бы сказал, что сейчас в сфере чтения мы действуем не вопреки, а благодаря нашему нынешнему правительству, которое через Министерство культуры, через Федеральное агентство по печати нам говорит: «Действуйте, делайте, создавайте, а мы посмотрим на ваши результаты. Что вам нужно? Вы хотите это и это? Пожалуйста, мы вам будем помогать, но предъявите результаты, расчеты, осмысленные заявки по установленным формам, убедите, что вы все правильно сделаете и получите заявленный результат». И что мы видим?

Мы действуем – каждый на свое усмотрение, в меру своей образованности, профессиональной ответственности, видения, наличия ресурсов. Проводится много мероприятий в поддержку чтения. А ситуация с чтением ухудшается. Что это означает? Это значит, что либо наши действия неэффективны в принципе, либо их эффективность крайне низка. Мы не ведем

мониторинга, не отслеживаем последствия: вот прошли какие-то наши мероприятия, а каков результат? Люди читать стали больше или меньше? Или столько же? Они стали читать более «умную» литературу или менее «умную» литературу? Пошли какие-то круги по воде или не пошли? Раз в три года, к счастью, теперь проводится общенациональное социологическое исследование. Теперь мы все-таки можем сказать, что ситуация в 2005 г. ухудшилась по сравнению с 2002. А в 2008 г. она еще более ухудшилась по сравнению с 2005. Но это же в целом по стране. А на уровне конкретных регионов, на уровне определенных городов? Нам необходимо запустить механизмы региональных мониторингов, региональных социологических опросов. Кто может провести опрос, скажем, в Брянской области? Брянские социологи? У них нет необходимых инструментов. Значит, Левада-центр должен работать с брянскими социологами, вооружить их своими методами, чтобы, если губернатор или какое-то министерство в Брянской области выделяют деньги, они были убеждены: исследование покажет действительно объективную картину. И органы власти, которые отчитываются сегодня за каждую копейку, смогут сказать: да, мы отрываем от кого-то деньги, отдаем на социологическое исследование, но это исследование вооружит нас знаниями о том, в верном мы направлении действуем или нет; или мы действуем в принципе в верном направлении, но усилием, чтобы исправить ситуацию, прикладываем крайне мало.

Я, например, буду разговаривать с Львом Гудковым и с Борисом Дубиным, чтобы они начали работать с социологами тех, условно говоря, двух-трех регионов, которые проявляют интерес к проблемам чтения не только на уровне библиотек, но и на уровне своего губернатора или, по крайней мере, министра культуры.

Быстро мы все равно никаких результатов не достигнем. Потому наша Национальная программа и рассчитана на 15 лет. Нас ругали: что это, мол, у вас за программа такая, на 15 лет, таких программ не существует. Ну, вот жизнь идет, и видно, насколько медленно мы продвигаемся. Ведь какой простой каза-

лась многим проблема чтения 3 года назад. Мол, библиотеки есть, кто-то что-то читает, книг больше издается, поэтому у нас чуть ли не все прекрасно. Это сейчас мы хорошо видим, насколько на самом деле огромна проблема, насколько она сложна и насколько опасно, если мы не будем ничего предпринимать.

Э. А. Орлова

Министерство культуры может сформулировать социальный заказ по тому же чтению. У нас и инфраструктура есть, и даже финансирование, но наши научно-исследовательские институты не занимаются теми социально значимыми проблемами, которые сегодня существуют в культуре. Мне кажется, что на эту тему нам тоже стоит подумать. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо. Наталья Александровна Сомова.

Н. А. Сомова

Евгений Иванович, большое спасибо за предоставленное слово. Я сейчас боролась в соседней секции с образованием за книгу. Знаете, у вас фейерверк абсолютно гениальных мыслей прошел. Но самая большая беда заключается в том, что все есть: есть система образования, есть система науки и социологии при образовании, которая призвана это сделать, есть Минкульт и великие ученые, – но возникает ощущение, что все они все в равной степени далеки от народа и, если хотите, от тех социальных проблем, которые сегодня тоже ждут своего разрешения.

Евгений Иванович, я хотела бы еще раз выразить Вам от библиотечной общественности Брянской области глубочайшую благодарность за то, что такая программа чтения – гениально простая и социально востребованная – наконец

появилась на территории Российской Федерации. И замечательно, что сегодня вокруг нее идут круглые столы, беседы, разговоры. Значит, программа перестала быть трудом одного талантливого человека или большой группы талантливых людей, значит, она выведена в фокус общественного внимания. Это все плюсы. В чем же минусы? Понятно, что поставлены грандиозные, очень благородные задачи. Все инфраструктуры и общественные институты есть. Только все ведь работают по-прежнему. В принципе, 30 лет назад с директивами ЦК Партии было бы, наверное, проще. Но за эти годы произошли изменения в традиции подготовки тех людей, которые несут слово о литературе, профессорско-преподавательский состав университетов качественно изменился. Изменилась мотивация обучения, изменилось общество, изменился книжный рынок. Если говорить о книгоиздании, то вообще-то надо где-то затормозиться, потому что сегодня появилась целая популяция графоманов, заработавших состояния на криминальных делах. Они начинают издавать то, что ни одно цивилизованное государство не выпустит на книжный прилавок. Пока мы боремся с уже известными нам проблемами, все время появляются новые, и пройдет еще много времени, пока мы осознаем, как эти новые проблемы решать. Поток проблем, связанных с чтением пока не уменьшается, а увеличивается, и остается надеяться, что Степашин – горящее сердце Программы – наконец «докричится» до общественности и сумеет привлечь внимание всех слоев населения к этим вопросам.

Евгений Иванович, я еще раз повторяю: отсутствие здорового внутреннего мотивированного движения сектора образования навстречу Программе, которая в настоящее время способна, может быть, в определенной мере спасти и само образование, – это первая проблема.

Вторая проблема – это самодеятельность СМИ. Пусть не обижаются на меня журналисты, есть немало уважаемых изданий, но они почему-то не пишут о чтении. И есть неуважаемые издания, которые лучше бы вообще о чтении не писали.

У нас ведь до сих пор немало изданий думают, что выполняют комиссарскую функцию – давать в последней инстанции оценку культуре. Государству-то не до нас в последнее время, оно занимается другими вещами, так что пресса берет в руки кнут и, что бы культура ни сделала, зарабатывает себе авторитет на битье культуры.

Было одно предложение, которое повисло в воздухе, но хотелось бы его материализовать. Сегодня для того, чтобы проанализировать, что же мы сделали за последние два года, у нас нет ни механизма, ни кадров, ни опыта. Так сложилось, что у нас нет базового вуза культуры, которому мы могли бы сделать социальный заказ. Поэтому мы были бы благодарны, Евгений Иванович, если бы Вы нас выбрали в качестве «младших братьев по разуму» и попробовали сделать показательный аналитический, социологический, экономико-политический, географический срез: что же реально произошло за последние десятилетия. В Брянской области есть такие интересные вещи, на которых, наверное, целый ряд регионов мог бы и поучиться. У нас есть учительская газета, я, готовясь к сегодняшнему совещанию, проанализировала цикл литературных публикаций за 8–10 лет и выяснила, что это единственная региональная газета, которая продолжает тему литературного краеведения и знакомит учителей с замечательными литературными традициями России и региона. Эта газета выступила инициатором проведения на Брянщине литературных чтений Даниила Андреева, которые стали трибуной для общественного обсуждения проблемы темы репрессированных писателей в СССР. И за 12 лет мы уже приучили всех к мысли, что у нас Андреевские чтения живут и будут жить. А с ними возникает и тема социальной ответственности, гражданской смелости, репрессированных писателей, изучения творчества Алексея Константинович Толстого. Поэтому на сегодняшний день мы благодарны ряду изданий за то, что они внимательны к культуре, за то, что они помогают нам в том числе и в пропаганде чтения.

В регионе наметились позитивные тенденции, мы работаем над программой чтения, но, может быть, сиюминутных результатов нам ждать не надо. Как говорят социологи, мы сегодня должны еще увидеть последствия негативных процессов: и финансирования культуры по остаточному принципу, и постперестроечного синдрома, когда не было ни зарплаты, ни книг, ни оборудования в библиотеках. Сейчас мы будем пожинать все то, что было запущено 20 лет назад. А когда мы увидим результаты работы по продвижению книги? Может быть, и не быстро, хотя какие-то ростки уже есть. Есть инфраструктура, все есть, но, мне кажется, мы еще не нащупали главный рычаг – административный ли, идеологический ли, межведомственный ли. В необходимости этой благородной программы уже никто не сомневается, все приветствуют ее рождение. Но все-таки у Национальной программы чтения должен быть механизм, который позволит объединить здоровые силы (а они сегодня есть везде). Тогда, возможно, и результат мы получим быстрее.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Наталья Александровна. Мне понравилась Ваша фраза про младших братьев по разуму. Я с ней совершенно не согласен, поскольку вы являетесь нашими близкими друзьями и замечательными, любимыми партнерами. Мы от вас ждем намного больше того, чем вы реально можете. И вы от нас ждете больше того, чем мы можем. И нас мало, нас всех пока очень мало. Но будет больше!

Л. А. Куйбышев

Извините, я хочу поспорить с некоторыми прозвучавшими здесь положениями. Во-первых, Евгений Иванович сказал, что в 2005 г. читателей было меньше, чем в 2002, а сейчас меньше, чем в 2005. Конечно, я полностью согласен, что нужны серьезные исследования в этой области, причем не только социологи-

ческие, должны быть использованы и другие методы. Но я уже говорил, что читатели – это не только те, кто читает книги. Я думаю, что количество читателей не только не уменьшилось в общем масштабе, а, может быть, и возросло.

Могу с уверенностью сказать, что в 2002 г. количество пользователей Интернета было во много раз меньше, чем сейчас. А все пользователи Интернета – это читатели. Они не просто смотрят картинки в Интернете, они читают и пользуются той информацией, которая там приводится. Второе. Мы ведем базу мультимедиа на CD, выпускаемых в стране по культуре и образованию в гуманитарной сфере. В 2002 г. у этих дисков было несколько десятков, сейчас в нашей базе насчитывается более тысячи таких изданий, а ведь мы собрали, наверное, процентов 15, потому что те мультимедиа, которые издаются в удаленных регионах, для нас почти не доступны. Причем они не просто издаются – сейчас ведь все на коммерческой основе. Эти диски издаются и продаются. Стало быть, их покупают. А раз покупают, значит, и читают. Количество пользователей этой мультимедийной продукции тоже возросло. Поэтому нужны комплексные исследования и в области литературы, и в области использования различных электронных средств информации: Интернета, мультимедиа и т.д. Я думаю, тогда эти цифры будут несколько другие.

И еще я хотел сказать о том эффекте, который приносит или не приносит Программа чтения. Думаю, польза от Программы уже сегодня достаточно значительная. Конечно, определенные тенденции к снижению чтения есть, особенно в области печатной литературы. Но ведь на это влияют самые разные факторы: экономические, политические и т.д. Они есть в нашей стране, и они есть во всем мире. Я думаю, что без программы чтения это снижение было бы существенно больше. Оценить это в цифрах очень трудно. Но особенно на примере наиболее продвинутых регионов, вполне можно отследить, какая тенденция к снижению была бы без Программы и как она сглаживается при ее наличии и продвижении. Я думаю, что стакан все-таки наполовину полон.

Е. И. Кузьмин

Он наполовину полон, безусловно. Но, Леонид Абрамович, я все равно не согласен с Вашим оптимизмом. Я опираюсь на данные нашей лучшей социологической службы, в профессионализме которой у меня нет никаких сомнений, тем более что это не первое исследование. Я зачитываю фразу из основных выводов: «Интернет на показатели чтения влияет пока достаточно мало, поскольку преимущественно локализован среди молодежи, москвичей и жителей крупнейших городов, россиян с высоким потребительским статусом». Сколько россиян с высоким потребительским статусом? 10 %. Москва и крупные города, молодежь – вот где локализация идет. При этом главный мотив пользования сетью – не чтение, а наведение справок, переписка, ознакомление с новостями, для молодежи – слушание и скачивание музыки, общение в чатах. Это все-таки научно установленный факт. Что бы нам ни казалось каждому по отдельности, как бы ни хорошо обстояло дело с нашими детьми, с друзьями наших детей и с нами самими, общие данные неутешительны. Ведь мы с чем столкнулись, когда разрабатывалась Программа чтения? Каждый настаивал на том, что его видение ситуации единственно верное. Оно мгновенно опровергалось другим человеком, который противопоставлял свое видение. И то, и другое было только каплей в общем океане различных подходов и видений ситуации. Ни в коем случае нельзя свои представления о том, что и как происходит, отождествлять с реальной картиной, которая получена на основании серьезных исследований серьезных людей.

Валерия Дмитриевна Стельмах, прошу Вас.

В. Д. Стельмах

Я хочу продолжить то, на чем закончил в данный момент Евгений Иванович. Конечно, каждому социологу, каждому научному работнику очень знакома ситуация, когда мы выносим

какие-то данные исследований на обсуждение, в прессу, и нам говорят: «Нет, этого не может быть, у вас неправильная техника, неправильная методика, и все совершенно не так!» То есть, если что-то нам не нравится в полученных результатах, значит, они неверны. Точно так же и работники органов управления библиотечным делом очень часто говорят: «Нет, у нас не 20 % взрослого населения пользуется библиотеками, а 41 %». И это несмотря на то, что все исследования различных институций, различных центров на протяжении последних лет подтверждают, что пользователями библиотеки сегодня являются примерно 20 % взрослого населения. Другое дело, что статистика дает иную цифру, но мы знаем, как и из чего складываются данные государственной статистики. То же самое происходит и с Интернетом. Опять-таки все социологи, все центры подтверждают: распространение Интернета идет в нашей стране очень быстро, но только в поселениях определенных типов и среди определенных групп, прежде всего это городская молодежь, причем молодежь преимущественно крупных городов. А в других группах, в менее развитых типах поселений оно идет не так быстро, как нам бы того хотелось. И это уже тоже установленный факт.

Теперь к вопросу об аудитории. Как Вы говорили, Евгений Иванович, число людей, включенных в книжную культуру не увеличивается в последние годы. Оно либо стабилизировано, либо вообще имеется явная тенденция к регрессу. Однако это ведь не значит, что программа чтения не нужна, что она плохая или что она не работает. Совершенно наоборот, это доказывает, что мы находимся перед лицом чрезвычайно опасной ситуации и необходимы коллективные действия для выхода из нее. Если у нас что-то не так, давайте посмотрим на то, что мы сами делаем и как мы себя ведем.

И еще одна прозвучавшая здесь мысль мне понравилось. Вы знаете, что культура имеет результат, отдаленный во времени. Это всегда так. Поэтому не нужно ждать, что после того как, чтение утратило свою ценность, перестало быть культурной нормой, мы сейчас немедленно ценой наших героических

усилий и самой Программы эту культурную норму восстановим. Разрушение нормы может происходить достаточно быстро, а вот на то чтобы восстановить ее, уходят не просто десятилетия – века. А иногда это уже не удается вовсе. Но мне очень нравится слова Войновича о том, что поддержка чтения – это как борьба с преступностью: ее нельзя победить, но каждое государство должно с ней непрерывно бороться.

Если Вы мне дадите еще одну минуту, я хочу вернуться к теме нашей сегодняшней секции – к СМИ. На всех встречах с представителями СМИ, с медийными людьми у меня все время возникает одно и то же даже не ощущение, а понимание, что мы к диалогу друг с другом просто не готовы. Мы друг друга абсолютно не видим. Сегодняшнее утреннее заседание только еще раз меня в этом убедило. Медийные люди не видят, как проблемы чтения и книги могут быть представлены на экране. Я буду говорить в первую очередь о телевидении, потому что сегодня действительно телевидение – это наше все, это инструмент, который консолидирует нацию и задает образцы, нормы поведения. О чем бы мы ни говорили, мы все равно вернемся к телеканалам. А они, к большому сожалению, не видят сегодня в книжной проблематике возможностей создания высокорейтинговых программ, хотя на самом деле это не так. Я, например, еще помню передачи И. Андронникова, которые собирали у экрана всю страну и шли в самое что ни на есть «топовое» время. Ведь можно, допустим, по истории создания «Войны и мира» сделать детективный сериал, и люди будут смотреть, затаив дыхание. Но сегодня СМИ этого не видят и не понимают. Может быть, они и не должны понимать? Может, это мы должны к ним прийти и предложить определенные программы, которые можно сегодня транслировать на широкую аудиторию. Однако и мы сегодня не готовы к тому, чтобы такого рода вещи предлагать. Потому так и важны наши диспуты, наши коллективные размышления о том, к чему мы готовы и к чему не готовы на сегодняшний день, чего мы не знаем в рамках той темы, которая сейчас обсуждается, – СМИ.

Сегодня идет самоорганизация читательского сообщества, и идет она помимо институциональных каналов. Люди, которые читают (много или мало – в данном случае совершенно не важно), по своей собственной инициативе создают дискуссионные площадки: молодежные клубы, клубы интеллектуалов, клубы любителей фантастики, чего угодно. И их «пригревают» библиотеки. Они не иницируют создание этих небольших читательских сообществ, просто библиотека осталась тем замечательным учреждением (одним из немногих в нашей стране), где горит свет, где тепло, где двери открыты всем и бесплатно. Молодежный клуб, дискуссионный клуб? Пожалуйста, приходите, собирайтесь. Вот этими вещами, с моей точки зрения, на сегодняшний день чрезвычайно важно заниматься. Недавно мы подвели итоги конкурса проектов в рамках реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, который объявляли Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества и Министерство культуры. Среди тех проектов, которые были поданы, я увидела проекты создания читательских ассоциаций, всякого рода литературных объединений, клубов и т.д. Значит, этот процесс идет.

Почему это имеет прямое отношение к СМИ? Сегодня центральные каналы все равно транслируют общие смыслы. И я согласна с Александром Архангельским, который говорил о том эти каналы (за исключением, может быть, «Культуры») все равно могут и должны заниматься в основном не пропагандой какой-то одной конкретной книги, они должны делать передачи, которые восстанавливают разрушенную культурную норму, повышают ценность чтения. В конце концов, английская программа Big Read ведь именно эту задачу преследовала – через общенациональное голосование литературная культура вводилась в сознание нации.

А вот региональные СМИ работают совершенно по-другому. Я вижу, что там даются обзоры конкретных книг, которые готовит библиотека, идут какие-то литературные викторины, презентации книг различных авторов. Региональ-

ные медиа работают уже с конкретными формами своей или общероссийской литературы. Так что помимо дифференциации самого читательского сообщества необходимо учитывать дифференциацию функций разных каналов. Нужно понимать, чего мы от кого хотим и кто что может сделать.

Мне кажется, что о проблеме медийных форматов в нашей работе мы практически не задумываемся или только начинаем говорить. Сегодня возникли очень сложные композиции типов чтения и очень сложные переплетения функционирования текста в печатном виде, в медийной форме, в электронной форме. И эти композиции нами даже еще нигде не отмечены. Например, человек едет в транспорте, в метро, и у него при этом в ушах наушники, он слушает аудиокнигу. Или он, допустим, дома может гладить белье, а параллельно у него идет телевизионная картинка. Это совершенно новые, неосмысленные нами формы функционирования текстов, имеющих и медийную, и электронную оболочку, объединенные с формами бытового поведения. Я предлагаю хотя бы составить «реестр»: какого рода тексты в тех или иных комбинациях сегодня существуют. Нам нужно это делать, если мы хотим, чтобы наш разговор с представителями медийной сферы был конкретным и осмысленным. А то у нас одни сплошные обиды. Мы обижаемся на них, а они говорят: «Да вы нам неинтересны совершенно, что вы нам можете предложить? Вы нам рейтинг не даете».

Е. И. Кузьмин

Знаете, Вы невероятным образом ответили на вопрос, на который я не мог найти ответ. Вопрос у меня был такой: вот мы с ними разговариваем, разговариваем, ну неужели они не могут придумать правильные формы работы? Ведь много же талантливых людей. А Вы правы: это мы им должны предложить тексты, сказать: «Ребята, вот замечательные книги, их вы и пропагандируйте потому-то и потому-то». Ведь они не могут сами прочитать все эти книги, они должны на нас положиться, нам поверить.

Спасибо все огромное. В 3 часа у нас лекция Тома Палмера, человека, который написал интереснейшую статью, напечатанную в прекрасной книге «Как создаются читающие нации». В ней перечислены и проблемы чтения в Англии, и методология их решения, конкретные методики и есть раздел «Национальные и общенациональные проекты». Big Read – это только один из английских проектов в сфере чтения. «Большое чтение» звучит, конечно, красиво. Но я хочу сказать про маленькие сообщества читателей, которые возникают в Англии. Там уловлена эта тенденция, и не просто уловлена, ее там сознательно поддерживают. Для этого были найдены удачные институциональные и организационные формы. Англичане говорят: не надо больших читательских конференций, они почти ничего не дают. А вот маленькие читательские группы и клубы, которые библиотека может у себя приютить, – это хорошо. Собираются 10–15 человек для обсуждения какой-то книги сначала в библиотеке, потом встречаются где-то в кафе, потом отправляются вместе в турпоход, потом снова приходят в библиотеку. Библиотека должна следить за ними, в чем-то помогать, в чем-то направлять, в чем-то советовать, когда-то приглашать. И этого достаточно. Потому что только в стенах одной библиотеки всего сделать невозможно, да и не нужно, наверное, к этому стремиться.

Валентина Васильевна Ильина.

В. В. Ильина

Спасибо. Евгений Иванович, мне бы хотелось сказать о следующем. Действительно, есть социальные институты, которые существуют для того, чтобы формировать читателей: семья, образование, библиотеку тоже можно отнести к таким социальным институтам. С другой стороны, жизнь складывается так, что эти социальные институты не всегда работают. И я себе не представляю, как, например, без реформирования содержания библиотечной деятельности сегодня библиотека сможет выполнять свою главную функцию и задачу – растить читателя и

привлекать к чтению. Прежде всего, читатель должен быть не только объектом, но и субъектом библиотечной деятельности. Поэтому сегодняшние разговоры о читательских клубах очень уместны. Я это вижу на примере своей небольшой библиотеки, в которой такие читательские клубы – самой разной направленности, включающие людей разной степени подготовленности, читательской и культурной компетентности и т.д., – находят свое место. Мы видим, как меняется библиотечное пространство, библиотекари это прекрасно чувствуют. Если раньше все пространство библиотеки было занято только читальными залами, то теперь все больше и больше появляется комнат для общения, гостиных, конференц-залов.

Сегодня библиотека ценна для читателя как поле для коммуникативной деятельности. В Библиотеку «Дом Лосева», естественно, приходят люди со своими потребностями и со своими мотивами. Некоторые (причем очень существенная часть) – ради самообразования, но не меньше и людей, профессионально занимающихся философией, филологией. Часто люди идут к нам, чтобы обсудить в стенах библиотеки конкретную научную или жизненную проблему, получить какие-то новые знания, и уже затем обратиться к книге. Мероприятия в библиотеке все больше напоминают семинарские занятия в вузе, дискуссии, мини-конференции, то есть целью встречи далеко не всегда является книга, это может быть обсуждение какой-то проблемы, а уже потом книга. У участников остается возможность взять книгу здесь же, чтобы углубить свои знания, и этим библиотечные мероприятия отличаются от других. Не знаю, может ли сегодня библиотека проводить такие читательские конференции, которые были в 70-е, 80-е годы. Наверное, они имеют право на жизнь, если это касается художественной литературы, но не думаю, что они окажутся столь же эффективными при продвижении научной литературы.

Я очень признательна Валерии Дмитриевне, которая упомянула о том, что самоорганизация читателей идет помимо институциональных каналов. Часто темы для обсуждений предлагают

сами читатели. Однако главный-то результат – это все равно продвижение книги. Но хочу еще раз подчеркнуть, что при приобретении к чтению научной книги, идти нужно именно от знаний к книге, а не от книги к знанию (как это было раньше).

Например, наша библиотека может вместить только 100 человек, но и на этом маленьком пространстве есть уникальная возможность для обмена идеями, в результате этих встреч создаются новые знания, представляются лучшие книги. И очень важно, что библиотека может сегодня предоставить свое пространство для создания новых читательских самообразований и проявления интеллектуальной и организационной читательской инициативы.

И еще одна мысль, которая была высказана здесь Александром Архангельским, мне очень близка. Мы должны обязательно внедряться в интернет-пространство. Например, на своем сайте мы сейчас заводим новый раздел, для того чтобы организовать обсуждение книг, как в живом журнале. Выйдя за стены библиотеки, в виртуальное пространство, мы действительно приобретаем новую аудиторию. Возможно, аудитория библиотек сокращается физически, потому что меньше людей приходит к нам. Но когда мы выходим в Интернет, мы тем самым увеличиваем и число читающих людей. Это очень важно.

Ну и, наконец, хочу сказать, что мы много работаем со средствами массовой информации. Для нас это одна из приоритетных задач. Поводом для публикаций в центральной, в местной прессе, на телевидении, на радио может быть не сама библиотека, а представленные в ней книги или, например, жизнь Алексея Федоровича Лосева. Я разговаривала сегодня с Александром Архангельским о том, что у нас проводятся такие яркие мероприятия, дискуссии, и профессионалы СМИ могли бы делать об этом интереснейшие репортажи. И он мне сказал, что такая передача оказывается слишком дорогим удовольствием. Поэтому центральные каналы редко освещают то, что происходит в библиотеках. Видимо, права Валерия Дмитриевна – нужно создавать свой текст, интересные информационные поводы, которые будут привлекать их. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

У нас осталось 15 минут. Я хочу, чтобы мы обсудили то, что вообще должны делать. Каждый перечислит, что надо сделать. Без обоснований, без истории вопроса.

Б. В. Дубин

Замечательный военный журналист Леонид Гольц однажды рассказывал историю из быта американской военной академии Вест-Пойнт, которая фактически готовит руководство американской армии. Оказывается, свыше 60 % времени преподавания в Вест-Пойнте занимают гуманитарные дисциплины. Вопрос: зачем? Ответ: этим командирам придется принимать серьезные решения и нести за них ответственность. У них должно быть воображение.

В этом смысле действительно, если пропагандировать книжки через телевизор напрямую, скорее всего – выключат. Во-первых, я хочу поддержать Валерию Дмитриевну: надо помогать «выращиванию» сообществ, тем самым умножая субъектность нашего социального и культурного поля. Поддерживать их, в том числе библиотечными, массмедийными, какими угодно средствами. Существует классическая двухступенчатая теория коммуникации, которая говорит, что обращаться надо к лидеру. Тогда через него пойдет информация, он ее изложит своими словами для своих людей. Только так обеспечивается настоящая коммуникация. Еще одна проблема: учить учителей. Нам нужны учителя, причем в самом широком смысле слова. Дело касается не только преподавателей, а тех, кто вообще может чему-то научить. В том числе, кстати, и библиотекарей. А если мы будем поддерживать сообщества и учить учителей, тем самым мы сможем создавать некоторое публичное поле. В конце 80-х – начале 90-х оно было изуродованным, спазматическим, истерическим, но оно было. Сейчас оно у нас просто исчезло. Авторитетов в стране нет, соответственно, и приоритетов тоже, потому что приоритеты от-

стаивают только авторитеты. Только авторитет может сказать, что реально важно, а с чем можно подождать.

И последнее. Правильно говорилось: можно приглашать писателей, но они не приходят, а даже если придут, то говорят зачатую невнятно и неинтересно. Что это значит? В стране нет публичности. Если бы писатель чувствовал себя публичным человеком, то научился бы говорить, научился бы приходить вовремя, научились бы обращаться к людям. Этому учит только публичность, только общество. Даже не государство, а именно общество. Вот в этом направлении, мне кажется, и стоит работать. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Борис Владимирович.

Я хочу подвести некоторые итоги и еще раз обратиться к аудитории. Я считаю, что мы сделали не все из того, что планировалось. У нас по-прежнему было много общих выступлений, обрисовывающих ситуацию, еще раз называющих причины. Абстрактная мысль у нас работает изумительно, а вот с конкретикой проблемы. У нас 100 конференций в год по чтению, и, в общем-то, они отличаются только уровнем дискуссии и составом участников, а разговор в значительной степени идет по кругу – это бич нашего профессионального поведения. Я для себя записал 5 конкретных пунктов – то, к чему я сам могу приложить руку.

Первое: надо как-то активизировать работу по выявлению лидеров разных сообществ и обращаться к более широкой аудитории через них. Дальше. Что у нас есть? Владимир Викторович Григорьев из того бюджета, который есть внутри Роспечати на книгоиздание, дает максимум денег на чтение. В отделе библиотек Министерства культуры чтение тоже далеко не на последней позиции. Но вот вопрос: как достучаться (и кто должен достучиваться) до других людей, у которых несравненно больше денег – в системе образования, внутри самого книжного бизнеса? Вот это мне совершенно неясно. Как достучаться до СМИ, чтобы СМИ себя вели по-другому? Сейчас Саша Гаври-

лов начал делать журнал «Что читать», Маша Веденяпина выпускает издания, в которых действительно умные люди рассказывают, что вот такие-то книжки – лучшие, и поэтому они их представляют. Но что мы должны еще сделать, какие шаги предпринять, чтобы дальше развивались какие-то позитивные процессы? Мне кажется, что на эти вопросы мы пока не нашли конкретных ответов. Так что я бы хотел еще раз предложить всем по кругу сейчас сказать, что нужно делать. Без объяснений, почему, зачем, что из этого проистечет, почему это у нас до сих пор не было. Пожалуйста, кто готов первым?

И. В. Жилавская

У меня два предложения. Первое: если прийти в СМИ со своими текстами, результат будет отрицательным. Обращаться нужно не в сами СМИ, а, скажем, в департаменты информационной политики, чтобы департаменты включали эту тематику в свои конкурсы при распределении бюджетных денег. Если четко сформулировать задачу – какие нужны темы, какая проблематика, – все СМИ будут делать то, что надо.

И второе. Необходимо рекомендовать факультетам журналистики вводить в свои программы медиаобразовательные курсы. Медиаобразование в средствах массовой информации – то новое направление, которое надо развивать. Оно может помочь в решении задачи по возвращению аудитории, а для СМИ это сегодня жизненная потребность. Наши интересы здесь совпадают. Поэтому на факультетах журналистики нужно вводить курсы «Медиаобразовательные технологии СМИ».

Реплика из зала

У меня три предложения. Первое – это включить в программы подготовки библиотечных работников – я говорю именно об этой категории двигателей чтения и т.д., – курсы, которые бы давали представление о чтении как сложном социокультурном явлении

и о механизмах продвижения чтения. Второе – сформировать представление о чтении как о привычке и соответственно выстраивать работу библиотеки, школы, привлекая семью и т.д. И третье – постараться включить в существующие социальные программы те моменты, которые связаны с книгой и чтением. Такое есть во многих странах, в Финляндии, скажем.

Е. И. Кузьмин

Предложение замечательное. Спасибо.

Э. А. Орлова

У меня следующие предложения. Первое – то, о чем я говорила: провести более глубокие социально-научные исследования чтения в современном российском контексте. Причем сегодня говорить только о письменном чтении – это слишком узко. Я думаю, что нужно говорить о чтении культурных текстов. Далее. Поскольку мы собираемся на будущий год проводить круглый стол в МЦБС, то второе мое предложение – именно там начать формировать экспертное сообщество. Самим договариваться и самим как экспертам вырабатывать для себя какие-то решения, с тем чтобы каждый, как может, это распространял дальше. И третье, что можно сделать. У нас есть журнал «Обсерватория культуры», который все прекрасно знают. Можно дать в нем серию статей на эту тему или просто ввести рубрику по чтению.

Е. И. Кузьмин

Спасибо.

Лариса Шамикова, пожалуйста.

Л. Г. Шамикова

Здравствуйте. Я являюсь секретарем Союза журналистов. Мы проводим мониторинг журналов, которые издаются в Российской Федерации, и наша задача – создать соответствующий рубрикатор. Есть такое направление, как журналы о культуре. Полную базу журналов этой тематики нам собрать не удастся уже несколько лет, мы знаем только ряд самых известных и раскрученных. Я как главный редактор журнала, главная цель которого – все-таки культурное пространство и люди в культурном пространстве, считаю это огромной потерей для массы заинтересованных читателей. Нам нужно объединить усилия. Может быть, каждый мог бы прислать такие издания или хотя бы сведения о них – названия, место выпуска, чтобы мы в Союзе журналистов эту информацию накапливали.

Е. И. Кузьмин

Мы можем направлять вам эти журналы, что пополнить существующую базу данных.

Л. Г. Шамикова

И существующую, и будущую. Чтобы потом мы все могли этим пользоваться и распространять информацию через какие-то конкретные СМИ, надо понимать, какие СМИ вообще есть. Тогда тот же Союз журналистов с ними каким-то образом может состыковываться, чтобы размещать материалы и вести эту работу. Поэтому нам необходимы хотя бы просто сведения об изданиях, которые люди держали в руках.

Е. И. Кузьмин

Тогда предлагаю: вы нам присылаете описание проекта и что вы от нас хотите получить. Мы предложим всем нашим партнерам опубликовать эту информацию.

Дорогие друзья, всем спасибо.

Лекция «Развитие читателя в Великобритании»

Т. Палмер

Здравствуйте. Прежде всего хочу поблагодарить за приглашение выступить на этой конференции. Я бы хотел рассказать об истории развития читателя в Великобритании, об организациях, которые заняты этой работой, о некоторых крупнейших проектах, которые были реализованы в Великобритании за последние 10 лет.

Должен сказать, в детстве я был не самым активным читателем и по-настоящему увлекся чтением только лет в 17. Почти 20 лет назад в Великобритании шел цикл телевизионных программ о европейской литературе. Одна из передач была посвящена Достоевскому и в особенности «Запискам из подполья» и «Преступлению и наказанию». Эта телевизионная программа сильно на меня повлияла, я начал посещать вечернюю школу и изучать европейскую литературу. Особенно я заинтересовался Достоевским, в местной библиотеке я прочитал полное собрание его сочинений и позже даже защитил диссертацию по «Преступлению и наказанию».

С 1998 г. я стал участвовать в реализации программы развития чтения в Великобритании. Мы организовывали встречи с авторами и пропагандировали книги, старались привлечь новых читателей, заинтересовать их. Кроме того, я начал сотрудничать с национальными благотворительными обществами в Англии, связанными с развитием чтения.

Развитие читателей в Великобритании понимается как работа, направленная на то, чтобы расширить горизонты чтения, помочь людям связываться друг с другом и обмениваться опытом. Одна из основных задач – привлечь к чтению тех людей, которые не читали. Раньше считалось, что давать рекомендации взрослым не демократично, взрослые читатели сами знают, что

им нужно. Но книговыдача уменьшалась год от года. И тогда библиотекари поняли, что необходимо помогать не только детям, но и взрослым в выборе книг и в их чтении. Они начали искать специальные методы поощрения интереса к чтению – книжные выставки, организации групп читателей и т.д. (Эта работа очень хорошо мне знакома, поскольку я сам стал членом клуба чтения и приглашенным читателем, что позволило мне изучить модели чтения в разных европейских странах и расширить круг собственного чтения.)

Итак, цель программы развития читателя в Великобритании – познакомить людей с разными видами книг. Библиотеки стараются лучше представлять свои книги, в частности исторические; в книжных магазинах ведется работа по привлечению читателей беллетристики к чтению серьезной литературы. Кроме того, мы хотели преодолеть стереотип, что чтение направлено на обучение, воспитание и т.д. Важно было показать, что можно читать просто ради удовольствия. И еще один тезис, который мы пропагандировали: на самом деле в процессе чтения решающее значение имеет не автор, не книга, а сам читатель, потому что, когда книга оказывается в руках читателя, начинается творческий процесс, похожий, например, на работу живописца. Читатель является активным участником этого процесса. Такая своеобразная философская подоплека наших проектов позволяет подчеркнуть: чтение обязательно должно быть полезным, это может быть просто некий уход от действительности. Вы можете читать книгу в свободное время и не обязаны дочитывать до конца, если она вам не понравилась. Можно прерваться где-то на полпути, не чувствуя себя виноватым. Тем самым мы старались освободить читателя от каких-то стереотипов и показать, что чтение – это не долг, а удовольствие.

Я хочу рассказать о некоторых методах и идеях, которые были использованы в наших проектах. Может быть, что-то перекликается с вашей работой и будет для вас интересно.

Первоначальные методы привлечения к чтению довольно просты и не требуют больших затрат. Вы должны использовать ресурсы своей библиотеки для того, чтобы пропагандировать книги, даже без дополнительных инвестиций. Раньше, приходя в библиотеку, я видел, что книги стояли на полках корешок к корешку, в алфавитном порядке, и трудно было понять, что же там есть действительно хорошего, интересного. Теперь библиотеки стараются показать обложки книг, расположить их так, чтобы читателю было проще ориентироваться. Еще один метод – предлагать попробовать почитать книги схожего жанра (например, если человеку нравится Стивен Кинг, может быть, ему захочется читать и книги ужасов других авторов). Существуют также цепочки чтения: человек читает произведение, а потом замечания, которые были сделаны предыдущими читателями, может добавить собственные комментарии. Это обеспечивает некое общение между читателями одной и той же книги.

Некоторые из описанных методов наши библиотеки переняли у книготорговцев (особенно способы подачи книг). Другие методы заимствованы, например, у Америки. Мы разрабатываем «путеводители» по книгам, стараемся создавать кружки читателей, которые готовы разговаривать о книгах друг с другом, участники этих групп выбирают книги по совету других читателей. Кроме того, мы обучали работников библиотеки, чтобы они поощряли расширение круга чтения, рекомендовали литературу, сами делились своим мнением о книгах и т.д.

Постепенно ситуация с чтением стала изменяться, используемые методы все более совершенствовались. Наблюдался поразительный всплеск активности в этом направлении, проводились великолепные мероприятия, и идея формирования читателей стала приобретать новые масштабы. Люди, которые раньше даже говорили, что «терпеть не могут читать», вдруг стали активными читателями. Очень значимой стала национальная лотерея, которая проводится в Великобритании с 1996 г. Доход от продажи билетов был очень существенным, и эти деньги направлялись на развитие культуры, финансирование проектов, стипендии и гранты для писателей.

Я думаю, очень большое значение имело то, что разные регионы Великобритании работали совместно. Начиналось все с местных управлений библиотек в разных регионах. Совместные акции позволили нам привлечь довольно значительные средства и объединить авторов и библиотеки. Мы старались заинтересовать не только библиотеки, книжные магазины, но и, например, местный театр, кинотеатр и т.д. – все фильмы, все пьесы были как-то связаны с книгами. И очень быстро, буквально в течение года, привлекли к этому движению колоссальное количество людей. Активно проводились дни читателей, из разных стран приглашались авторы, которые беседовали с аудиторией. Благодаря совместной работе мы добились успеха, хотя у нас было не так уж много денег.

Хочу отметить, что и правительство осознало всю важность проекта и начало инвестировать средства в развитие читателей. Причин тому было несколько. Прежде всего, стало ясно, что, если библиотеки будут привлекать читателей, это повысит благосостояние общества. Правительство и Национальный трест грамотности Великобритании, участвуя в этих проектах, рассуждали так: если человек интересуется чтением и является активным читателем, его доход возрастает (исследования показывали, что активные читатели работают гораздо эффективнее и уровень их заработной платы выше). Чтение вообще обогащает жизнь граждан, и это, конечно, благо для общества. Правительство стремилось к тому, чтобы Великобритания стала более экономически мощной страной, и развитие читателя было одним из шагов в данном направлении.

Помимо этого, наши программы были направлены на маргинализированные группы населения, особенно на престарелых людей, детей из бедных семей, которых также важно вовлекать в активное чтение. Правительством были выделены значительные средства, которые распределялись среди органов здравоохранения, школ, библиотек и т.д.

Есть несколько крупнейших организаций, которые ведут работу по развитию читателя. Первая – это Национальный трест

грамотности, усилия которого направлены на создание читающей нации, или грамотной нации. Трест проводит целый ряд мероприятий в сфере поддержки чтения, причем акцент в них часто делается на спорте, ведь среди детей спорт очень популярен. Самое главное – проводятся масштабные исследования моделей чтения и роли, которую оно играет в жизни людей. Это позволяет понять, что именно может привлечь людей к чтению и как оно помогает в решении социальных проблем.

Другая организация, которая участвует в этой работе, называется «Открывая книгу». Они финансируют развитие чтения, работают с органами управления библиотеками, разрабатывают интерьеры библиотек, стараясь делать их более привлекательными.

Кроме того, существует Агентство по чтению, основанное в 2002 г. Их принцип – поощрять чтение во всей стране. Они работают со всеми организациями, которые готовы участвовать в этой деятельности, в первую очередь, конечно, с библиотеками, потому что именно библиотекари – проводники их идей. Одна из акций – «задание на лето» по чтению для школьников. До миллиона детей читают во время летних каникул до 6 книг, обмениваются мнениями. В конце акции они получают призы. Каждый год предлагаются новые темы. Приведу несколько цифр. В 2007 г. в программе по всей Великобритании участвовало 650 тыс. детей в возрасте от 2 до 11 лет. 50 % из них прочли 6 книг (моя дочка тоже участвовала в этой программе, в течение шести недель регулярно ходила в библиотеку и читала книги, ей очень понравилось). В рамках этой программы также проводилось много конкурсов, встреч с интересными людьми, что позволяло детям увидеть библиотеку как бы в новом свете. В результате в 2007 г. 40 тыс. детей записались в местные библиотеки и взяли на дом 16 млн книг.

Агентство также обеспечивает взаимодействие между библиотеками и другими организациями с целью создания более привлекательной среды чтения в библиотеках. Проведена целая серия совместных программ с BBC и с крупными коммерче-

скими издателями. Подобные проекты позволяют издателям расширять рынок, а библиотекам – число читателей. За пять лет удалось повысить интерес посетителей библиотек к чтению, издатели опубликовали десятки, даже сотни тысяч постеров, листовок, брошюр и т.д., посвященных пропаганде чтения. Кроме того, Агентство по чтению проводит исследования под эгидой Национального треста грамотности, создает веб-сайты, специальные библиотеки для тинейджеров. Причем молодежь привлекается не только к чтению, но даже к работе в библиотеке и отчасти к управлению ей. Это позволяет поддерживать интерес молодых людей к посещению библиотеки.

Еще одна организация – Книжный трест – организована в 1992 г. и финансируется Советом по искусствам Англии. Трест создает рекомендательные списки чтения в электронной форме и в виде буклетов, специальные списки книг для детей, вручает несколько книжных премий. Один из чрезвычайно удачных проектов Книжного треста называется «Book Start». Идея заключается в том, чтобы заинтересовать чтением с ранних лет и постараться предотвратить отчуждение от книг, которое нередко возникает у ребенка к 11-летнему возрасту, когда он переходит в среднюю школу и переживает довольно сложный период. В рамках этой национальной программы 90 % семей после рождения ребенка бесплатно получают детские книги. Причем программа осуществляется не только через библиотеки, но и через патронажных сестер. Исследования показывают, что этот проект оказал на семьи очень большое влияние. Количество родителей, которые читают вместе с детьми, выросло до 91 %. Число пользователей, которые посещают библиотеку по крайней мере раз в месяц, увеличилось с 64 % до 85 %. А число детей, которые записаны в библиотеки, – с 5 % до 31 %. Это первые результаты, которые показывают, насколько успешна данная программа.

Еще один проект, который мне кажется очень удачным, – созданная в 1998 г. программа обучения библиотекарей. Она проводилась по всей Великобритании, охватила целый ряд

регионов. Благодаря ей библиотекари стали гораздо более дружелюбными по отношению к читателям, начали активно работать с читателями, помогать им, давать консультации.

С 1999 г. проводятся дни читателей. Для меня они особенно интересны, потому что я непосредственно в них участвую. В первый год 150 читателей собирались вместе, чтобы поговорить о чтении, обменяться впечатлениями. Так была задана модель для последующих мероприятий. К участию в них привлекались люди, которые могли действительно хорошо и интересно поговорить о книгах. В результате в библиотеки пришли новые читатели, увеличилось количество продаваемых книг, возникли партнерские отношения между библиотекарями и издателями. Исследование, проведенное Агентством по чтению, показало, что 78 % людей, которые покупают книги, являются активными читателями библиотек. То есть сотрудничество библиотек и издательств взаимовыгодно.

Программа «Звезды Премьер-Лиги» направлена на детей и их родителей. Среди детей в Англии футболисты очень популярны и являются хорошим образцом для подражания. Мы хотели этим воспользоваться и попросили каждого представителя Премьер-Лиги порекомендовать какие-либо книги. Организовано 3 группы чтения при Премьер-Лиге. Семьи-участники читают книги о футболе, встречаются с футболистами, задают им вопросы об их чтении. Мы стараемся объединить футбол и чтение для общей выгоды.

Существуют проекты в сфере социальных сетей. Читатели организуют веб-сайты, на которых обмениваются впечатлениями, рассказывают о прочитанных книгах. Есть проект «Boys into books», направленный на детей с 6–7 лет и помогающий им почувствовать удовольствие от чтения. Детям предлагаются списки полезной и интересной литературы. Правительство дает органам управления библиотеками каждого региона по 20 тыс. фунтов стерлингов с тем, чтобы они могли распространять по 20 бесплатных книг в каждой школе своего региона, особенно там, где грамотность падает.

Еще один проект, о котором я хочу упомянуть, – это Национальный год чтения. Поводом для его проведения стало решение Правительства инвестировать деньги в развитие чтения и создание читающей нации. В 1998 г. на трехгодичную программу было выделено 4 млн фунтов стерлингов. С самого начала велись маркетинговые и PR-компании, работа со СМИ, привлекались спонсоры. Пропагандировались книги, поэзия, фильмы, пьесы. Средства массовой информации активно поддерживали эту кампанию: в течение года было опубликовано 700 статей и проведено 200 радио- и телевизионных программ. Национальный год чтения дал большой стимул к развитию чтения. Это начинание было настолько успешным, что 2008 г. Правительство опять объявило Годом чтения, стремясь к тому, чтобы не просто распространить чтение в библиотеках, но принести книгу прямо на рабочее место. Проведен целый ряд тематических мероприятий в библиотеках, школах и других организациях, популярные газеты публиковали очень много материалов, библиотеки работали в сотрудничестве со СМИ. Я участвовал в некоторых из мероприятий и наблюдал колоссальное увеличение посещаемости библиотек. Были даже небольшие передвижные библиотечки на железнодорожных платформах, по 20–30 книжек, люди могли брать книги, возвращать, обмениваться ими. Создавались «сады чтения» – позади библиотеки разбивался садик, в котором можно было читать в непринужденной обстановке на свежем воздухе. Все мероприятия имели большой успех. И если изначально ставилась задача привлечь 500 тыс. новых читателей в библиотеки, то на самом деле в результате их число достигло 1 млн. Это поразительно.

Как видите, в Великобритании ведется активная деятельность по развитию читателя и поддержанию интереса к чтению. О ней можно говорить часами, я написал несколько работ на эту тему, одна из них была переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Как создаются читающие нации». Кроме того, есть обширная библиография, на веб-сайтах можно найти ссылки на литературу, посвященной этой тематике. На этом я хотел бы закончить. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Я хочу поблагодарить Тома за интересную лекцию и предлагаю всем желающим задать вопросы.

В. В. Бубнов

Скажите, пожалуйста, есть ли национальный проект, в котором задействованы только волонтерские силы, без поддержки местного и государственного бюджета?

Т. Палмер

Есть «Волонтерское чтение» – благотворительная организация, члены которой в свободное время работают с людьми, еще не привлеченными к чтению. Это единственный крупный добровольческий национальный проект. Но дело в том, что большинство библиотекарей участвуют в работе по развитию читателя, причем иногда в свободное, нерабочее время, то есть фактически как волонтеры.

Вопрос из зала

Скажите, пожалуйста, как изменилась информационная политика национальных СМИ, какие наиболее интересные медийные проекты появились в ходе Национального года чтения? Спасибо.

Т. Палмер

Библиотеки Великобритании сами мало занимались рекламой своей деятельности. Благодаря Национальному году чтения проводились кампании по пропаганде чтения, ведущие журналы и газеты Великобритании, принадлежащие крупней-

шим издательским компаниям, посвящали целые колонки темам издательской деятельности, СМИ привлекали специалистов по маркетингу, чтобы вызвать интерес населения к библиотекам. Можно надеяться, что в будущем библиотеки научатся заниматься пропагандой самостоятельно.

В. Я. Аскарова

Скажите, пожалуйста, насколько базовая вузовская подготовка библиотекарей Великобритании позволяет им проводить масштабную работу по поддержке чтения? Что служит стимулом? И какими вузовскими дисциплинами поддерживается эта деятельность? Спасибо.

Т. Палмер

Первый вопрос – способны ли библиотекари осуществлять такую работу. Некоторые могут это делать и охотно делают, а другие сопротивляются, а иногда вообще уходят из библиотек, потому что им не нравится заниматься подобной дополнительной работой. Далеко не всем библиотекарям нравится активное взаимодействие с читателями. Что мотивирует библиотекарей? Я думаю, библиотеки привлекают именно тех людей, которые просто любят эту работу, которым она интересна. Хотя профессиональный уровень библиотекарей, на мой взгляд, является одной из больших проблем. Сегодня ради экономии средств часто сокращают профессиональных библиотекарей и привлекают молодых людей, которые недостаточно компетентны, но согласны на меньшую зарплату. Это негативно сказывается на уровне библиотечного обслуживания. По поводу профильного образования я мало что могу сказать, поскольку, к сожалению, не очень хорошо знаком с системой подготовки библиотекарей.

Вопрос из зала

Мы говорим сегодня о чтении книг. А как обстоят у вас дела с чтением периодических печатных изданий и испытывают ли периодические печатные издания Великобритании трудности с реализацией своего тиража?

Т. Палмер

Я не специалист в этой области, но знаю, что все больше периодических изданий в Великобритании переходят в электронную форму, иногда даже подписные издания становятся онлайн-новыми.

Е. И. Кузьмин

Том, Вы рассказывали в основном про деятельность библиотек и библиотекарей. А насколько важна деятельность школ и учителей во всех этих проектах развития читателей? И в каких отношениях находятся профессиональное библиотечное сообщество и образовательное сообщество?

Т. Палмер

Школы, конечно, являются обязательным звеном. До последнего времени в школе грамотность развивалась главным образом путем чтения текстов, разбора предложений и проверки понимания. Не было акцента на получении удовольствия от чтения. Сейчас ситуация меняется. Библиотеки и школы работают вместе, публичные библиотеки совместно со школьными библиотеками обучают детей читать, учителя в школах рекомендуют школьникам книги, а детям до 11 лет вручают книги бесплатно. Совместная деятельность школ и библиотек довольно успешна, и ситуация с грамотностью значительно улучшилась в последние годы.

Е. И. Кузьмин

Вы рассказывали о проведении Национального года чтения. А кто именно предлагает в правительство Великобритании подобные проекты? Кто пишет сметы для этих мероприятий и кто отвечает за принятие такого рода решений?

Т. Палмер

Если мы говорим про первый опыт проведения Года чтения, то это Дэвид Бланкит. Организацией второго года руководил Гордон Браун, самый популярный премьер-министр, который очень активно поддерживает программы распространения книг среди детей и школьников, среди семей.

Вопрос из зала

То есть сначала появились программы, а затем деньги? Или в правительстве появилась идея развития чтения, а под нее были созданы организации, которые эту программу осуществляют?

Т. Палмер

На самом деле библиотеки первоначально сами занимались этим, предлагали программы, постепенно присоединялись другие организации. Но программа развития грамотности была уже чисто правительственной. Можно сказать, что было сочетание двух направлений, но главным образом все-таки эти инициативы шли снизу.

О. К. Громова

Верно ли я поняла, что, когда в школах переориентировали работу в сторону получения удовольствия от чтения, в сторону эмоционального чтения, то это улучшило и показатели обучения?

Т. Палмер

Прошло еще недостаточно времени, чтобы что-то обобщать. Но дети очень довольны. Я видел реакцию на местах, и мне кажется, что они стали гораздо больше интересоваться чтением. Но это еще не обобщено в научном плане.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Том. Я думаю, что мы все получили удовольствие от этой лекции.

Завтра Том выступит на пленарном заседании и подробнее расскажет о роли государства в деятельности по развитию читателя. Пленарное заседание начнется в 10 часов в Киноконцертном зале. Ждем вас.

Всем спасибо.

21 ноября
Пленарное заседание
Часть I

М. В. Сеславинский

Здравствуйте, друзья. Я рад приветствовать вас во второй день работы Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы». Как и в прошлом году, на первой всероссийской конференции по Национальной программе, сегодня здесь собрались руководители и представители федеральных министерств и ведомств, субъектов Российской Федерации, ведущих общероссийских средств массовой информации, учреждений культуры, образования, науки, издательств, организаций книжной торговли, писатели и журналисты. Всего за два дня работы конференции в ней приняли и принимают участие около 300 человек из 35 регионов России, Украины, Азербайджана и Казахстана. Я особенно рад приветствовать наших почетных гостей: помощника Президента Российской Федерации Джахан Реджеповну Поллыеву, президента Международной федерации библиотечных ассоциаций и институций Элен Тайс из Южно-Африканской Республики, а также писателя Тома Палмера из Великобритании, известного исследователя проблем чтения, авторитетного консультанта по этим вопросам.

Вчера, в первый день работы конференции в трех секциях, отражающих основные направления Национальной программы поддержки чтения (это библиотеки и образование, книгоиздание и книжная торговля, СМИ и пропаганда чтения), анализировались результаты комплексного социологического исследования «Чтение в России–2008», проведенного по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Подводились итоги нынешнего этапа реализа-

ции Национальной программы поддержки и развития чтения, обсуждались проблемы и перспективы развития обширной и многообразной деятельности в сфере чтения.

Напомню, что Программа разработана в 2006 г. по инициативе Федерального агентства по печати и Российского книжного союза, с которым мы активно сотрудничаем и реализуем массу проектов. Программа носит инновационный характер, она предусматривает комплекс мер, направленных на повышение уровня знаний, создания новых условий, информационной среды, стимулирующей рост культурного и интеллектуального потенциала нации.

К сожалению, я вчера не смог принять участие в работе конференции, но знаю, что активно обсуждался, безусловно, не вчерашний день, не день принятия Программы и даже не первый год ее реализации, а день сегодняшний – день, когда в условиях финансово-экономической нестабильности мы должны готовиться к тому, что она тем или иным краем затронет и нашу сферу, несмотря на то, что мы не работаем на фондовом рынке, не являемся металлургами и нефтяниками. В прошлом году мы об этом говорили с сожалением. В этом году мы видим, что это дает время, чтобы подготовиться к новым экономическим условиям.

Вчера на различных секциях обсуждались первые проявления кризисов неплатежей, трудности крупных компаний в сфере книгораспространения, проблема выплаты кредитов. Это, безусловно, те тревожные симптомы, те стратегические факторы, которые могут распространиться всю сферу книгоиздания и книгораспространения и отрицательно повлиять на нее.

Сейчас, за 10 минут до начала конференции, мы с Джахан Реджеповной в узком кругу обсуждали соотношение наших проблем с общемировыми вызовами XXI века. Не мне вам рассказывать о том, что все развитые, цивилизованные страны имеют программы поддержки чтения. И все-таки что же делать? Бороться с наступающими электронными медиа, бороться с Интернетом, бороться с мобильной телефонией или выработать принцип мирного сосуществования и взаимного дополнения друг друга? Я думаю, что, конечно же, выбор может быть только

в пользу второго варианта – взаимного дополнения. Еженедельные и ежедневные газеты уже давно этот выбор осуществили, и их крупные сайты являются поддержкой периодическим печатным изданиям, иногда превосходят их по количеству читателей, естественно, превосходят по разнообразию преподносимого материала, сплошь и рядом имеют отдельные информационные ленты. Тем самым достигается двойной эффект: с одной стороны, увеличивается количество читателей данного газетного бренда, с другой стороны, это хорошо для бизнеса, потому что увеличивается капитализация данной газеты.

Мы за эти два года увидели – и для нас это стало приятной неожиданностью, – что в регионах Российской Федерации гигантское количество руководителей федеральных органов исполнительной и законодательной власти, руководителей крупнейших библиотек, общественных организаций с болью и радостью одновременно откликнулись на инициативу Российского книжного союза и Федерального агентства. Созданы свои региональные программы поддержки чтения. Образовался круг людей, которые не жалеют сил и времени для того, чтобы развивать региональные программы. На это выделяются финансовые средства, часто немалые. Я хотел бы попросить всех присутствующих представителей регионов передать самые теплые слова благодарности тем руководителям, которые откликаются на вызовы XXI века в гуманитарной сфере.

Мы ожидаем, что на сегодняшней конференции и на последующих мероприятиях, которые будут проводиться, вы поделитесь с нами опытом и расскажете о наиболее эффективно работающих механизмах. Готовых рецептов не существует, их не придумал еще никто, мы идем методом проб и ошибок. Что-то срабатывает, что-то не срабатывает, и консолидированный разум в этой ситуации важен как никогда.

У нас еще запланированы основные доклады, и я хотел бы попросить Джахан Реджеповну сказать несколько слов, а затем мы уже перейдем к более подробному обсуждению проблемы. Спасибо.

Д. Р. Полльева

Добрый день. Я согласна с Михаилом Вадимовичем, что надо, наверное, сократить по максимуму наши «тронные» речи. Насколько я знаю, вчерашняя работа на секциях была интересной и для вас, и для тех, кто за этим наблюдал. Дискуссии были содержательными, и их действительно лучше продолжать напрямую. Нам с вами друг друга агитировать не нужно, мы хорошо понимаем, что есть проблемы, и хорошо понимаем, в чем их суть. Скорее, надо обменяться мнениями по тем вопросам, которые требуют неотложного решения.

Я бы хотела изложить несколько своих мыслей о проблемах, связанных с кризисом чтения, который сегодня уже смело называют системным. Пожалуй, есть смысл задуматься над тем, все ли мы правильно делаем. Необходима ли какая-то корректировка, и можно ли решать проблему только путем массового, поточного запуска каких-то программ и сильного объединения усилий? Возможно, надо более глубоко или философски подойти к теме с учетом тех традиций и тенденций, которые существуют в мире, и выработать свой специфический взгляд на российскую ситуацию, поскольку у нас тоже есть свои традиции и свои особенности, о которых мы обязаны помнить.

Как вы помните, прошлый год – год, когда стартовала Программа чтения, – был Годом русского языка. Он прошел очень успешно как в России, так и на зарубежных площадках. Нынешний год, как вы знаете, объявлен для СНГ Годом литературы и чтения. Весь год в рамках Совета по гуманитарному сотрудничеству СНГ и в рамках работы Форума творческой интеллигенции СНГ мы занимались реализацией большого количества различных программ. То, что год назывался именно Годом литературы и чтения, позволяло нам очень уделять внимание вопросам, связанным с книгой и с книжным искусством, с читающей аудиторией. Год русского языка и Год литературы и чтения на самом деле обеспечили условия для работы людей, которые хотят заниматься пропагандой чтения. Этим надо было воспользоваться, и я очень рада, что наши взгляды здесь совпали, что прошли совместные мероприятия.

В то же время вы очень подробно, глубоко, содержательно обсуждаете вопросы, которые нас всех волнуют, подходите к этому с точки зрения разных профессий, потому что тема комплексная, системная. Уже практически второй год идет речь о Программе и об огромной сумме развернутых во всех регионах мероприятий, в которые вовлечено такое большое количество и отраслевых министерств, и отдельных профессионалов. Но, на мой взгляд, наша тревога, наше понимание опасности, связанное с понижением интереса к чтению, не совпадают с тем, что происходит в этой связи в обществе. В обществе нет того реального «аларма» с точки зрения снижения интереса к чтению, который есть в профессиональной среде. Да, нам необходимо более активно заниматься разьяснением этого вопроса, что наше политическое руководство обязано чаще говорить об этом, приводить статистические данные, цифры, делиться своими заботами. Но существует следующая проблема. У нас есть привычка считать себя действительно читающей нацией, однако нет понимания того, что, для того чтобы в современных условиях действительно иметь право называть себя читающей нацией, надо, чтобы наша работа была адекватна тем изменениям, которые произошли за последние годы. Адекватна тому, что происходит и в сфере коммуникации, и в нашей подростковой среде, которая действительно сегодня находится в несколько другом поле чтения.

На мой взгляд, такого глобального конфликта между традиционными и электронными СМИ, интернет-средой, который стал бы причиной снижения интереса к чтению, не наблюдается. Если вы спросите тех, кто занимается электронными средствами массовой информации, IT-программами, они очень быстро вам докажут, что это навет. Наверное, все-таки проблема лежит в другой плоскости. Я думаю, здесь не последнюю роль играют психологические причины, в том числе невосприимчивость к нашей тревоге со стороны очень широких кругов населения, в первую очередь тех, кто воспитывает новое поколение, детей, подростков. Сидящие в этом зале люди знают и помнят,

что наши родители своим собственным примером показывали: уезжая в отпуск, надо брать с собой книжку, на ночь надо читать сказку. Потом постепенно эта сказка заменилась пластиночкой, поскольку времени нет, мама и папа заняты и лучше все-таки, чтобы дети сами послушали все, что им расскажут. Сегодня такого рода навыки и привычки в семейной среде не формируются в той мере, как это было раньше. И Год семьи, кстати говоря, ведь тоже во много способствовал (и будет способствовать, поскольку он еще не закончился) тому, чтобы эти традиции восстанавливались. Все-таки необходимо работать не только в разных сферах, связанных с министерствами, ведомствами, с такими отраслями, как образование, культура, массовые коммуникации, но в первую очередь в тех средах, где формируются эти привычки и эти навыки.

Мне как человеку, который занимается словом, абсолютно понятно, что если нет интереса к чтению, то падает интерес к языку. Язык становится менее богатым, он перестает отдавать те оттенки, которые можно получить, только читая хорошую книгу, читая серьезную литературу. Понятно, что без хорошей книги нет хорошего читателя. Но ведь и без хорошо подготовленного читателя не будет хорошей книги. Возможно, часть проблем лежит и в этой сфере. На нашем книжном рынке, конечно, есть практически все, но мы с вами, наверное, все-таки еще не понимаем до конца, какая книга доходит до читателя и особенно до читателя молодого. И этим тоже надо заниматься.

У проблемы чтения масса аспектов, о которых вы знаете не хуже меня. Можно продолжать дискуссии о ранжировании приоритетов; о том, как наши проблемы связаны с тем, что происходит в мире; с тем, что происходит в странах СНГ, которые нам наиболее близки и по языку, и по традициям – по семейным традициям и традициям воспитания. Очень серьезной проблемой стал упадок переводческого дела. В рамках Содружества независимых государств мы все видим и понимаем, что нарушен тот обмен, который происходил между библиотеками в прежние времена, – обмен системный, по-

стоянный. Сегодня книги из стран СНГ к нам не поступают. Что происходит в результате? Мы не знаем современной литературы – той, которая написана на национальных языках и которая передает дух эпохи, реальную картину жизни в странах, где живут близкие нам народы. Мы теряем понимание их культуры. Переводчиков с языков стран СНГ фактически мы стали готовить только недавно и в очень небольшом количестве. Это начинание тоже необходимо поддерживать.

Еще один источник поддержания интереса к знаниям – это, естественно, библиотечные ресурсы, введение новых форм библиотечных обменов и т.п. Я хотела бы, чтобы вы не только относились к этому как к предмету исследования, предмету работы в вашей собственной профессиональной среде в рамках той Программы, которая сегодня имеется, но и сами были бы пропагандистами, разъясняющими темы, связанные с проблемами чтения. Чтобы вы больше об этом писали, больше говорили с тех трибун, с которых вас может услышать максимальное количество людей.

Мы всегда с удовольствием будем просить вас участвовать в программах, связанных и с Годом литературы и чтения СНГ, и с целым рядом других тем внутри гуманитарной сферы СНГ, потому что слово, книга, информационные ресурсы – это самое главное в гуманитарных контактах. Могу сказать, у нас в этом году прошел первый конкурс молодых поэтов стран СНГ. На Форуме творческой интеллигенции им были вручены призы, премии. Впервые в этом году нам пришлось переводить с национальных языков поэтические произведения молодых авторов. Но это получилось, и даже переводные произведения получили призовые места. Это было интересно, приятно и полезно для всех участников. Значит, нет ничего невозможного. Значит, подобную работу нужно продолжать.

В этом году прошло очень много молодежных творческих фестивалей, научных мероприятий различной тематики – от вопросов, связанных с естественными науками, до проблем

гуманитарного знания. Все это также было сделано при поддержке Фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ. И я хочу отметить, что чтение – тот фактор, который влияет на упадок общения в сфере не только гуманитарных, но и естественных наук, ведь последние достижения науки тоже описаны в книжных ресурсах.

Чтобы больше не отвлекать ваше внимание, просто подчеркну, что вы все, находящиеся здесь, все-таки первопроходцы, несмотря на то, что давно работаете в своих средах и хорошо знаете эту тему. Вам приходится сейчас осваивать новые принципы и методы работы в тех условиях, в которых еще никто до вас не работал. И я хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы делаете. Мы очень рады, что вы глубоко, серьезно к этой теме относитесь и пытаетесь найти оптимальные пути выхода из сложившейся ситуации, с тем чтобы наша нация и в будущем была одной из самых читающих. В этом благородном деле мы будем стараться вам максимально помочь. Программа – это только первый шаг, она, конечно, рассчитана на долгие годы, но я думаю, что чем внимательнее мы будем относиться к данному вопросу, тем успешнее будет эта на самом деле необходимая нам всем деятельность. Спасибо вам большое.

М. В. Сеславинский

Спасибо Вам, Джахан Реджеповна. Я хотел отметить, что Джахан Реджеповна не просто наш «тайный агент» в администрации Президента и – в хорошем смысле слова – лобби, но и активный читатель, поэт, писатель. Хочется от всего сердца поблагодарить Вас, Джахан Реджеповна, за то, что Вы нас поддерживаете. А то, знаете, у нас создается иногда такое ощущение, что собирается где-то то ли масонская ложа, то ли кружок декабристов, и начинают они об одном и том же твердить: чтение, русский язык, русский язык, чтение. Безусловно, то, что на самом высоком уровне проявляется интерес к этим проблемам, нас вдохновляет. Спасибо.

Д. Р. Полльева

Думаю, ни у кого нет сомнений в том, что эта тема волнует и правительство, и Президента, и руководство администрации. А что касается кружков, то кружки – это тоже полезно. С них обычно очень много чего начинается, особенно если в этих кружках собираются люди продвинутые, понимающие, очень заинтересованные. Поэтому я всем вам желаю успеха. Всего вам доброго и хорошей работы.

М. В. Сеславинский

Спасибо, Джахан Реджеповна.

Я хотел бы предоставить слово Наталии Андреевне Зоркой, главному научному сотруднику аналитического центра Юрия Левады, которая расскажет об итогах всероссийского социологического исследования «Чтение в России–2008». Прошу Вас, Наталия Андреевна.

Н. А. Зоркая

Добрый день, уважаемые дамы и господа. Сегодня я представлю вам основные результаты исследования, которое Аналитический центр Юрия Левады провел осенью этого года по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Это исследование было посвящено читательским предпочтениям российских граждан.

Хочу сказать, что сама программа мониторинга читательских предпочтений возникла не сегодня, в известном смысле она была основательно разработана еще в начале 80-х гг., когда часть нашего исследовательского коллектива работала в секторе книги и чтения при Ленинской библиотеке. И с тех пор наш Центр старается в той или иной мере систематично отслеживать эту проблематику в своих исследованиях. Конечно, про-

водя репрезентативный всероссийский опрос, мы получаем самую общую картину динамики читательских предпочтений, изменений читательских вкусов, и такая картина должна быть дополнена более дифференцированной и более углубленной информацией о состоянии чтения не только в различных группах и слоях населения, но и в разных регионах и городах нашей России. Так что программа углубленного мониторинга чтения и его динамики – это, как мне кажется, важная задача для нашей общей систематической экспертной работы.

Как я уже говорила, исследование проводилось осенью, было опрошено всего 2000 человек. Выборка исследования представляет взрослое население России от 18 лет по таким признакам как пол, возраст, образование. Если говорить о самых общих тенденциях в картине чтения, то за последние 5 лет произошло достаточно ощутимое снижение интенсивности чтения всех видов печатных изданий и рост числа нечитателей. Особенно сильный обвал числа постоянных читателей мы фиксируем среди читателей газет и журналов, их доля вообще сократилась более чем на четверть (на 28 и 25 % соответственно), но и доля читателей книг сократилась за минувшие 5 лет на одну пятую, причем особенно резкое падение этих показателей прошло за последние 3 года.

Обращусь сейчас к чтению различных типов изданий. По количеству нечитающих лидируют журналы. 54 % опрошенных вообще не обращаются нынче к журнальной продукции. Если говорить о журналах, то в социологическом плане основная функция журнала как идеального типа издания – это объединение и консолидация различных групп. Объединение происходит на основе общих ценностей, реализуемых в программах журналов, которые транслируются затем в виде смысловых образцов в публичное пространство. По этому поводу происходит дальнейшее взаимодействие в обществе. Именно падение группового уровня взаимодействия нашего общества и выразилось в крахе журналов начала 90-х, который последовал за журнальным бумом, в обвале тиражей, в оттоке читателей от журнальной продукции, в массовом отказе от чтения журналов (прежде всего я,

конечно, говорю о так называемых толстых литературных журналах, а также о журналах общественно-политического содержания). Уже по данным 1994 г. половина опрошенных с высшим уровнем образования перестали читать толстые литературные журналы, хотя читали их раньше. Многотысячные, миллионные аудитории журналов стремительно дробились, сокращались и фрагментировались, сужаясь до круга «своих», аудитории становились узко-групповыми или даже кружковыми. А это означало исчезновение перспективы универсализации культурного значения смыслов, транслируемых журналами как типом издания; дробление, фрагментацию публичного пространства. Одновременно с этим шел другой процесс – процесс «массовизации» читателя, усреднения вкусов, их стандартизации, что отчетливо видно по журнальным предпочтениям опрошенных россиян. Сегодня журналы читают преимущественно женщины, молодые респонденты, и, конечно, к журналам чаще обращаются жители городов и люди с высшим образованием. Однако мы четко видим на наших данных, что групповая дифференциация в читательских предпочтениях журналов не просматривается. Работают самые простые и примитивные признаки: половозрастные градации, т.е. разделение типов журналов на чисто женские и мужские, ориентация на молодежную аудиторию, а также деление по потребительскому статусу. Так, глянцева модная печать, конечно, прежде всего ориентирована на высокостатусную молодежь, живущую в больших городах. В целом интерес читателей журналов сосредоточен вокруг ценностей приватной жизни. Людей больше всего интересуют такие проблемы, как семья, здоровье, мода, отдых, развлечение, обустройство быта, в то время как научно-популярные журналы (не говоря уже о специальных) не только не наращивают свои аудитории, но и в значительной мере их теряют. Интерес к ним, как правило, проявляют, с одной стороны, более образованные респонденты, а с другой – учащаяся молодежь, находящаяся в фазе активной социализации. Взрослые же, зрелые люди явно демонстрируют падение интереса к журналам, особенно к журналам, имеющим программу, специализирующимся на той или иной теме.

Среди читателей книг за последнее время мы также видим довольно основательное падение доли постоянных читателей и рост числа не читающих книги никогда. Это отчасти говорит и о том, что ценность чтения, ценность приобщения нему в обществе слабеет. Впервые за длительный период наших исследований мы видим, что доля людей, не читающих литературу вообще, превысила долю тех, кто читает время от времени. В принципе можно сказать, что в последние годы чаще читают женщины, достаточно активны в своем чтении молодые, но единственным действительно дифференцирующим признаком интенсивности чтения по-прежнему остается высшее образование, а также владение домашним собранием. Так, среди владельцев крупных домашних собраний доля постоянных читателей составляет более четверти опрошенных. Но надо помнить, что количество людей, имеющих такие книжные собрания дома, невелико и составляет не более 5–6 % от всего российского населения.

В целом можно говорить, что за последние 15–20 лет произошли заметные содержательные изменения в читательских предпочтениях. Мы знаем, что в конце 80-х – начале 90-х гг. особый дефицит в массовом чтении наблюдался по отношению к такой жанровой литературе, как детективы, фантастика, боевики, историческая беллетристика, с одной стороны, исторической литературе, мемуаристике – с другой. Это был один полюс неудовлетворенных потребностей. В то же время людей очень интересовала литература, которая позволяла бы рационализировать проблемы повседневного существования, т.е. книги о семье, о психологии взаимоотношений, о детях, об обустройстве быта, о хобби и т.д. Мы можем говорить о том, что за последние 15–20 лет произошло известное пресыщение интереса к этой жанровой популярной литературе. И вместе с тем мы по-прежнему видим, что именно жанровая популярная и в каком-то смысле серийная или сериальная литература по-прежнему лидирует в предпочтениях россиян. За последний год значительно сократилась доля тех, кто вообще не читает беллетристику. Таким образом, можно сказать, что чтение все больше иденти-

фицируется именно с чтением беллетристики, а не с чтением книг в широком понимании этого слова. Именно за счет этого отчасти выросли предпочтения россиян в чтении отдельных жанров. Важно, что при этом из поля зрения более квалифицированной части населения уходит интерес, с одной стороны, к исторической литературе, а с другой – к литературе научной. Кроме того, не растет интерес к современной прозе. Это свидетельствует о том, что в массе в читательской среде преобладает стремление к культурной самоизоляции, к развлечению, к тому чтобы развеяться, уйти от проблем повседневности. Вместе с тем актуальная проблематика повседневной жизни не разбирается, не осмысливается. Нет и реальной работы с прошлым – оно мифологизируется и вытесняется.

Анализ социально-демографических показателей читательских предпочтений показывает, что практически все социальные группы перешли именно на такую жанровую словесность. Мы можем говорить, что среди читателей преобладает пассивно-адаптивный тип культурного потребления. И что важно: если в начале 90-х мы фиксировали в массовых опросах те группы, которые принято называть в библиотечной среде лидерами чтения, лидерами опережающего прочтения, то сейчас мы эти группы не фиксируем. Люди более продвинутые, с более богатым, обширным культурным капиталом, фактически не сильно отличаются в своих предпочтениях от основной массы.

Картина чтения нехудожественной литературы тоже не слишком отрадна. Доля людей, не читающих книги небеллетристического содержания, среди читающих книги значительна, она составляет одну пятую и не уменьшается. Если в журнальном и в художественном чтении, как я уже говорила, просматриваются женский и молодежный профиль в предпочтениях, то в чтении нехудожественной литературы эти факторы играют меньшую роль. Большой дифференциации групповых интересов в наших данных мы также не видим. Интерес в основном концентрируется вокруг изданий, связанных с повседневными, самыми общими проблемами жизни – дом, здоровье, обустройство быта.

Хотя научно-популярная литература и имеет достаточно постоянную аудиторию, она невелика и состоит прежде всего из людей более старших возрастов, молодежь интересуется ею гораздо меньше. В принципе среди читателей нехудожественной литературы можно выделить 3 основных группы потребителей. Это прежде всего женщины, как я уже говорила, ориентированные на книги самого общего и широкого профиля. Вторая группа – это молодые, которые ориентированы скорее на учебную и специализированную литературу, поскольку находятся в фазе активной социализации и обучения. Наконец третья группа – люди с высшим образованием.

Существенное дополнение к общей картине массового чтения дает распределение используемых каналов информации о книгах. Эти данные говорят нам не только о состоянии чтения и книжной культуры, но и о состоянии общества. В сегодняшнем чтении россиян стало минимальным присутствие таких агентов литературной или книжной социализации, приобщения к книжной культуре, как школа и, шире, система образования, библиотека, профессиональный круг, а также печатные СМИ. Соответственно, к минимуму свелась и роль экспертного или критического сообщества, которое должно было бы заниматься отслеживанием, анализом актуальных процессов в литературе, науке, культуре. Перед нами, можно сказать, один из феноменов кризиса российских элит, в том числе и культурного. Как мы видим, относительное большинство читающих респондентов узнают о книгах у своих друзей и знакомых, в семье, у родственников, т.е. из неформального круга общения. Прежние институты книжной культуры – библиотека, школа, вуз, литературная критика – утратили не только свое символическое значение и авторитетность, но и свою роль в структурировании процессов массового чтения, представления и распространения влиятельных образцов. Это как раз и говорит об обвальном массовизации и параллельной фрагментации читательской культуры, культурном усреднении. Отмечу, что даже среди учащейся молодежи на вуз, на школу как источник информации о книгах, указывает всего 30 % опрошенных.

Важную информацию дают нам также данные о каналах приобретения книг. Главными каналами, как видно из наших данных, являются покупка и неформальный круг друзей, что очень важно. Библиотека как канал получения художественной литературы сохраняет значимость всего для 17 % опрошенных. Причем прежде всего здесь выделяется группа учащихся и студентов, т.е. речь идет об обязательном программном чтении. С другой стороны, на библиотеку чаще указывают самые малообеспеченные, слабые в социальном плане, дезадаптированные группы, т.е. группы с низким доходом, с низким потребительским статусом, живущие на периферии, далеко от центра. Но это группы населения, которые наименее активно включены в читательскую культуру, в актуальные процессы, так что из контингента пользователей массовых библиотек явно и последовательно вымываются активные читатели с дифференцированными запросами. Примерно треть опрошенных сообщили, что берут книги для чтения из своей домашней библиотеки. Если покупку книг и даже одалживание их у знакомых и друзей можно считать более или менее активным читательским поведением, когда в круг чтения так или иначе могут поступать какие-то новинки, то ориентация на свое домашнее собрание представляется нам проявлением пассивной культурной адаптации, культурного изоляционизма. Почему? Если мы посмотрим на данные о наличии книг дома, то увидим, что на самом деле подавляющее большинство людей книг дома не имеет. Собрания до 100 книг нельзя считать домашней библиотекой. Как правило, это разрозненный набор изданий. Таким образом, более 60 % людей практически не имеют книг дома, а крупными домашними собраниями, которые могли бы стать действительно важным культурным капиталом и ресурсом для приобщения детей к чтению, для воспитания читательской культуры, сегодня обладает всего 6 % населения.

Еще пару слов о домашней библиотеке. По нашим данным, только 50 % людей, покупающих книги, покупают их для домашней библиотеки. Вместе с тем уже треть опрошенных говорят, что они покупают книги не для того чтобы их хранить дома,

а чтобы прочитать и отдать или просто выкинуть. Иными словами, символическая культурная роль домашней библиотеки постепенно уходит, теряет свою обязательную силу для людей активных социальных возрастов. Сфера культуры организована для них сегодня уже не так, как в советское время, и обладание книгами перестает быть значимым идентификационным признаком, символом социального и культурного капитала. Как я уже говорила, уровень пользования библиотеками, охват населения сегодня незначительны. Здесь суммированы все типы библиотек и, как видим, ими пользуется менее четверти населения, а подавляющее большинство их не посещает. Основной контингент активных пользователей библиотек составляет учащаяся молодежь. В каком-то смысле нынешние библиотеки, публичные и не только, могут быть сравнены с вузовскими или школьными. Среди основных мотивов необращения в библиотеки люди называют такие, как «я мало читаю», «у меня нет времени», «у меня дома достаточно книг» (опять-таки мы знаем, что книг много только у незначительной группы населения). Количество библиотек в стране сокращается, фонды скудеют, и активные, продвинутые читатели все чаще поэтому уходят из библиотеки. Как хорошо знают работники библиотек, общий объем комплектации книгами за 90-е гг. снизился вдвое, новыми изданиями – в четыре раза. Я уже не говорю о литературе на языках мира. Проблема комплектования – проблема острейшая.

Таким образом, если обобщить, можно сказать, что читательская культура в России становилась на протяжении последних 10–15 лет все более развлекательной, молодежной и в каком-то смысле женской, пассивно-адаптивной. Структура доступа к чтению и каналы получения или приобретения книг значительно изменились. В целом по стране главным источником книг стали не библиотека и даже не столько книжные магазины, сколько круг своих, близких. Это означает утрату авторитета специализированных сред для массового читателя. С другой стороны, это понятно, потому что порядка 40 % издаваемых книг не доходит до читателя. Особенно это относится к жите-

лям малых городов, села, которым недоступны последние книжные новинки, не говоря уже о журнальной продукции. В последние 10–15 лет преобладающая часть населения России (мы можем говорить, что это от двух пятых до трех пятых) вообще обходятся без печатных изданий. Основным типом коммуникации, главным коммуникатором стало телевидение. Все хорошо знают о том, что сегодня представляет собой российское телевидение, и картина эта, конечно, достаточно удручающая. Важнейшая проблема, определяющая состояние культуры сегодня, – это разложение прежних институтов ее трансляции и воспроизводства. Базовые институты общества – политические, судебные, публичные, культурные, образовательные – остаются не модернизированными, так что осуществлять свою роль (будь то инициаторов нового или распространителей устоявшегося) им удается с трудом. Подобная ситуация ставит перед вопросом двух уровней. Во-первых, об ответственности государства за социальные обязательства перед населением, включая каналы распространения общей культуры и поддержания определенного ее уровня. Во-вторых, об ответственности образованных слоев людей знания, людей культуры, людей науки за производство новых смыслов, за разнообразие образцов, без которых не могут идти процессы социальной дифференциации, без которых наше общество не может стать современным, открытым, разнообразным и демократичным.

Большое спасибо за внимание.

М. В. Сеславинский

Спасибо. Мы отпустим докладчика или позадаем вопросы? Я просто для того, чтобы все-таки у нас шла дискуссия, пару вопросов задам. По статистике, количество выпускаемых журналов у нас увеличивается. А по данным вашего исследования, количество читателей журналов падает. Как коррелируют эти цифры? Это, может быть, даже вопрос в аудиторию для нас самих, для агентства.

Н. А. Зоркая

Да, наверное, это вопрос для всех. Дело в том, что надо проанализировать собственно содержательную сторону: какие именно журналы начинают выпускаться. Мне кажется, что тиражируются довольно упрощенные образцы журнальной продукции, которыми аудитория журналов уже в каком-то смысле насытилась. Журналы, ориентированные на массовидного читателя, – это уже не так интересно.

М. В. Сеславинский

Это понятно, что журналы разные – от кроссвордов до «Нового мира». Но Вы-то даете нам общий посыл, что падает читательская аудитория журналов по всем направлениям, Вы ведь не выделяете элитную группу журналов.

Н. А. Зоркая

Нет, можно сказать, что эти раздробленные аудитории разных типов журналов более или менее сохраняются. Нельзя утверждать, что они резко сокращаются. Но происходит рост доли людей, которые вообще отказываются от чтения журналов. Сейчас их 54 %, раньше этот показатель был гораздо меньше. Сжимается общая совокупная аудитория всех журналов. Интересы раздроблены, мелки, и эта ситуация с журнальным чтением не развивается, она в каком-то смысле консервируется.

М. В. Сеславинский

Для меня вывод один: эту тему нам надо изучить более глубоко, потому что, не дифференцируясь на составные части, она не дает общей картинки. Вот я за последние три месяца сознательно стал читать меньше журналов. Это плюс или минус?

Н. А. Зоркая

Вы – это конкретный случай, а мы все-таки говорим о каких-то общих процессах.

М. В. Сеславинский

Я понимаю.

Н. А. Зоркая

Я думаю, что главная проблема в журнальной продукции – то, что журналы гуманитарного, общественного, общественно-политического профиля резко утратили свою аудиторию.

М. В. Сеславинский

Тогда об этом мы и должны были говорить. Мы теряем аудиторию элитных журналов.

Н. А. Зоркая

Это самая главная проблема, о которой я попыталась сказать – может быть, не очень внятно. Проблема острейшая, потому что эти журналы, собственно, и обеспечивают уровень читательской культуры, предлагают новые образцы, новые смыслы, новые образы мира, которые дальше уже воспринимаются более широкой аудиторией. И их аудитория раздроблена. Если брать журналы философской направленности, общегуманитарной направленности, то, судя по их тиражам, это журналы для очень узкой аудитории, в каком-то смысле это журналы «для своих».

М. В. Сеславинский

Наталья Андреевна, я еще кое-что хотел уточнить. Справедливо Джахан Поллыева говорила о том, что надо бить тревогу, надо достаточно внятные сигналы, «алармы» посылать. У вас есть четкая цифра: 46% никогда не читают. Я хотел бы перепроверить, 46% респондентов ответили, что они не читают никогда? Имеется в виду чтение книг или книг и журналов?

Н. А. Зоркая

Нет, имеются в виду книги. В принципе, если по этому показателю идти, больше всего люди не читают журналов, затем следуют книги, и 37% – самая меньшая доля – не читают газеты. Но при этом надо сказать, что в чтении газет за последние 10 лет наметилась тоже очень опасная тенденция, потому что читатели ежедневной общероссийской печати составляют минимальную часть, основная часть населения ориентирована на еженедельники, причем еженедельники близки к так называемой таблоидной, бульварной печати. Уже в начале 1990-х гг. просматривалась эта тенденция переориентации основной части людей на региональную, местную печать.

М. В. Сеславинский

И еще один вопрос – по поводу владельцев крупных домашних собраний. У Вас в тексте прозвучало, что 5–6% от всего населения имеют крупные домашние библиотеки.

Н. А. Зоркая

6 %. Но я суммировала данные по собраниям от 500 книг. Если иметь в виду, что книжная полка вмещает где-то 30 книг, то все-таки 500 книг – это уже большой книжный шкаф, и можно говорить о том, что это домашнее собрание имеет какую-то тематическую структуру и глубину.

М. В. Сеславинский

Вот смотрите... 46% населения говорят, что никогда не читают. А если мы возьмем оставшиеся 54%, то, судя по слайду, даже арифметическое сложение имеющих библиотеки показывает, что у нас, навскидку, 75% населения имеют дома библиотечку, скажем, от 50 до 1000 книг. Честно говоря, мне не совсем ясно. Может быть такое, что человек, который имеет дома библиотеку, хотя бы от одного книжного шкафа, никогда не читает?

Н. А. Зоркая

Нет, я же подчеркнула, что наши многолетние исследования, проводившиеся в Ленинской библиотеке, свидетельствуют: домашнее собрание до 100 книг нельзя называть домашней библиотекой. Это, как правило, какие-то учебники, случайные книжки, в том числе кулинарные, две полки книг, которые не представляют собой домашнюю библиотеку. Поэтому эти цифры плюсовать здесь не стоит. Я бы объединяла наоборот позиции «не имеют книг дома» и «имеют дома до 100 книг». Это дает картину доли населения, которая книг дома не имеет. Как видим, по последним данным, таких людей 63 %. Т.е. в принципе из тех людей, которые не имеют дома книг, все-таки какая-то часть читает.

М. В. Сеславинский

Хорошо. Пожалуйста, вопросы.

Вопрос из зала

Наталия Андреевна, когда Вы говорите о библиотеке, то не всегда понятно, какие библиотеки имеются в виду. На самом деле библиотеки есть публичные, сферы культуры, школьные, учебные и т.д. Где сейчас нет библиотек? Профессиональные библиотеки есть даже в государственных учреждениях, в пра-

вительственных структурах. Говорить, четко называя цифры, о том, что такое-то количество не читает, без разложения, мне кажется, сегодня проблематично. Есть ли у Вас данные более детального изучения аудиторией, которые могли бы, скажем, подтвердить Вашу окончательную цифру?

Н. А. Зоркая

Вы знаете, я уже говорила, что в приведенных данных о пользовании библиотеками эти 23 % включают все типы библиотек – публичные, городские, научные, учебные. Доля пользователей учебными и научными библиотеками очень невелика, не более 3 % всех опрошенных. Это пределы статистической погрешности, и такие цифры не позволяют давать более подробные сведения о читательском контингенте разных типов библиотек. Мы можем более или менее надежно говорить только о пользователях районными, городскими библиотеками общего типа, а для того чтобы говорить о других контингентах, уже нужно делать какой-то направленный опрос.

Вопрос из зала

Хотелось бы уточнить. Эти цифры относятся и к Москве?

Н. А. Зоркая

Да, конечно. И, по нашим данным, в Москве самый высокий показатель людей, которые не пользуются библиотеками в целом, – более 80 %. У нас есть и дифференцированные данные о каналах получения, ведь люди, покупающие книги в специализированных магазинах, – это один тип покупателя; покупающие в книжных супермаркетах – другой тип; люди, покупающие на лотках, в киосках, на развалах, – это третий тип. Такая более дробная информация у нас есть, просто в рамках моего выступления нельзя охватить все.

Вопрос из зала

Можно ли ознакомиться с вашими данными, для того чтобы более детально сопоставить их с данными наших исследований?

Н. А. Зоркая

Вы знаете, участникам конференции раздавалась брошюра, в которой опубликован отчет. Кроме того, можно обратиться к нам за дополнительной информацией.

Вопрос из зала

Вы сказали, что опрашивали 2000 человек. А кто по составу эти 2000 человек? Откуда они?

Н. А. Зоркая

2000 человек – это наша стандартная репрезентативная выборка. Опрос проходил в 127 населенных пунктах России и 46 регионах. Принцип отбора случайный. Выборка представляет население в целом по возрастной структуре, гендерной структуре, образовательной структуре и по типам поселения. На региональном уровне эти данные с трудом могут быть использованы. Я говорила о том, что разницу между регионами мы, конечно, такими средствами уловить просто не можем, это требует отдельных исследований. Данные по Москве мы тоже можем интерпретировать только в самом общем виде, говорить скорее о тенденциях. Кстати, я кое о чем не успела упомянуть в своем выступлении. Москвичи в начале 90-х гг. как раз и представляли собой в наибольшей степени лидеров чтения, группы опережающего прочтения, которые первыми размечали литературное поле, поле книжной продукции. Но они явно утратили эту роль, т.е. именно на чтении москвичей видно, что ценностно-нейтральное, неокрашенное отношение к книге начинает превалировать, хотя книги в Москве покупаются активно, и понятно, что Москва ими наиболее обеспечена.

Вопрос из зала

В вашем отчете есть таблица, показывающая изменения по жанровым предпочтениям в 2005–2008 гг. При том, что растет число тех, кто вообще не читает книги, здесь мы видим по всем жанрам рост. У меня вопрос: где мы видим стремительное падение? Я догадываюсь, что это может быть поэзия, русская классика, еще что-то.

Н. А. Зоркая

Вы знаете, к сожалению, трудно продемонстрировать на слайде все данные. Здесь приведены первые 15 позиций, а на самом деле список более длинный. Русская классика в принципе не слишком популярна, но падения там тоже нет.

М. В. Сеславинский

У Вас русская и советская классика с ростом идет – 4 %.

Н. А. Зоркая

Да, здесь есть некоторый рост. Но наблюдается общее падение чтения книг. Число читающих художественную литературу за три года сократилось на 20 %. Хотя те люди, которые читают, в каком-то смысле стали даже интенсивнее читать те жанры или те типы литературы, которые предпочитают.

М. В. Сеславинский

Значит, Российскому книжному союзу вместе с Агентством надо коррелировать итоги опросов со статистикой, которая есть у нас. Возникают вопросы: что у нас с выпуском литературы по жанрам и с количеством продаж? Какой возврат издательствам?

Это в принципе трудная работа, но за год ее можно осилить и провести еще одно более детальное исследование, взять нашу статистику и вашу, их состыковать, и тогда уже эти точки можно более достоверно выявлять.

Н. А. Зоркая

Это принципиально важная задача – координировать усилия всех специалистов, чтобы получить более подробную, систематическую картину.

Вопрос из зала

Хотелось бы уточнить: нас беспокоит чтение художественной литературы или вообще чтение, любое?

Н. А. Зоркая

Нас, меня, исследователей, образованный слой, конечно, беспокоит чтение вообще, а не чтение художественной литературы. Но как раз наше исследование показывает, что для значительной части людей чтение становится равноположенным чтению беллетристики. Другая литература, специализированная, интересует людей меньше, ее читает меньшее количество людей. «Читать» для большинства людей означает «читать художественную литературу». При том что само это понятие для читателя растяжимое. А по поводу того, о чем Вы говорили, я хотела еще добавить, что среди читателей, среди покупателей книг весьма активны молодые. По нашим данным видно, что они как раз покупают учебную, специализированную литературу – это понятно, потому что они, собственно, находятся в процессе обучения, в процессе становления. Но важным и тревожным является то, что более старшие возраста отходят от чтения, перестают читать (причем читать в широком смысле слова) и начинают меньше покупать.

Вопрос из зала

Простите, Наталия Андреевна, можно вернуться к слайду «Источники информации»? Тут получается, что почти 70 % узнают о книгах от друзей, знакомых, членов семьи, родственников. А у меня чисто практический вопрос: откуда о книгах узнают друзья, знакомые, члены семьи, родственники? Куда издателю прорываться с информацией о книгах? На телевидение, в газеты, в специализированные издания?

Н. А. Зоркая

Понятно, что в каждом кругу друзей и знакомых и близких все равно есть какие-то лидеры, которые и размечают для своих это поле книжной продукции. Но здесь важно именно то, что для такой огромной части людей авторитетом являются не СМИ, не учителя, не преподаватели вузов, не коллеги – мы видим, что всего 14 % о книгах узнают от своих соучеников, коллег, сослуживцев, – а именно круг «своих». Это говорит о том, что в обществе доминирует такая фрагментация групп, что каждый ориентирован только на своего близкого. Каких-то общих значений, общих смыслов, общих литературных, книжных событий не появляется. Даже респонденты с высшим образованием весьма слабо ориентированы на журналы и газеты как источник информации о новых книгах.

Вопрос из зала

Уважаемая Наталия Андреевна, в вашем исследовании рассматривается аудитория, которая читает книги, имеет книги в домашней библиотеке. При этом мы говорим все время о чтении, но забываем о том, что, скажем, Интернет, который сейчас бурно развивается в той же Москве, – это тоже огромный канал для чтения. Там можно скачать аудио-, видеопroduкцию. В Ваших исследованиях есть какая-то корреляция или оценка того, что, может быть, не уровень чтения падает, а меняются каналы поступления информации?

Н. А. Зоркая

Конечно, мы задавали и такой вопрос. По нашим данным, всего 4 % всех опрошенных используют Интернет для скачивания текстов и книг. 1 % использует Интернет как средство покупки книги. Мы знаем, что в целом по России активных пользователей Интернета пока всего 20 %. Конечно, в крупных городах этот показатель значительно выше. Можно говорить, что примерно 15 % всех россиян обращаются к Интернету с тем, чтобы читать интернет-версии печатных изданий, книг, обращаются к электронным библиотекам. Но чтение именно книг и текстов художественных, научных стоит на последнем месте. На первом месте в числе поводов обращения к Интернету – получение справочной информации, информации, необходимой для образования. В этом смысле нельзя говорить, что Интернет сейчас представляет новый канал, который сильно конкурирует с другими каналами. Пока все-таки охват населения еще незначительный.

М. В. Сеславинский

Конечно, информацию о пользовании Интернетом нужно приводить не по данным опроса. Есть достаточно четкая и достоверная статистика пользования Интернетом. И к следующему году нам с Управлением телерадиовещания эти данные надо продемонстрировать. Есть электронные библиотеки, есть данные об их посещаемости. Можно даже осуществить выборку, чтобы узнать, откуда эти посетители – из России или из других стран. Даже можно примерно понять, постоянная это аудитория или нет, потому что кто-то заходит на этот сайт 4 раза в неделю, а кто-то – раз в год. Разумеется, «Войну и мир» никто в Интернете не читает, не будет читать и читать не должен. Но в том, что касается справочно-энциклопедической информации и даже подготовки домашних заданий, Интернет выходит на первые места во всем мире. И я уверен, что

через 10 лет, если все будет развиваться так, как сейчас, никто уже не будет дома держать не то что Большую советскую энциклопедию или Большую российскую энциклопедию, но и энциклопедические словари. Плохо это или хорошо – отдельный вопрос, но динамика пока такая.

Н. А. Зоркая

Наши данные надо рассматривать, разумеется, как самые общие показатели активности использования Интернета. А если говорить о перспективах, энциклопедическая, справочная и словарная литература, я думаю, перейдет в интернет-пользование.

Вопрос из зала

Скажите, пожалуйста, Наталия Андреевна, а изучалась ли специально нечитающая аудитория – эти 46 %? Кто они, каковы мотивы отказа от чтения? Нам эта информация тоже важна, чтобы понять, в каком направлении работать именно с данной аудиторией. Проводилось ли такое исследование или планируется ли его проведение? Спасибо.

Н. А. Зоркая

Вы знаете, это просто вопрос более детального анализа данных, которые мы получили. Но можно в принципе сказать, что среди нечитателей преобладают пожилые возраста, люди с невысоким уровнем образования, с низким потребительским статусом, живущие на периферии. У них и так жизненный горизонт сужен, а тут он сужается еще сильнее. Но, конечно, это требует более детального анализа. Такой анализ возможен, просто нельзя все представить в рамках одного выступления. Есть кое-что, о чем я еще забыла упомянуть и

что мне кажется особенно тревожным. Именно люди с высшим образованием, а также люди в среднем и зрелом возрасте говорят, что за последние 10–15 лет стали читать гораздо меньше. Читать больше стали по самоощущению молодые, и в принципе это похоже на правду. А пожилые, социально слабые люди, социальная периферия вообще выпадают из читательской культуры. Мне кажется, это тоже должно вызывать опасения.

М. В. Сеславинский

Давайте завершать, коллеги. Вы меня извините за то, что сломал такой равномерный ход конференции. Мы бы, наверное, успели заслушать еще 5–6 выступлений, но мне кажется, что живое обсуждение полезнее. Наталья Андреевна, спасибо Вам большое, присаживайтесь, пожалуйста. Действительно, столько информации для размышления, что можно даже и растеряться. И первое, наверное, что мы сделаем по итогам конференции, – проведем свое ведомственное совещание, для того чтобы выявить направления дальнейших исследований, взять данные статистики и по выпуску книжной продукции, и по ее разнообразию, и по тематике, данные по посещаемости соответствующих сайтов в Интернете и по выпуску аудиокниг. Я бы еще посмотрел это в разрезе регионов. Не так давно я анализировал дифференциацию по выпуску газетной и книжной продукции на базе наших крупнейших полиграфических комбинатов. Картина настолько разная, что у меня нет ответа на вопрос, почему в одном месте выпуск книг, например, падает на 30%, в другом вырастает на 25%, в третьем падает на 60%. После такой оживленной дискуссии по заведенным традициям просто необходимо выпить кружку горячего чая или кофе. Объявляется перерыв на 15 минут. Спасибо.

Часть II

А. Н. Воропаев

Коллеги, прошу вас занимать свои места. Мы начинаем вторую часть нашего сегодняшнего пленарного заседания. После первой бурной дискуссионной части хотелось бы продолжить в таком же активном ключе. И для начала мы приглашаем Элен Тайс, президента Международной федерации библиотечных ассоциаций, директора библиотеки Университета города Дурбана, Южно-Африканская Республика.

Э. Тайс

Добрый день. Я Элен Тайс, директор Университетских библиотек в Дурбане и избранный президента ИФЛА с 2007 г. до 2009 г.

Прежде чем начать свое выступление, я хочу поблагодарить Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества за приглашение участвовать в этой конференции и возможность выступить перед вами. На меня произвела большое впечатление сегодняшняя дискуссия. Я могу только сказать: продолжайте делать то, что вы делаете.

Господин Кузьмин попросил меня рассказать о роли ИФЛА в поддержке и пропаганде чтения. Но сначала я хочу также дать общее представление о Южной Африке и о том, как у нас решается вопрос чтения.

Южная Африка разделена на 9 провинций, и каждая из них имеет свое законодательство и исполнительные органы власти. До 1994 г. библиотеки и чтение не были приоритетными направлениями, многие жители не имели доступа к книгам. К счастью, ситуация изменилась. На первый план выдвинулись вопросы развития чтения и библиотек, а также грамотности и доступа к

информации. И, конечно, построение инфраструктуры ИКТ – это тоже один из наших приоритетов. Для нас особенно важно в этом отношении вовлекать в работу не только библиотеки. Мы стремимся наладить партнерские отношения с другими культурными учреждениями, например, музеями и архивами и добиваться стабильного финансирования. Нужно также организовывать сотрудничество с местным сообществом. Мы пытаемся создать культуру чтения, при том что у нас очень большой процент неграмотного населения.

Теперь к вопросу о ИФЛА и чтении. Вы знаете, ИФЛА уже давно занимается проблемой содействия чтению. У нас специальная секция грамотности и пропаганды чтения. Секция была организована в 1997 г., и основная ее цель – служить трибуной для исследований и дискуссий. Мы также пропагандируем культуру письма и чтения, освещаем такие вопросы, например, как увеличение знания общества о значении чтения и общей грамотности. Как вы понимаете, это все те вещи, которые как раз являются темой данной конференции. Мы анализируем роль библиотек в постоянном повышении грамотности. Секция работает в сотрудничестве с другими секциями ИФЛА и другими международными ассоциациями, посвященным библиотекам и чтению, в том числе Международной ассоциацией чтения, а также с Международным советом по книгам для молодежи. Текущие стратегические цели секции заключаются в том, чтобы помогать библиотекам во всем мире развивать проекты и программы для поощрения чтения и поддержки грамотности, а также путем исследований и изданий способствовать лучшему пониманию значения чтения, грамотности и книжной культуры. Дальнейшие цели – осуществлять мониторинг и содействие распространению научных результатов, а также специальных пособий по содействию развитию чтения, а также повышать статус ИФЛА в сотрудничестве с другими международными организациями в этой сфере. На конгрессе ИФЛА в Милане в августе следующего года по грамотности и чтению будет заниматься различными вопросами чтения и грамотности в Италии

с точки зрения личностного роста, а также развития общества в целом. Эти программы будут в основном направлены на то, чтобы развивать все виды грамотности: базовую грамотность, информационную грамотность, многокультурную грамотность, визуальную грамотность, медиаграмотность, а также гражданскую и экономическую грамотность и библиотечную грамотность. Грамотность – это необходимое условие для чтения. Два этих умения дополняют друг друга, их нельзя рассматривать изолировано. С точки зрения XXI века есть 4 типа грамотности – информационная грамотность, медиаграмотность, визуальная грамотность и мультикультурная грамотность. Очень важно, чтобы все эти четыре вида осваивались человеком.

В рамках декады грамотности ООН осуществляется целый ряд международных проектов, которые поддерживают идею грамотности для всех. Вчерашние и сегодняшние дискуссии показались мне очень интересными, и, на мой взгляд, очень важно, чтобы вы делились тем, что вы делаете в вашей стране с остальным миром и знакомили их с вашими достижениями. И я думаю, что это обогатит участников Миланской конференции, тема которой – создание нации чтения, нации читателей. Мы слышали отчет об исследовании, которое было проведено в России, и я думаю, некоторые из его результатов совпадают показателями исследований, проводящихся в других странах мира.

Во всем мире взрослые и дети должны иметь доступ к материалам, к соответствующим книгам. Они должны знать, что такое держать в руках книгу. Например, я видела, как в Африке дети 13 или 16 лет впервые получили возможность иметь собственную книгу, и как же они были счастливы, когда держали ее в руках держать и говорили: «Это моя собственная книга!». Это меняет их жизнь навсегда. Я думаю, что это очень важный фактор.

Кроме того, необходима продуманная национальная политика развития чтения, а также специальные материалы, пропагандирующие чтение. Важно сотрудничество между разными агентствами и программами – именно это и происходит в России. Я

хотела бы подчеркнуть, что нельзя забывать о роли библиотеки и печатного текста. Мы слышали сегодня, что средства массовой информации используют электронные носители и самые современные технологии. Да, может быть, через 5–7 лет все научные журналы будут доступны в электронной форме. Но даже в современном обществе пользователи нам говорят: «Пожалуйста, сохраните библиотеки, мы не можем все получить через Интернет, мы хотим пользоваться библиотеками». Я посетила Скандинавию в этом году и поразились, чего они достигли. Они заново перестроили все библиотеки, и теперь у них пользователей библиотек больше, чем раньше, по абонементу выдача намного увеличилась по сравнению с прошлыми годами. Надо прислушиваться к населению и слышать, что именно им нужно. Сейчас уже очень важно, что молодежь считает, что это довольно стильно, здорово быть пользователем библиотеки. И, конечно, крайне необходимо, чтобы правительство поддерживало культуру и чтение.

Я приведу некоторые примеры национальных программ в поддержку чтения. Вы, наверное, уже слышали о них. Благодаря таким кампаниям библиотеки и чтение выходят на повестку дня общества. Есть программы «Нидерландцы читают», «Австрия читает», «Место встречи – библиотека». Все эти программы были очень успешными. В Нидерландах, например, посвятили целый месяц чтению одной книги по всей стране, эта книга была распространена среди всех библиотек бесплатно. Важно то, что этому примеру последовали и Австрия, и Германия. Привлекались знаменитости, средства массовой информации, и все библиотеки объединили усилия. И, безусловно, количество читателей выросло.

Я слышала вашу озабоченность тем, что большой процент населения вообще не читает, но дело в том, что аналогичная ситуация складывается и в других странах, в т.ч. развивающихся. И преимущества национальных кампаний развития чтения в том, например, что библиотеки становятся более заметными для общества. Представление о библиотеках изменяется, налаживается их взаимодействие с издательским бизнесом.

В заключении хочу подчеркнуть, что эту работу нельзя прекращать, это постоянный процесс. Вы должны продолжать искать новые модели и средства для развития чтения на всех уровнях общества. Нельзя останавливаться на достигнутом. Лучше всего не просто говорить о важности чтения, но и обеспечивать людям доступ к материалам для чтения, с тем, чтобы они сами с удовольствием читали. Надо проповедовать понимание чтения как условия личностного развития и развития общества в целом. Мы в Африке всегда говорим в терминах сообщества, мы коллективный народ и мы всегда стремимся к развитию не только одного человека, но всего местного сообщества. Мы уже слышали о примерах проектов в Великобритании вчера. У нас тоже есть программа «Рожденный читать». Малышам, пока они еще находятся в палате для новорожденных, уже приносят новые книжки. Необходимо постоянно осуществлять меры, которые обеспечивают развитие читателей, их образование, надо проводить постоянные кампании по пропаганде чтения, создавать партнерские отношения и перенимать имеющийся опыт.

Почему мы хотим содействовать развитию и грамотности? Потому что хотим, чтобы общество менялось. Зачем? Чтобы достичь социальной справедливости для всех, для каждого гражданина. Это наша глобальная задача.

И вновь хотела бы поблагодарить всех участников и организаторов за то, что меня пригласили в Россию. Я рада была встретиться с вами. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Элен, за очень интересный доклад. Мы надеемся, что Ваш приезд в Россию не последний и что между Россией и Южно-Африканской Республикой будет развиваться сотрудничество. Я помню, как в начале 90-х гг. на наши международные конференции приезжало очень много южноафриканцев. И

уже тогда мы сделали вывод о том, что схожих проблем у нас очень много. Надеюсь, что и наше сотрудничество с ИФЛА по линии чтения, информационной грамотности, медиаграмотности тоже будет развиваться. Мы постараемся перевести наши аналитические и методологические материалы хотя бы на один язык, английский, с тем чтобы, как Вы сказали, поделиться этими знаниями с другими странами.

А сейчас я предоставляю слово нашему английскому гостю, Тому Палмеру. Он вчера уже выступал с развернутым докладом, посвященным в основном технологиям продвижения чтения. Сегодня мы попросили Тома еще раз выступить, с более коротким сообщением и сделать в нем акцент на роли правительства в сфере чтения, на финансировании, на основных институтах поддержки чтения. Прошу Вас, Том.

Т. Палмер

Здравствуйте, благодарю Вас. Да, я буду говорить о финансировании программы развития чтения и читателей в Великобритании, прежде всего о прямом государственном финансировании. В 90-х гг. библиотеки начали осуществлять программы развития читателей самостоятельно, сначала без поддержки правительства. Но потом государство поняло, что создание культуры чтения будет стимулировать развитие экономики и улучшать жизнь общества в целом. Они начали создавать программы и вкладывать деньги в формирование читателей. Департамент культуры, средств массовой информации и спорта вложил в Национальную программу чтения 4 млн фунта стерлингов, которые пошли в первую очередь на финансирование кампании в средствах массовой информации и другую пропаганду чтения. Большинство этих денег распределялось через какие-то агентства под эгидой Национального треста грамотности. В этом году был проведен второй год чтения в Великобритании, и аналогичные суммы были инвестированы в эти проекты. В основном деньги трати-

лись на то, чтобы национальные средства массовой информации и крупнейшие газеты развивали чтение и библиотеки. Я хочу рассказать о тех органах или агентствах, которые были каналами распространения, доведения средств до получателей. Прежде всего это Совет по искусству. Деньги вручаются Совету, и он уже поощряет творчество в разных видах. Как я уже говорил вчера, в основном это поддержка писателей, а также ряд творческих мероприятий.

Национальный трест грамотности – это еще один из каналов. Был осуществлен целый ряд проектов, велась работа на уровне семей, чтобы родители приучали детей к чтению. Еще одна организация, которая называется Агентство по чтению, использует государственное финансирование для того, чтобы привлекать дополнительных партнеров и получить новые средства. У нас примерно 20 крупных коммерческих издателей, и они платят по 5 тыс. фунтов в год для того, чтобы стать партнерами Агентства. Таким образом, правительство дает первоначальный взнос, а издатели добавляют еще дополнительные тысячи и тысячи фунтов. За счет этого создаются новые читальные залы, расширяются библиотеки и т.д.

И, наконец, Книжный трест. Он пытается вовлечь семьи в эти программы и использует полученные от правительства средства на такие проекты, как, например, Book Start. Они также привлекают очень большое финансирование от коммерческих организаций. Например, супермаркеты вложили в эти проекты 6 млн фунтов, и издатели уже на протяжении 10 лет выдают бесплатные книги детям. Предполагается, что к 2011 году будет роздано бесплатных книг на 20 млн фунтов.

Я хочу еще раз повторить, что помимо средств массовой информации и издателей можно привлечь к этой работе много других партнеров. Я уже рассказывал про чтение звезд Премьер-Лиги. Мы стараемся привлечь разных партнеров, которые как-то связаны с чтением. Большое спасибо за ваше внимание.

А. Н. Воропаев

Большое спасибо. Я как представитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям хочу сказать, что опыт, который существует в Великобритании уже на протяжении почти 20 лет, мы старались использовать в качестве базиса при подготовке Национальной программы поддержки и развития чтения в России. Конечно, нельзя было копировать этот опыт в полной мере, но какие-то элементы нами за основу были взяты. Разумеется, мы опирались не только на британский опыт, но и на опыт ряда других европейских стран, опыт Соединенных Штатов.

Безусловно, еще не все возможности использованы. Например, г-н Палмер в своем выступлении говорил о партнерских отношениях, в частности об отношениях с футбольными клубами. Возможно взаимодействие и с производителями продуктов питания, особенно детских, и т.д. Здесь есть о чем подумать. Полагаю, со временем мы будем эти пробелы постепенно ликвидировать, с тем чтобы как-то начинать исправлять ту катастрофическую ситуацию, которую мы обсуждали в первой части нашего сегодняшнего заседания. И для того чтобы продолжить эту тему, связать выступления наших зарубежных коллег с теми данными, которые были озвучены в первой части заседания Натальей Андреевной, я хотел бы попросить выступить Евгения Ивановича Кузьмина. Он расскажет о том, какие уже есть успехи и какие остаются проблемы именно на пути второго года реализации Национальной программы поддержки и развития чтения.

Е. И. Кузьмин

Добрый день, уважаемые коллеги.

Мне очень нравится, как идет конференция, я считаю, что практически не было выступлений, которые можно было бы оценить ниже, чем на пять с минусом.

Хочу поделиться с вами своими соображениями о том, что в сфере чтения мы все вместе уже сделали, что мы сейчас делаем и что нам предстоит сделать. Весной мы начали вести разговор о том, что все наши усилия по продвижению чтения, по реализации Национальной программы поддержки и развития чтения не должны предприниматься вслепую. Нам нужен серьезный анализ того, что произошло с момента принятия Национальной программы, и ясные представления о том, что происходит сейчас. Напомню, что программа разрабатывалась Российским книжным союзом с конца 2005 г., а с весны 2006 г. активную деятельность в этом направлении начало вести Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Сначала был период острых споров, но потом он завершился консенсусом. В результате в ноябре 2006 г. программа была принята. Хочу обратить Ваше внимание на то, что, не дожидаясь принятия Национальной программы, некоторые регионы, например, Бурятия, 2006 г. объявили Годом чтения, и там прошло огромное количество акций в поддержку чтения, библиотеки получили существенное финансирование на пополнение своих фондов, на проведение семинаров, конференций и т.д. В ряде других регионов 2007 г. также был объявлен Годом чтения или Годом русского языка и чтения, или Годом русского языка, но и в рамках последнего проводилось много мероприятий по чтению.

И уже тогда было видно, что деятельность в сфере поддержки чтения нарастает. Стало понятно, что эта деятельность нуждается в научном осмыслении, в упорядочении, в выявлении и распространении передового опыта. Начала возникать потребность в людях, которые смогут продвигать чтение, будучи вооружены новыми специальными знаниями в этой области.

В ответ на эту потребность впервые в истории новейшей российской культуры появились курсы повышения квалификации промоутеров чтения. Они были организованы АПРИКТ и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества при поддержке Министерства культуры Российской Федерации (в то время – Федерального агентства по культуре и кинематографии).

Мы начали накапливать опыт в области подготовки кадров. Было апробировано несколько программ подготовки – краткосрочной (в течение одной недели) и среднесрочной (в течение 2 месяцев). Очень трудно было найти преподавателей для этих курсов, и понять, чему же нужно учить тех библиотекарей, которые профессионально занимаются поддержкой и развитием чтения.

Мы заказывали научные исследования, публиковали методические материалы, распространяли их. Мы проводили межрегиональные и региональные семинары, использовали все крупные конференции библиотечных и информационных специалистов, для того чтобы организовать там секцию, семинар, или круглый стол по чтению. Это было и на крымских конференциях, и на ежегодных конференциях Российской библиотечной ассоциации. Мы также пытались получить трибуну на конференциях книготорговых работников, издателей, учителей, иногда удавалось наладить успешные контакты с журналистами.

И вот на фоне нарастающей деятельности по продвижению чтения мы, наконец, получили результаты социологического исследования «Чтение в России–2008». Что они показали? **На фоне всех предпринятых усилий ситуация в сфере чтения в России существенно ухудшилась, причем по всем параметрам.** Это означает следующее: либо наша деятельность затормозила еще более сильное падение, либо она не была достаточно эффективной. Скорее всего – и то, и другое.

Надо понять, почему так происходит. Ведь еще при разработке Национальной программы мы задумывались о том, как сделать свою работу более эффективной. Вспомним, что основные идеи этой программы заключаются в том, что продвигаться должно не только чтение художественной литературы (к чему привыкли многие, причем не только библиотекари), но и чтение другой литературы – научной, научно-популярной, литературы по разным областям знаний. Не только чтение книг, но и чтение газет, журналов и чтение в Интернете.

Проблемы чтения в России являются отражением глобальных проблем в этой сфере, связанных с развитием Интернета, информационных технологий, с массовым использованием электронных СМИ и с бурным развитием индустрии развлечений. Чтение начало вытесняться новыми технологиями на периферию свободного времени и даже на периферию профессиональной деятельности. Наши исследования показывают, что специалисты читают меньше профессиональной литературы, довольствуются все более упрощенными текстами и упрощенными образцами.

В отличие от многих других стран инфраструктура институтов поддержки и развития чтения в Российской Федерации ослаблена. Это связано, как отметил Борис Дубин, с разложением советского социума, с невниманием прежде всего государства к книжной сфере культуры. Кроме того, это связано с тем, что пока еще слишком медленно создаются новые институты поддержки и развития чтения. Российские издатели – это в основном **новые** издатели, потому что советские издательства (даже лучшие из них) прекратили свое существование. Потребуется время, пока они обретут высокую профессиональную квалификацию и необходимый уровень общекультурной компетентности. Это связано с тем, что и сети книгораспространения, которые в советское время были для той эпохи сравнительно эффективны, сейчас заменяются на принципиально новые, и на авансцену вышли новые книготорговцы. Это связано с невниманием к библиотекам, с изменением общей подготовки школьников и студентов, с тем, что сегодня практически нет изданий, которые можно было бы назвать общенациональными – они, как мы слышали, сегодня регионализированы, и население читает в основном региональные толстые еженедельные газеты, приближенные к таблоидам.

Иными словами, чтение в России и проблемы чтения в России имеют ярко выраженную специфику, связанную со слабостью институтов поддержки и развития чтения. Потому что в Программе мы говорили о системном кризисе читательской культуры, книжной культуры в России.

Системный кризис требует системных мер по выходу из него. В Программе были определены пять основных направлений деятельности: библиотеки, образовательная система, книжная торговля, книгоиздание, средства массовой информации. Сегодня мы можем и должны оценить и степень достигнутого в интеллектуальном и практическом плане, и степень осмысленности наших действий на каждом направлении.

В Национальной программе поддержки и развития чтения речь шла о том, что проблемы столь обширны, многообразны, многоуровневы и многоаспектны, что нельзя замахиваться сразу на все, нужно формировать пилотные проекты, всесторонне осмыслять их еще на стадии проектирования, осуществлять и анализировать результаты. Этим нужно кропотливо заниматься, по крайней мере, в течение первых лет, для того чтобы отсеять неуспешные, малоэффективные и выявить успешные образцы работы, направленной на решение каких-то конкретных российских проблем в конкретных российских регионах.

О чем еще говорится в Программе? О том, что нужна адресная работа, что все пилотные проекты должны быть адресованы конкретным социальным группам с их отчетливо выраженными читательскими интересами, либо, напротив, людям нечитающим, но тогда необходимо понимать, почему они не читают и что можно сделать, чтобы привлечь их к чтению. Эти проекты должны дифференцироваться также по типам поселений: столичный мегаполис, большой город, средний город, малый город, село. Набор действий по привлечению людей к чтению в Москве должен быть совершенно иным, чем в малом городе, где нет такого обилия книг, нет такого количества подготовленных людей, нет Интернета, куда не доходят в большом количестве центральные журналы и центральные газеты, где население намного беднее, чем в Москве и в крупных городах. Кроме того, нужно совершенно ясно отдавать себе отчет, с какими типами изданий мы работаем, осуществляя тот или иной проект: с книгами, с газетами, с журналами, с электронными книгами, с Ин-

тернетом – и для кого мы это делаем. И, конечно, жанры. Мы видели сегодня по результатам исследования, какой разброс интереса к тем или иным литературным жанрам.

Такой дифференцированной и адресной работы пока еще очень мало. В основном все проекты адресуются абстрактному большинству населения, абстрактным читателям, абстрактным пользователям библиотек.

В Национальной программе особый акцент делался на то, что и в начале планирования тех или иных проектов, и по их результатам необходимо производить оценку их социальной эффективности. Подобных методик в мире нет, поэтому мы начали их разрабатывать сами. Пока эти методики не применялись, но проект готов, и мы можем запускать его в тех библиотеках, которые хотят начать использовать эти методики – пусть сначала для самооценки, для лучшего понимания того, что библиотека планирует и каких результатов намерена добиться.

Это, естественно, не отменяет ни общероссийских социологических исследований, ни региональных исследований проблем чтения. Вчера на секции СМИ и пропаганды чтения говорилось о том, что методики Левада-Центра можно было бы использовать в регионах. Левада-Центр мог бы вступить в контакт с региональными властями, которые хотят получить четкую картину того, что же происходит в их регионах в результате принятия целенаправленных действий как по линии культуры, так и по линии образования. Чрезвычайно важно знать, изменилась ли ситуация к лучшему, особенно учитывая то обстоятельство, что регионы абсолютно не похожи друг на друга и различия между ними порой имеют драматический характер. В двух разных регионах предпринимаются одни и те же действия, но в одном регионе ситуация улучшается, а в другом – ухудшается. Да, социологические исследования тоже требуют денег. Да, наверное, можно еще какое-то время действовать вслепую, но не долго. И главное – зачем? Пора переходить к осмысленным действиям и к грамотной оценке их результатов.

Я хотел бы также привлечь ваше внимание к научно-издательской деятельности Межрегионального центра библиотечного сотрудничества. По поручению Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры Российской Федерации мы подготовили и опубликовали целый ряд методологических работ, методических рекомендаций и два сборника аналитических статей. Мы стараемся действовать системно, наращивая добываемые и накапливаемые знания.

В прошлом году нами были выпущены рекомендации для региональных властей. Нашей целью было помочь им правильно организовать деятельность по разработке региональных программ, с тем чтобы избежать многочисленных ошибок и ненужных конфликтов, которыми сопровождался процесс разработки Национальной программы (эти ошибки были нами тщательно проанализированы). Рекомендации были призваны помочь региональным властям разработать такие региональные программы, которые в своем целеполагании совпадали бы с Национальной программой. Где-то эти рекомендации были приняты к сведению, где-то не были замечены, и в результате в ряде регионов были разработаны региональные программы, которые не имеют ничего общего с Национальной программой. Хорошего в этом мало.

Были разработаны рекомендации для библиотек по организации социокультурного пространства реализации Национальной программы на локальном уровне. Поскольку существует много типов библиотек и все они очень разные (и университетские библиотеки, и крупные региональные, и небольшие городские публичные библиотеки, и сельские, и школьные), естественно, что по-хорошему для каждого типа библиотек надо разрабатывать свои специфические рекомендации, учитывая при этом и то, в какой социокультурной и экономической ситуации действует та или иная библиотека, и какие там существуют местные традиции и т.д. Но начали мы с методических рекомендаций, имеющих общий характер.

Многим показалось, что эти материалы написаны слишком сложным языком. Да, они написаны непривычно для библиотекарей, но вполне по силам всем образованным людям, особенно при вдумчивом внимательном чтении (а мы в нашей Национальной программе призываем к вдумчивому внимательному чтению). Все это постижимо. Тем не менее в отдельных случаях мы решили облегчить задачу и, например, на основе общих рекомендаций попросили Российскую государственную детскую библиотеку разработать рекомендации для детских библиотек, приблизив все новые методы и новые наработки к уровню понимания тех, кто непосредственно работает с детьми – не только детских библиотекарей, но и родителей, и учителей.

Кроме того, другие наши специалисты разработали концепцию действий региональных властей по организации поддержки детского и юношеского чтения.

Таким образом, набрался вполне приличный набор материалов в помощь тем, кто планирует эту работу. В этом году мы попросили собрать лучший опыт учителей в сфере поддержки и развития чтения. Нам казалось это очень важным, поскольку учителя плохо контактируют и очень редко встречаются с библиотекарями. И в результате получилась книга «Школа как территория чтения». Первая статья в ней вообще читается как высокохудожественный триллер.

Очень неудовлетворительно обстоит дело с представлением деятельности всех наших институтов в средствах массовой информации. Тем более что СМИ и журналисты сами нуждаются в методологической поддержке, в обучении, в разъяснении того, в чем заключается проблема чтения в мире, почему она именно сегодня, в условиях бурного формирования глобального информационного общества, актуальна, как никогда прежде. Информационные потоки усложняются, информации поступает все больше и больше, и эффективность работы всех структур общества зависит от освоения ими всей этой полезной информации. Одни институты производят информацию в необходимых и до-

статочных количествах, а другие институты эту информацию отслеживают, упорядочивают, хранят, предоставляют в пользование. Журналистам надо разъяснять, что проблема чтения намного шире, глубже, сложнее, чем принято думать на бытовом уровне. И мы выпустили пособие по работе со средствами массовой информации в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. Когда выступал Том Палмер, он говорил о том, что в Великобритании огромные деньги тратились на то, чтобы через средства массовой информации начать привлекать общественное внимание в важности проблемы чтения. Сегодня у нас невозможно скопировать этот метод, потому что наши журналисты смогут осветить лишь очень маленькую часть этой проблематики, и даже для этого их сначала надо готовить.

Наконец, сегодня у нас есть методические рекомендации о том, как и чему нужно учить для того, чтобы повышалась читательская компетентность – это один из базовых концептов Национальной программы.

Я хотел бы выразить благодарность людям, которые создавали все эти книги: Эльне Александровне Орловой, одному из наших лучших культурологов и социологов; Евгении Владимировне Куликовой, заместителю директора Российской государственной детской библиотеки; Виолетте Яковлевне Аскаровой, заведующей кафедрой и руководителю Центра чтения Челябинской государственной академии культуры и искусств; Сергею Владимировичу Волкову, главному редактору газеты «Литература» издательского дома «Первое сентября».

В прошлом году мы активно работали с Ольгой Константиновной Громовой, главным редактором газеты «Библиотека в школе», и выпустили книжку «Как разорвать замкнутый круг», где дается философский, культурологический, исторический анализ происхождения проблемы чтения вообще и в России в частности. Там описаны действия по преодолению этих проблем в Швеции, в Великобритании, в Соединенных Штатах Америки. Это чрезвычайно интересные материалы.

Кроме того, с Виолеттой Яковлевной Аскаровой мы делали книжку «Поддержка развития чтения в библиотечном пространстве России».

А по результатам нашей прошлогодней конференции в Президент-Отеле выпущен сборник ее материалов. Это чрезвычайно интересное, увлекательное чтение, которое одновременно и фиксирует уровень осмысления проблемы чтения на 20 ноября прошлого года, и содержит огромное количество новых идей, не вошедших в эти книги

Я считаю, что необходимо начать делиться нашими исследованиями, нашими работками с зарубежными коллегами. Это неправильно, что мы черпаем их опыт и не представляем свой опыт на английском языке. Национальная программа поддержки и развития чтения сейчас существует не только на русском, но и на английском языке тоже. Надо начинать переводить и другие наши материалы.

По итогам этой конференции мы должны принять итоговый документ. И в нем, на мой взгляд, необходимо зафиксировать в наиболее общем виде, что же происходит сегодня с чтением в России, и сделать надлежащие выводы.

Пока мы не можем похвастаться успехами во взаимодействии с образовательным сообществом, и на уровне федеральных и региональных органов управления образованием еще крайне мало людей, которых мы могли бы назвать нашими союзниками, нашими единомышленниками, нашими партнерами.

У нас нет существенного актива в журналистской среде (за редкими исключениями).

Пока еще наши книготорговцы и книгоиздатели не заняты напрямую этими проблемами и их осмыслением, хотя Российский книжный союз, я считаю, немало сделал за последний год в плане развития книготорговой сети. Его представители ездили по регионам, разговаривали с губернаторами, убеждали их в том, что нужно создавать льготные условия для открытия хо-

роших книжных магазинов. Эта работа чрезвычайно ценна. Российский книжный союз сегодня олицетворяет собой книготорговое книгоиздательское сообщество. Мы будем строить с ним это взаимодействие. Результаты на данный момент вполне неплохие, но еще предстоит сделать очень много и по сближению позиций, и по унифицированию понимания и формулирования основных проблем.

Библиотечная среда наиболее активна, наиболее продвинута, очень много делает, но тоже пока еще в основном вслепую, без оценки эффективности того, что делается, без отслеживания последствий. Это вполне естественно, потому что невозможно сразу создать инструменты и для самооценки, и для внешней оценки, и для мониторинга. Но постепенно их нужно создавать, и не только совместно с библиотеками, но и вместе со всеми, кто реализует какие-то проекты по чтению, потому что сейчас наступает этап экспериментальной отработки разработанных методик, этап их внедрения и – если дело будет идти неплохо – этап массового тиражирования и массового внедрения этих методик. Надеюсь, что нам это удастся.

Ясно, что деятельность по продвижению чтения нуждается в гораздо более широкой политической и общественной поддержке, нежели сейчас. Для того чтобы эту поддержку получить, наше книжное сообщество должно быть вооружено ясными знаниями и четкими представлениями о том, чего мы хотим и что мы предлагаем сделать, каких объемов средств нам не хватает для того, чтобы действовать эффективно.

Пока такого глубокого, настоящего понимания, полного осмысления и убежденности нет. Об этом говорилось на всех секциях, особенно подробно – на секции «СМИ и пропаганда чтения». Постоянно звучал вопрос: мы хотим, чтобы средства массовой информации больше об этом писали, но что мы сами можем им предложить? Есть ли у нас интересно поданные материалы, которые сразу «цепляют» и не оставляют равнодушными? Мы не можем пока из обилия фактов выбрать 4–5, чтобы после их опуб-

ликования все ахнули и сказали: «Это действительно ужас!». Мы не можем назвать 5–6 проектов, которые вызвали бы реакцию: «Да, это потрясающе, это нужно тиражировать, мы будем давать на это деньги». Мы сами пока еще это недостаточно осмыслили, не только на уровне массовой печати, но даже и в нашей профессиональной прессе. Мы обижаемся на журналистов общероссийских изданий, что они пока не пишут о проблемах чтения глубоко и ярко, но ведь даже журналисты профильных изданий пока не пишут об этом ярко и убедительно.

Мы надеемся, что на уровне всего российского общества в первую очередь будут оценены усилия Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры Российской Федерации. На политическом уровне именно они являются выразителями идей той части книжного сообщества, которая бьет тревогу. Думаю, я выражу общее мнение, сказав, что мы готовы помогать нашим замечательным руководителям в Минкульте и в Роспечати, ведь мы воспринимаем их в большей степени как часть нашей профессиональной среды, нежели как людей, которые отдают нам приказы, распоряжения и прочее. И вместе с ними мы можем добиться гораздо более впечатляющих результатов.

Если посмотреть, что же происходило с чтением в развитых странах, то можно сделать такой вывод: мы, очевидно, находимся на этапе, который Том Палмер охарактеризовал следующим образом: сначала библиотеки начали этим заниматься без поддержки правительства, прошло несколько лет, и правительство увидело, что эта деятельность интересна, что она может помочь развитию экономики и улучшить жизнь общества.

В принципе, мы вправе рассчитывать на то, что такой же ход истории будет повторен и у нас в России. И рассчитывать на целенаправленное финансирование проектов поддержки и развития чтения, соответствующее стоящим перед нами сложным задачам.

Благодарю вас за внимание.

А. Н. Воропаев

Спасибо, Евгений Иванович. Вопросы? Пожалуйста. Юрий Николаевич Сапожников, Ассоциация книгораспространителей.

Ю. Н. Сапожников

Сначала небольшая ремарка. Уважая Российский книжный союз, я считаю, что правильно было бы сказать и об Ассоциации книгораспространителей независимых государств, которая стремилась и стремится и дальше продолжать деятельность в этом направлении. Ассоциация является по существу пока монополистом в вопросах нашего сотрудничества с странами СНГ и основную тяжесть улучшения этого сотрудничества взяла на себя.

Переходя к моему вопросу. Евгений Иванович, Вы помните, наверное, как нам раньше помогало общество книголюбов. Была огромная организация, были освобожденные работники в каждой области, конференции и съезды этого общества проводились даже не в Президент-Отеле, а в Кремлевском дворце. И вот у меня вопрос. Как Вы, очень уважаемый и квалифицированный специалист, полагаете, есть ли у нас какие-то возможности и, самое главное, потребность в восстановлении такого движения?

Е. И. Кузьмин

Я считаю, что потребность в этом колоссальна. Надеюсь, что в результате нашей деятельности по реализации Национальной программы, по продвижению чтения подобные ячейки, клубы будут снова возникать и в конце концов станут заметны. А их объединения, их ассоциации будут напоминать в итоге Все-союзное общество книголюбов, которое в советское время было мощным, уважаемым и эффективным.

А. Н. Воропаев

Спасибо. Еще вопросы есть? Как вы могли заметить, красной нитью выступления Евгения Ивановича было то, что нам нужны скоординированные, объединенные усилия. Речь идет не только о Федеральном агентстве по печати и Министерстве культуры как государственных органах, но также, безусловно, о средствах массовой информации, общественных организациях, книгоиздателях и книгораспространителях, учителях, библиотекарях и т.д. Только объединив усилия, на, возможно, удастся добиться того, чтобы в Государственной Думе был представитель от книжного сообщества.

Работа нашей конференции была разбита на три секции. Первая секция называлась «Библиотеки и образование», вторая – «Книгоиздание и книгораспространение», третья – «СМИ и пропаганда чтения». Поскольку мы знаем, что многие хотели побывать на всех трех секциях одновременно, но по понятным причинам не могли этого сделать, мы решили в заключение второй части нашего пленарного заседания подвести итоги, чтобы познакомить с ними тех, кто не смог вчера побывать на всех секциях. Евгений Иванович уже сказал немного о работе своей секции. Я хотел бы теперь предоставить буквально пять минут Татьяне Львовне Маниловой, а потом я вкратце расскажу о секции «Книгоиздание и книгораспространение», с тем чтобы вы могли подойти к выработке резолюции.

Т. Л. Манилова

Уважаемые коллеги, наша секция, на мой взгляд, поработала очень плодотворно, дискуссия была длительная – нам позволили это сделать организаторы – и достаточно жаркая. Я не считала специально количество присутствующих, но, судя по тому, что был почти заполнен Зеленый зал, это человек 60, не меньше. Доминировали библиотекари. Выступило 20 человек, и подавляющее большинство выступлений каса-

лось библиотек. Я старалась тщательно фиксировать конкретные идеи, которые были высказаны, и потом целый ряд участников передали свои предложения в письменном виде. Думаю, мы эти предложения обобщим, опишем, предоставим организаторам и разместим на сайте. В целом участники одобрили проект резолюции, итогового документа нашей конференции, но было внесено несколько замечаний и дополнений, которые я тоже передам в рабочем порядке.

Обобщая ту информацию, которую вчера предоставили выступающие и которую я успела за это короткое время в некоторой мере осмыслить, могу сказать, что в целом характеристика ситуации такова: работа по продвижению чтения велась и раньше, до появления Национальной программы, но Национальная программа подтвердила правильность выбранного пути, дала ориентиры, систематизировав проблему и предложив направления ее решения.

После принятия Программы активизировалась деятельность со стороны тех, кто уже участвовал, но были вовлечены и новые силы. Самое главное – началась активная системная работа по реализации Программы самими ее создателями. Основной результат – выявление, описание и обобщение уже существующего опыта, разработка методик (о чем Евгений Иванович сейчас достаточно подробно говорил) и особенно их публикация. Мой многолетний опыт общения с профессиональной средой говорит о следующем: очень небольшая активная часть профессионалов, занимаясь разработкой какой-то проблемы, вначале практически обречена на невосприятие большинством остальных людей. Однако идет постепенный процесс развития проблемы, работа над ней, и все больше людей начинают понимать, осознавать, увлекаться, вести деятельность в этой сфере. Опыт работы по другим направлениям говорит, что первые публикации, самые передовые, частью других людей – не всеми! – начинают быть востребованы примерно через пять лет. Это подтверждает наш опыт с информатизацией. Поэтому чрезвычайно важно, что есть публикации, есть книги, к которым можно будет впоследствии обращаться тем, кто начнет заниматься этой деятельностью.

Конечно, принципиально ситуация за этот период времени не могла измениться и не изменилась. Национальная программа поставила перед нами ряд задач, сейчас идет этап накопления ресурсов для решения этих задач, прежде всего, ресурсов человеческих и интеллектуальных. Однако отдельная инфраструктура продвижения чтения еще не создана, хотя на примере британского опыта, о котором рассказывал Том, мы видим, что она необходима. У нас сейчас продвижением чтения занимаются другие институции, которые так или иначе связаны с решением смежных проблем. Что делать? Я не буду оригинальной и повторяю то, что вы уже слышали: объединять ресурсы, активнее взаимодействовать, прежде всего междисциплинарно, межсекционно. Практически все участники обсуждения у нас на секции высказывались за необходимость активизировать сотрудничество в первую очередь между библиотеками и образовательными учреждениями. Второе, что надо делать (об этом также говорили большинство выступавших), – это учить. Приведу всего пару примеров тех идей, которые прозвучали на нашей секции. Во-первых, можно ввести специальный курс системного повышения квалификации учителей. Во-вторых, можно проводить совместные профессиональные семинары и встречи для учителей и библиотекарей. Необходимо развивать исследования чтения, привлекать деловые круги и, конечно, государственное финансирование. Наконец, нужно активно пиарить Программу, нашу деятельность, наши идеи и наработки, прежде всего в СМИ. Это позволит привлечь к работе как можно больше людей, имеющих отношение к проблеме чтения и нечтения; увеличить количество наших сторонников. Высказано предложение создать ассоциацию по поддержке и развитию чтения (это предложение поступило в письменном виде). Я не знаю, готовы ли мы сейчас создавать ассоциацию, но мне кажется, что было бы целесообразно создать некий координационный совет, который мог бы работать в промежутках между конференциями – а они, как я понимаю, станут ежегодными. Кроме того, предлагалось создать сайт, на котором можно раз-

мещать материалы, наработки различных регионов и вокруг которого, соответственно, будет выстраиваться сетевое взаимодействие. Фонд «Пушкинская библиотека» уже предложил для этого свой сайт «Чтение–21», упоминался и сайт МЦБС, как главного организатора работы по продвижению чтения и книги в рамках Национальной программы чтения.

И последнее, что хотелось бы отметить: наш личный опыт, опыт отдела библиотек, учит, что если начинать что-то делать даже с абсолютного нуля (как это было с информатизацией в общедоступных библиотеках России), но по возможности максимально активно и широко этим заниматься, то уже через 10 лет появляются впечатляющие результаты.

Спасибо.

А. Н. Воропаев

Спасибо, Татьяна Львовна.

Секция «Книгоиздание и книжная торговля», наверное, была самой малочисленной по количеству участников (порядка 40 человек, из которых выступили приблизительно 20), но одной из самых острых по напряженности дискуссий и накалу страстей. Она затрагивала злободневные проблемы: как финансовая нестабильность коснется сектора книгоиздания и книгораспространения, как это повлияет на вопросы поддержки чтения, на чтение в стране в целом. Надо сказать, что статистика первых 9 месяцев этого года показывает не столь печальные результаты. Есть максимальная оценка, есть оценка средняя и оценка пессимистичная. По самым пессимистичным оценкам, мы ожидаем за этот год прирост по количеству названий приблизительно на уровне 4–5% по сравнению с прошлым. Если брать оптимистичную оценку, то Книжная палата уверяет, что мы получим рост в 15%, а это порядка 125 тыс. наименований книг и брошюр. Мы не будем опережать события, дождемся итогов этого года. Но ясно одно: в этом году у нас все равно будет рост. Несмотря на то, что некоторые

кризисные явления наблюдаются уже начиная с осени, мы получим рост и по количеству выпускаемых названий, и по количеству тиражных показателей. Кризисные явления мы скорее всего начнем ощущать в первом квартале следующего года. Но и в целом, наверное, по 2009 г. мы получим скорее не снижение количества выпускаемых названий, а замедление темпов роста. А вот снижения тиражей, видимо, все-таки стоит ожидать, хотя бы незначительного. С какими проблемами столкнутся издатели? Прежде всего, конечно же, это кризис неплатежей, о котором уже сейчас говорят все чаще, который все больше проявляется и все сильнее ударяет по покупателям, т.е. по нашим читателям. Издатели, книготорговцы отмечают, что есть два пути решения этой проблемы: либо сокращение сотрудников при сохранении зарплат, либо сокращение зарплат и сохранение сотрудников. Каждый здесь сам решает этот вопрос, руководствуясь реальной ситуацией. Надо полагать, снижение тиражей и заморозка определенных издательских проектов в первую очередь коснутся именно проектов социально значимых, а предпочтение будет отдано тем, которые смогут быстрее принести прибыль. Таким образом, нас, по всей видимости, при снижении определенных количественных показателей ожидает еще и коммерциализация ассортимента. На протяжении нескольких последних лет мы отмечали положительные тенденции на рынке, говорили, что у нас коммерческая книга постепенно начинает уступать место книге серьезной, требующей вдумчивого чтения. Однако теперь мы очень опасаемся, что процесс может повернуть вспять.

Мне кажется, вопреки прогнозам некоторых аналитиков, в этом отношении роль государственного регулятора на книжном рынке в лице Федерального агентства по печати скорее все же будет возрастать. Во-первых, возрастет роль той адресной поддержки, которую мы оказываем ряду издательских социально значимых проектов. Вы знаете, что мы поддерживаем порядка 500–700 названий, которые входят в Федеральную программу «Культура России». В этом году было и еще будет поддержано порядка 620 названий. Конечно же, это капля в море, но тем не менее в 2009 г. (точнее, уже в 2008 г.) мы ожидаем увеличения

заявок, потому что есть ряд проектов, которые издательствам просто будет жалко замораживать.

Мы ожидаем возрастания роли мероприятий, которые поддерживаем в рамках нашего федерального бюджета. В их число входят и мероприятия по поддержке чтения, в том числе наша нынешняя конференция. Кроме того, в прошлом году у нас был Год русского языка, в следующем году будет Год молодежи. Безусловно, мы эти возможности будем использовать и оптимизировать их под нужды рынка и нужды сегодняшнего дня.

Несомненно, будет возрастать и наша роль в международной деятельности, в пропаганде русского языка за рубежом, пропаганде российской книги за рубежом. Эту задачу ставят перед нами Президент и Правительство Российской Федерации.

Но при возрастающей роли государства в нынешних условиях мы будем стремиться к тому, чтобы и бизнес был социально ответственен перед обществом. Мы не можем позволить, чтобы рынок пошел вспять и вновь начался выпуск изданий плохого качества. Издательское сообщество должно проявить ответственность перед своими читателями и не допустить того, чтобы книга снова выходила с ошибками, на серой бумаге.

Я говорил о проблемах сокращения числа сотрудников. Кого будут сокращать в издательствах – редакторский корпус или сотрудников маркетинговых отделов, менеджеров? Каждое издательство будет подходить к решению этого вопроса самостоятельно. В этом отношении нам всем нужно задуматься на том, как строить диалог государства и бизнеса, бизнеса и общества, читателя и издателя. Еще раз возвращаюсь к словам Евгения Ивановича, который говорил про то, что нам нужно объединять усилия, объединять возможности и бизнеса, и общества, и государства на благо нашего читателя.

После перерыва нас ожидает еще несколько докладов, уверен, не менее интересных, чем в первой и второй частях нашего заседания.

До встречи после перерыва.

Часть III

Т. Л. Манилова

Итак, мы продолжаем нашу работу. Я приглашаю Евгению Владимировну Куликову, заместителя директора Российской государственной детской библиотеки.

Е. В. Куликова

Добрый день. Поскольку я представляю детскую библиотеку, то в своем выступлении сосредоточусь в основном на чтении детей и главным образом – на чтении художественной литературы, поскольку чтение справочной, профессиональной, научной литературы у детей еще впереди.

Говоря о причинах чтения или нечтения детей, я бы выделила три важных момента. Во-первых, это физическая возможность получить книгу в разных регионах страны. Очень часто разговор о том, читают ли наши дети, сводится именно к этому.

Во-вторых, это душевные возможности детей не только прочесть текст, скользнув по нему глазами, но и воспринять произведение, «пережить» его, сделать нравственные выводы. Сейчас, когда все спешат, и школьники тоже, многие из них просто не в состоянии действительно освоить, пережить все литературные произведения, которые включены в школьную программу.

И третье, может быть, самое главное – это желание подростков читать без понукания взрослых, без давления школьной программы, а для души. Именно с мотивацией чтения дела у нас в стране обстоят не лучшим образом.

В связи с этим возникает вопрос: а какие цели мы, взрослые, ставим перед собой, приобщая детей к чтению? Один из самых популярных ответов – чтобы они стали начитанными. Получается, мы делаем упор на количестве, а не на качестве чтения. Но

ведь начитанность – не самоцель. Важны те нравственные уроки, которые человек вынесет из чтения, поскольку именно литература способна воспитать не только интеллектуальную, но и гуманистически ориентированную личность.

На мой взгляд, две первые проблемы, о которых я говорила, разрешить нелегко, но возможно, поскольку эти проблемы уже осознаны и ими уже занимается наше книготорговое и издательское сообщество и должна заниматься такая мощная структура, как система образования. А вот у третьей проблемы – нежелания читать – нет «ответственной» структуры. Над ее разрешением должно работать все общество – родители, школа и, конечно, библиотеки.

Думаю, что никто не будет спорить с тем, что книгой, чтением детей нужно «заражать», увлекать, делиться своей собственной радостью чтения. Для этого необходима фигура посредника, который не только знает и любит (это обязательное условие!) литературу, может о ней увлеченно рассказывать, но и готов к сотрудничеству с ребенком (это второе обязательное условие). И конечно, нужны сами книги и информация о книгах. Информация для детей должна включать в себя фактографические сведения о книге и об авторе, пусть и не в таком объеме, как для взрослых, но главное – она должна быть эмоционально окрашена, потому что желание читать – это чувство, и у детей его еще нужно пробудить.

Путь ребенка к книге через посредника, которому доверяешь и поэтому принимаешь его рекомендацию – родителя, учителя, библиотекаря – встречается наиболее часто. Но ни в коем случае нельзя упускать из виду тех детей, которые самостоятельно тянутся к книге, не встречая особого понимания у своего окружения. Их нужно поддерживать, предоставляя им максимум возможностей обращения к книге. Не исключено, что именно такие дети со временем составят интеллектуальную элиту нашей страны, став активными членами гражданского общества и бизнеса.

Библиотекари по роду своей деятельности тесно связаны с информацией. Для людей нашей профессии не пустой звук слова о том, что в XXI веке миром будет править тот, кто имеет доступ к актуальной, тщательно проверенной и структурированной информации.

Но сама по себе информация не возникает ниоткуда. Ее нужно «добывать», с ней нужно работать. Встает вопрос о подготовленных кадрах, которые способны создавать и анализировать информацию без потери ее качества. В условиях информационного общества (общества знаний) такими подготовленными должны быть все граждане без исключения. На мой взгляд, сейчас как национальный проект можно рассматривать развитие человеческого потенциала нашей страны.

Можно возразить, что до построения общества знаний еще очень и очень далеко. Действительно, когда именно будет построено такое общество, «науке не известно». Но нет сомнения, что время от открытия, изобретения до внедрения его в практику необыкновенно уменьшилось. Пример – даже не эволюция, а прямо-таки революция в создании компьютеров, мобильных телефонов и других электронных средств коммуникации. Сейчас чуть не любой ребенок умеет жать на кнопки гораздо лучше взрослого. Единственный плюс взрослых – они лучше детей представляют, что от этих устройств хотят получить. Дети примут как данность любую информацию, которая заложена в мультимедийное устройство, а взрослые анализируют информацию и выбирают именно ту, которая им нужна.

В стране планируется диверсификация экономики, переход к экономике инновационной. Для того, чтобы поднимать такую экономику, нужны квалифицированные кадры. В их воспитании большая роль принадлежит библиотекам, которые сохраняют и передают следующим поколениям накопленные знания и культурные традиции страны. Таким образом, на первый план будет выходить просветительская функция библиотеки, воспитание «человека читающего».

Информационная грамотность сейчас является уже не столько целью, сколько средством получения образования. Заметим, что речь идет о грамотности в широком смысле этого слова, которая позволяет успешно жить и работать в современном информационном мире. В свою очередь, образование влияет на качество жизни отдельного человека и всего общества. Именно поэтому ООН рассматривает грамотность взрослого населения наряду с уровнем продолжительности жизни в качестве индекса человеческого развития.

Индекс развития человеческого потенциала используется с 1993 г. ООН в ежегодном отчете по развитию человеческого потенциала. При его подсчете учитываются 3 вида показателей: средняя продолжительность жизни; уровень грамотности взрослого населения страны и совокупная доля учащихся; уровень жизни, оцененный через ВВП на душу населения в долларах США.

Как же обстоят дела с индексом человеческого развития в нашей стране? Сосредоточимся на уровне грамотности населения. Несмотря на очевидную значимость данной проблемы, всероссийского исследования функциональной грамотности и неграмотности взрослого населения до сих пор не проводилось. Однако имеются данные переписи населения, проведенной в 2002 г. Согласно ее данным, уровень образования россиян в целом вырос. Но, вместе с тем, численность молодых людей в возрасте 16–29 лет, имеющих только начальное образование, увеличилась с 1989 г. Больше, чем в 2 раза и составила полмиллиона человек. 70% из них не учатся вовсе. В перспективе эти молодые люди имеют много шансов стать функционально неграмотными взрослыми.

Еще один ракурс проблемы – это снижающийся уровень образования российских школьников, который просматривается по итогам международных тестов PISA. Согласно результатам этих исследований, российские школьники имеют низкий уровень сформированности общеучебных умений – организовывать собственное познание, управлять познавательным процессом, в том числе работать с текстовой информацией.

Ключевой целью исследования являлось получение данных для ответа на вопрос: «обладают ли учащиеся 15-летнего возраста, получившие общее обязательное образование, знаниями и умениями, необходимыми им для полноценного функционирования в обществе?». По результатам, полученным в 2003 г., в области компетентности в решении проблем 43% российских учащихся обладают умениями, которые отвечают требованиям XXI века к квалифицированной рабочей силе. Значит, у 57% российских учащихся таких умений нет. Данные цифры подводят нас к выводу – для того чтобы Россия заняла достойное место в мире, необходимо обратить пристальное внимание на развитие человеческого потенциала нашей страны, в том числе формирование такого базового умения, как чтение и способность оперировать информацией.

Посмотрим на психологические установки учащихся, их отношение к чтению. Около половины всех 15-летних, участвовавших в исследовании во всех странах, имели положительное отношение к чтению. В России только 42% учащихся согласились с высказыванием о том, что чтение – одно из их любимых занятий. 31% проценту наших пятнадцатилетних подростков, по их ответам, трудно дочитать книгу до конца. 57% учащихся отметили, что они читают только для того, чтобы получить нужную им информацию. 13% школьников указали, что они никогда не читают художественную литературу по собственному желанию, а 16% вообще считают чтение пустой тратой времени.

Что могут делать библиотеки, чтобы воспитать у подрастающего поколения потребность в чтении? В первую очередь работникам библиотек нужно осознать и донести до своих читателей (в том числе и до родителей) стратегическую важность приобщения к чтению. Эффективное чтение очень сильно влияет на жизнь ребенка. Оно дает подрастающему поколению шанс изменить свою судьбу к лучшему, воспользоваться возможностями, которые предоставляют социальные лифты, повысить свою «капитализацию». Пусть работники

библиотек не пугаются таких «рыночных» формулировок. Современный ребенок живет в прагматичном мире, часто он – сознательно или неосознанно – мыслит такими категориями, которые и не снились в детстве его родителям. Чтение не только создает возможность добиться внутреннего личностного развития (как правило, для ребенка это не так очевидно, как для подготовленного взрослого), но и обеспечивает реальный шанс сделать карьеру, реализовать себя как личность. Думается, что об этом обязательно нужно говорить детям, особенно подросткам, чтобы сделать чтение модным, вытеснить привычный сейчас образ читателя-«ботаника».

Мы должны уяснить себе, что прежняя ситуация с чтением ушла навсегда и возврат к ней не представляется возможным. Изменилась обстановка в стране, изменился читатель, на первый план у людей вышли другие приоритеты. Поэтому обязательно нужно анализировать ситуацию, которая была, но не ставить себе задачу воспроизвести прежние условия, при которых статус чтения был высок. Необходимо сделать выводы и постараться понять, какие действия, какие мотивы будут значимы для современных людей – без правильных, но трудновыполнимых призывов и лозунгов. Если мы пойдем по пути призывов, мы проиграем «битву за читателя».

Рано или поздно страна придет к тому, что в человеческий капитал будут инвестировать средства, а стало быть, государство на практике поддержит тезис о важности чтения. Это уже поняли родители, которые вкладывают немалые деньги в образование детей, видя в хорошем образовании их обеспеченное будущее. Но давно замечено: только деловое чтение и настрой на карьеру не обеспечивают всестороннего развития личности. Когда человек реализуется лишь в какой-то одной выбранной области, остальные его возможности остаются нераскрытыми. У такого человека меньше шансов для того, чтобы почувствовать себя счастливым, а ведь именно к этому в конечном итоге стремится каждый.

Дети, юношество – это наиболее восприимчивая и обучаемая часть человечества. Использование всех возможностей детской библиотеки поможет подросткам стать образованными, культурными, творческими, социально ценными личностями, которым предстоит жить и работать в информационном обществе, обществе знаний. И чтение, и общекультурные привычки сегодняшних детей – это основа культуры и экономики завтрашнего дня. В таком плане воспитание «человека читающего» становится одним из главных условий развития человеческого потенциала нашей страны.

Спасибо за внимание.

Т. Л. Манилова

Спасибо большое, Евгения Владимировна. Следующий докладчик – Эльна Александровна Орлова, директор Института культурной антропологии Государственной академии славянской культуры. Прошу Вас.

Э. А. Орлова

Уважаемые коллеги! Прежде всего, хочу сказать, что я теоретик. Практической работой на местах я в принципе не занимаюсь, но к Программе поддержки и развития чтения отнеслась с большим интересом и с огромным удовольствием принимала участие в этом проекте.

Начну я с очень любопытных для меня теоретических рассуждений. Первая идея – концептуализация развития общества или динамики общества и культуры – принадлежит Питириму Александровичу Сорокину. Он выделяет в рамках каждой культуры как некой целостности четыре этапа ее существования. Первый период – это период сакральный, где все социальные отношения удерживаются как освященные свыше, как данные свыше и не нарушаемые. Второй период – социальный, некая светская нор-

мативность, когда есть рефлексия по поводу того, что мы создаем нормы сами, что в этом нормативном порядке необходимо жить, ему необходимо следовать и любой выход за рамки влечет за собой негативные социальные санкции. Третий период – рациональный, когда начинается осмысление того, что на самом деле происходит с социальными нормами, почему происходит отклонение от них, когда они полностью десакрализируются. И, наконец, четвертый период – период гедонистический, когда приходит осознание того, что можно не только придерживаться норм, но нарушать их, потому что мы сами их создаем. Это период индивидуализации, который рассматривается как культурный кризис. Если на рубеже XIX–XX веков основной тенденцией в чтении было образование, т.е. рационализация; в 60-е гг. XX века – просвещение, т.е. рефлексия, то на рубеже XX–XXI веков сплошь шло чтение как развлечение. Эти показатели, наряду с экономическими, политическими и т.д., свидетельствуют о кризисном состоянии в культуре.

Сопоставляя теорию кризиса Сорокина и некоторые наработки, связанные с технологическими инновациями, мы можем сказать, что наша Программа поддержки и развития чтения является как раз той локальной инновацией, которая совершенно закономерно возникает в период культурного кризиса. Я полагаю, что Программа сейчас не может иметь общенационального статуса, она достаточно локальна. Ей стоило бы придать статус экспериментальной, и привлекать к ней нужно и можно только тех людей, которые к этому готовы, которые согласны работать. Любое навязывание не приведет ни к каким позитивным результатам.

Это первое. Кроме того, я хочу сказать о некоей идеологии разработок, которые мы вели в этом направлении. Существует две стратегии решения социально значимых проблем. В конце 60-х гг. в мировой социальной науке была очень популярна общая теория систем. Согласно данной теории, отношения между взаимодействующими сторонами должны носить системный характер с четко расписанными функциями, с жестко закрепленными и четко установленными связями, с поддержанием этих отношений, с поддержанием устойчивого состояния системы.

С середины 70-х гг. стал популярен так называемый конструктивистский подход, провозглашавший, что не нужны устойчивые системы, которые постоянно функционируют. На уровне человеческого общества это значит, что для решения какой-то проблемы заинтересованные люди собираются, а после нахождения решения эта общность распадается, и уже другие контролируют последствия. Ровно то же самое на концептуальном уровне. Нет единственно верной теории, которая помогала бы нам решить абсолютно любую проблему. Поэтому разумнее не придерживаться единственной теории, а выбрать из разных теорий то, что поможет эффективно решить конкретную проблему. Я ничего не имею против системного подхода, но именно конструктивистская идеология полностью соответствует культуре постмодерна. В этой культуре бессмысленно пытаться воссоздать некоторую классическую, целостную модель мира. Поэтому, если мы хотим что-то делать, что-то решать реально, необходимо адаптироваться к той культуре, в которой мы находимся. И в наших разработках прослеживается конструктивистский подход в том смысле, что каждая из рекомендаций имеет некоторое самостоятельное значение. При желании можно использовать целиком весь блок и выстраивать некоторую последовательность шагов, а можно заниматься решением проблемы, к примеру, только на уровне библиотеки или только на уровне СМИ. У каждого из участников есть свобода выбора, возможность выстроить свою схему действий по продвижению чтения, используя данную совокупность разработок.

Идеология Программы позволяет выстраивать общую систему или выявлять отдельные проблемные зоны и находить решения на некотором локальном уровне. Именно поэтому она подходит для разных регионов. Мы выделили на идеально типическом уровне работы с чтением регионы с зонами роста, регионы с точками роста и регионы депрессивные. Чтение нужно продвигать не только в зонах роста, но и в социально и культурно депрессивных регионах. И в каждом из регионов начинать стоит ровно с того, к чему готовы люди.

Еще один вопрос – это содержание той информации, с которой мы сегодня имеем дело. Есть информация, есть доступ к ней, но никто не отслеживает, какая именно информация циркулирует сегодня в обществе и что люди с этой информацией делают. Я социолог, социальный культурный антрополог. Я знаю, что сегодня в социальных науках столько проверенного, достоверного, знания, ответов на очень многие вопросы. Почему это не используется? И ведь научное знание интерсубъективно, это тот культурный код, с помощью которого мы легко можем общаться. Однако для его понимания у нас сегодня радикально не хватает социально-научного образования, не хватает культурной компетентности. А культурную компетентность можно повысить только через чтение (причем мы уже говорим не только о чтении е книги, но и чтение с экрана компьютера).

В нашей программе поддержке чтения речь идет о том, что аудитория дифференцирована. Мы все время повторяем одно и то же: к разным читателям обращаются по-разному. С моей точки зрения, целесообразно создавать экспертные группы, для определенных читательских сообществ. Если мы знаем распределение людей по типам поселения, по социальным слоям, внутри этих слоев – по группам, связанным с общекультурной и читательской компетенцией, то мы уже представляем себе, какие экспертные группы нам нужны и сколько. Это позволит читателям определить, какие источники стоит читать, где содержится та информация, которая им сегодня нужна. И еще один момент. Есть такое понятие, как социальная мобилизация. Мне кажется, сегодня нужно думать о том, как в условиях достаточно сильно распространенной социальной депрессии начать эту социальную мобилизацию. Спасибо.

Вопрос из зала

Может быть, есть смысл построить некоторую идеальную модель того, чего мы хотим?

Э. А. Орлова

Абсолютно с Вами согласна. Когда я работала над материалами в рамках Программы, я опиралась исключительно на наш российский опыт. Блестящих идей очень много, но они не систематизированы. У меня возникла мысль, что можно на этой основе предложить пусть не одну идеальную типическую модель, а, предположим, 3–4, подготовить некоторую монографическую работу и запустить ее в качестве учебного пособия, по крайней мере для наших вузов культуры, для библиотечных факультетов.

Т. Л. Манилова

Еще есть вопросы? Спасибо большое, Эльна Александровна. Следующий наш докладчик – Виолетта Яковлевна Аскарлова, руководитель Центра чтения Челябинской государственной академии культуры и искусств. Пожалуйста.

В. Я. Аскарлова

Дорогие коллеги. Так получилось, что мы сегодня все отгаливаемся от доклада уважаемой Наталии Зоркой. Я давно слежу за трудами Левада-Центра, считаю, что это лучший социологический центр России. Но меня кое-что смутило. На мой взгляд, в сегодняшней ситуации в сфере чтения есть и позитивные изменения. Они не отражены в цифрах, но повседневные наблюдения показывают, что в сравнении с 90-ми гг., когда страна была ввергнута в пучину хаоса, люди изменили свое отношение к чтению в лучшую сторону, в большей степени осознают его необходимость. Люди заявляют о своем желании читать, хотят знать о лучших книгах и иметь возможность их приобрести. Но насколько мы готовы им помочь?

В начале этого столетия наша кафедра проводила небольшое социологическое исследование – «Читающий подросток в фо-

кусе разнообразных представлений». Тогда дети говорили, что они читать не хотят, читать сейчас не модно, им неохота «париться» над книгами и т.д. Сейчас ситуация совершенно другая – многие дети хотят читать. Но кто может рассказать детям и их родителям об интересных книгах? Таких людей в стране крайне мало. Вузы культуры практически прекратили подготовку специалистов для детских и школьных библиотек. В педагогических вузах есть очень небольшой курс детской литературы на факультете, который готовит учителей для начальных классов. Надежда на филологов? Филологи говорят о литературе по-своему, на своем языке. Еще в 70-е гг. были проведены исследования, которые показывали, как по-разному массовый читатель и профессиональный эксперт в области литературы оценивают литературные произведения – используют различные аргументы, критерии оценки, слова для выражения своего отношения. У меня такое ощущение, что с тех пор ничего не изменилось, просто количество людей, которые говорят о литературе, книгах – в том числе и высоким стилем, стало намного меньше.

Сейчас, мне кажется, необыкновенной остроты проблема – организация культурного посредничества. Вряд ли правильно говорить, что родители не хотят учить своих детей читать. С кем из родителей ни поговоришь – один и тот же вопрос: «Какие книги и где купить моему ребенку?» У нас в Челябинске Центральная городская детская библиотека в последние полгода стала проводить каждое воскресенье городские родительские форумы. Порой библиотекари жалуются: «Родители к нам не ходят». Еще как ходят! Каждый раз это несколько десятков человек. Естественно, в случае, когда родители видят, что имеют дело с некомпетентным библиотекарем, который сам плохо ориентируется в литературном процессе, они тихо благодарят и уходят. А если родители каждое воскресенье приходят – им есть что послушать и есть что сказать самим. Это значит, что библиотека располагает тем ресурсом, который им необходим.

Размышляя над тем, что происходит в нашем обществе, я разговариваю со студентами, брожу по сайтам Интернета, по мо-

лодежным форумам. Это так интересно! Что пишут молодые? Они размышляют: «Вот, наверное, читать-то не так уж скучно, ведь наши отцы и деды читали, ведь что-то они в этом находили». Они думают над тем, надо ли читать: «А что, читать снова модно? А что, читать интересно? Ну-ка, посоветуйте что-нибудь». Специалистам в области чтения совершенно необходимо изучать, как молодые люди рекомендуют друг другу книги, какие используют аргументы рекламы, на какие признаки литературы опираются. Они объясняют на своем языке, почему нужно прочитать именно эти книги, что они о них думают, сообщают об отзывах других людей. Молодые люди приводят отрывки из произведений, которые им наиболее интересны, сравнивают книги с музыкой, дают им эмоциональные оценки, сообщают, где их можно найти и т.д. И это срабатывает, у таких форумов очень высокая посещаемость. Эти попытки читательского самоопределения молодых людей указывают на определенный вакуум между ними и профессионалами в сфере литературы и чтения.

По сути, сейчас российская читающая публика занимается саморегуляцией читательской деятельности. Я очень болезненно среагировала на фрагмент сегодняшнего доклада Н. Зоркой, где речь шла о том, что институты книжного дела (равно как СМИ и многие другие) оказывают минимальное влияние на содержание чтения. Следовательно, мы сами не умеем говорить о книгах, не выполняем экспертную функцию. Мы недостаточно ориентируемся и в современном литературном процессе, и в проблемах чтения на российском и региональном уровнях. Конечно же, необходимо накопление регионального банка данных о чтении, потому что сейчас мы работаем «на пальцах».

Думаю, что для того чтобы вернуть людей в полноценное чтение, как раз самое время использовать социально-психологические механизмы моды – заражение, подражание, идентификацию. Каждый социальный институт здесь может занять свое место, выявить свои специфические особенности. Например, библиотеки. Замечательная Центральная городская

библиотека Екатеринбургa создает буклеты «Модное чтение». Вы не представляете, насколько интересно людям знать, какие книги в моде! Эти буклеты рвут из рук. А некоторые библиотеки Удмуртии разворачивают книжные выставки «Читать модно». Я совершенно случайно узнала о том, что в одной интернет-компании Челябинска создан неформальный клуб, в котором люди обсуждают книги. Организовал это дело руководитель компании: все сотрудники читают определенные книги, потом собираются и обсуждают их. Если кто-то уклоняется от обсуждений, он теряет свое лицо, его перестают рассматривать как человека, который работает над собой. Почему библиотеки не участвуют в подобной деятельности? Ведь здесь самое время порекомендовать, какие книги читать, включиться в обсуждение и т.д.

У школ свой ресурс, свой потенциал. Начав работать со школами, мы выяснили, что учителя (причем учителя гуманитарного лица!), к сожалению, не знают современной литературы. Когда преподаватель нашей кафедры прочитала лекцию для школьников о новой литературе, к ней обратились педагоги: «Будьте добры, сделайте то же для учителей». И преподаватель с удовольствием повторила эту лекцию для них. Все развели руками: «А мы, оказывается, не знаем современной литературы». И дети с удовольствием на все это откликнулись, стали просить ксерокопии книг, о которых шла речь, начался интенсивный книгообмен между учителями и школьниками. Есть классы, в которых дети замечательно читают, и стимулирует это дело педагог. У нас есть педагоги, у которых в классе читают все, и контакт по поводу книги и чтения поддерживается потом на протяжении долгих лет. Вот чудесный проект, который заслуживает освещения и всемерной поддержки: класс учителя, у которого читают. Мы организовали радиопередачу о таком учителе. Это же замечательный пример для подражания. И, кстати говоря, учителя как раз могут использовать такие социально-психологические механизмы общения для интенсификации чтения в классе.

Подобный опыт накоплен в школах Соединенных Штатов, Великобритании, Германии. Например, рядом с классной доской вывешиваются ключи. Когда ученик прочитает 50 страниц, на его ключ вывешивается звездочка; прочитает 500 страниц – ему уже разрешается на его читательской майке поместить какой-то рисунок. И к концу года он свою майку гордо демонстрирует: я много прочитал, я умный! Взрослые дают детям сигнал, что читать – это престижно, читать – это хорошо, тот, кто читает, заслуживает уважения. Наши челябинские школы подхватили подобную практику. Когда в 2007 г. проходил Год чтения в Челябинской области, образовательная система живо откликнулась. Педагоги стали проводить конкурсы между классами («Самый читающий класс», «Самый читающий ребенок») и конкурсы взрослых («Учитель, который всегда рядом», «Учитель, который хорошо рассказывает о книгах», «Школьный библиотекарь, который оказывает всемерную поддержку чтению»). И это все тоже срабатывает, потому что таких людей выводят на сцену, о них говорят с восхищением. Обществу демонстрируют: это правильно, так делать хорошо, это элемент социального нормотворчества, это то, что формирует уважительное отношение к тому, кто читает, умеет говорить о книгах, побудить к чтению других.

Вчера на секции, связанной с деятельностью СМИ, меня очень расстроили слова уважаемого мной Александра Архангельского о том, что на телевидении очень трудно продвигать чтение и книгу. Первый, второй каналы, мол, совершенно на такие вещи не реагируют, а у телеканала «Культура» слишком узкая аудитория. Это не совсем так. Здесь все дело в тенденции, и она позитивна, потому что аудитория телеканала «Культура» с каждым годом расширяется. Причем втягиваются в просмотр интеллектуальных телепередач люди, которые раньше не интересовались этой проблематикой. Я это вижу даже по студентам. Им начинаешь рассказывать о цикле «Фабрика памяти», проходит неделя-другая – и уже они мне начинают рассказывать, что увидели на телеканале «Культура».

Поэтому роль этого канала огромна. И я думаю, если сейчас 60 % населения смотрит этот канал, это не **только** 60, это **уже** 60 %. Через год-два это уже могут быть 70–80 %. У других каналов тоже колоссальные возможности. Я прекрасно понимаю, что нельзя так вот впрямую начать заниматься пропагандой книги и чтения, как это делалось в 20–30-е гг. (Хотя эти годы в последние время постоянно всплывают в памяти. Я вспоминаю слова Покровского о том, что нужно иметь в библиотеке модные книги для «разводки» читателей, уметь к каждой теме «привязать» книгу и т.д.) Если говорить о телепередачах, то ведь это можно все делать не «в лоб». Например, почему бы на демонстрации модной одежды у какой-нибудь симпатичной модели не появиться в руках книга? Почему бы не показывать молодого человека с книгой в руках, а не с банкой пива? Ведь смогли же внедрить в городскую среду, в городскую культуру манеру ходить с сигаретой и банкой пива. Почему не внедрить культуру на ношение книг? Возможностей великое множество.

Завершая, еще раз обозначу три самые острые, на мой взгляд, проблемы. Первая – накопление регионального банка данных о состоянии чтения. Вторая – подготовка специалистов, разбирающихся в проблемах чтения и компетентных в рецензировании, экспертировании литературного потока. И, наконец, третья – это отработка различных экспериментов, которые направлены на пропаганду книги и чтения. Для того, чтобы сделать опыт немногих специалистов достоянием большого круга профессионалов, совсем недавно, в августе, мы задумали проект (я вчера уже упоминала о нем на секции), который охватывает уже не только одну область или край, а Большой Урал, Уральский федеральный округ. Мы назвали его «Поддержка и развитие чтения на Большом Урале: библиотечный локомотив». Необходимо соединить разнообразные достижения; в Челябинске накоплен успешный опыт масштабной программно-проектной деятельности, в Екатеринбурге проводятся любопытнейшие эксперименты в Мастерской чтения, в Ханты-Мансийске хорошо развиты

информационные технологии, в Озерске великолепно работают со школами. Вот это все нужно собрать воедино, создать условия для взаимопользования инновационных находок. И тогда, может быть, нам удастся разработать не идеальную, но оптимальную модель поддержки и продвижения чтения, которую уже можно будет распространить на Россию. Главное – не увлекаться шумными, громкими, затратными фестивалями; мы уже научились выбивать барабанные дроби, собирать людей на площадях. Сейчас важно наращивать знания в области литературы и внимательно присмотреться к тому, что происходит в чтении на уровне отдельных групп и конкретных людей, обогатить содержательную работу по стимулированию читательской активности новыми приемами и технологиями. Так что, пожалуй, ключевая проблема – это наращивание профессиональной компетентности. Спасибо.

Вопрос из зала

Можно предложение к руководителям программы? Есть ли возможность, почему бы не поставить в план будущей работы создание социальных роликов для продвижения проблемы чтения на ведущих телеканалах – Россия, Культура? Ведь социальные ролики – это тот инструмент, который пока еще не задействован. Долгие ток-шоу не все люди выдерживают (телевизионщики это признают), а некая работа с сознанием и подсознанием телевизионными средствами – это тоже поле, которое еще пока не освоено. Здесь есть возможность достойно представить эту проблему, по крайней мере для молодых.

В. Я. Аскарова

Думаю, что ролики проблему не решат, главное – содержательная точечная работа. Я ничего не отвергаю, но считаю, что сейчас время углубленной содержательной работы.

Е. И. Кузьмин

Примерно год назад мы с Эльной Александровной Орловой разговаривали о том, что мы делаем, для чего делаем и что у нас получается. Эльна Александровна мне сказала: «Вы же работаете исключительно на совершенствование инфраструктуры. Но вот в Англии была и инфраструктура прекрасная, и реклама, и библиотеки, и книжные магазины, а народ не читал. Что в Англии делали? Нарращивали компетентность тех конкретных людей, которые работают с читателями: школьных учителей, библиотечарей. Вот если мы им дадим необходимые знания, создадим систему, при которой эти знания, умения работать с читателями будут наращиваться, тогда дело и пойдет». Спорить с этим невозможно. Но дело в том, что плюс к этому нам в России необходимо одновременно работать еще и над инфраструктурой, и над рекламой, и над PR-программой. Ведь за что нихватишься, у нас почти ничего нет. Системный кризис – он и есть системный кризис. Спасибо, Виолетта Яковлевна.

Т. Л. Манилова

Нет больше желающих задать вопрос? Хорошо. У нас остался последний доклад. Сергей Владимирович Волков, главный редактор газеты «Литература – Первое сентября». Пожалуйста.

С. В. Волков

Добрый вечер, уважаемые коллеги. Я вообще-то школьный учитель, работаю с детьми, преподаю литературу и русский язык, а редактором стал «по недоразумению». Когда я участвую во всех наших обсуждениях, то все больше и больше вижу, что чего-то важного нам не хватает. Я прочитал рекомендации для системы образования, которые издал МЦБС, и понимаю, что педагоги закроют их на третьей странице. Вы сами поставили еще один

барьер в дополнение к существующим, создав громоздкий наукообразный текст. Если бы записать все так же, как Эльна Александровна сейчас рассказывала, набрался бы зал учителей, которые бы говорили: «Пожалуйста, продолжайте». Что же получается и почему я так пессимистично сейчас настроен?

Вчера, после нашего творческого вечера, мне позвонили, пригласили прийти на программу Гордона и поговорить о фильме «Все умрут, а я останусь». Я не знаю, кто из вас видел этот фильм, он только что вышел на экраны. Фильм про 14-летних подростков, учеников 9-го класса. Что показано? Показана московская школа, Строгино, наше время. Показаны дети и подростки, которые производят такое впечатление, что человечество как огромное сообщество, прошедшее какие-то этапы культурного развития, вообще им неведомо. Все взрослые, которые в этом фильме показаны глазами 24-летнего режиссера, недавнего тинейджера, – это старые, неслышащие подростка люди. В фильме нет ни одной книжки, в фильме нет вообще ничего, что напоминает культуру – не только у детей, но и у взрослых. Показан мир, который абсолютно заброшен. И это Москва, не периферия! Меня придавило, как могильной плитой. Снято специально так, чтобы не было расставлено никаких акцентов, словно документальный кусочек: «Вот, смотрите».

Вы можете этому не верить. И как же верить, когда я только что слышал о том, какие мы с вами реализуем программы чтения, как наши дети участвуют в одном конкурсе, в другом? И родители им читают на ночь, и масса проектов есть – каждый из нас об этом говорил. Но ничего этого в том мире, который нам показали подростки в ответ, не существует. А существует колоссальный разрыв. И сегодня Виолетта Яковлевна натолкнула меня на такую мысль. Я сразу и остро почувствовал: мы не такие, как они. Но «мы» – это первое лицо, «они» – третье, а между ними в грамматике еще есть второе лицо – «вы». Вот это самая тяжелая проблема – как из «они» сделать «вы», т.е. собеседников. Первое желание: «Я вообще не хочу этих подростков видеть». Но они же где-то должны учиться, они же приходят к

каким-то учителям, они должны социализироваться, с ними что-то в массе происходит. Фильм – про нас. Мы для них «они», и диалога не возникает.

Все это я рассказал, чтобы донести одну мысль (и в этом смысл моего внедрения как представителя сферы образования в вашу среду): мы должны перестать устанавливать барьеры. Их и так много. Мы должны научиться работать вместе. В частности, когда поднимается проблема тандема «библиотеки – образование», совершенно ясно, что образование – это многосоставная вещь. Дошкольник, детсадовец, аспирант – это все система образования. И невозможно выстраивать работу, минуя все эти ограничения. Библиотека должна по-разному общаться с детским садом, с университетом и со школой.

Поскольку я работаю со школьником, меня волнуют проблемы, о которых говорится в исследованиях Левада-Центра. Я понимаю, что это исследование должно обязательно попасть в среду образования. Даже если там не все цифры верные, они хоть заставляют остановиться и задуматься. Да, они повторили то, что писали 7 лет назад, но повторили горькие слова, что ответственность за состояние дел лежит на «уставшей» интеллигенции. А интеллигенция уставать не должна. Мы теряем читающих детей в возрасте от конца начальной школы до выхода из школы средней. И я хотел бы, чтобы мы вместе – пусть это будут социологи, пусть это будут такие блестящие ученые, как Эльна Александровна, пусть это будут практики – исследовали, почему. Для меня вопрос о том, почему падает интерес к чтению в этот период, совершенно прагматический – я хочу понять, что в этом падении зависит от моих усилий и усилий моих коллег. Я знаю точно, что доля вины лежит на нас, потому что мы не умеем быть детям интересными как люди вообще и как люди, приносящие книги, в частности.

Почему мы сделали этот желтый сборник, который вам положили в комплект материалов? Потому что мы вам хотим показать, что творится за дверями закрытых классов. Ведь мы

все отправляем детей в школу, школа пожирает колоссальное количество их времени. А что там с ними делают? Когда закрывается дверь кабинета, вы же остаетесь за рамками. Мы хотели открыть дверь класса, чтобы вы зашли и увидели, что там делается. Конечно, мы взяли лучшие образцы, но посмотрите, посмотрите, как сейчас в педагогической среде умеют приобщать к книге. Может быть, это поможет вам, может быть, вы найдете такие же слова, как и эти учителя.

И у меня большая просьба. Это взгляд изнутри, из той зоны, которая является закрытой. Мы нашли дверку в систему образования, открыли. Давайте попробуем эту зону описать и исследовать. Пусть социологическое исследование будет направлено и туда. Падает культура чтения или интерес к чтению. Расшифруйте мне, что это значит. Они читают меньше количественно? Они читают хуже? Тогда как это измерить? Они читают не то, что мы хотим? У нас недавно в школу пришел комплект книжек, которые изданы в рамках премии «Заветная мечта». Лучшие детские писатели, которые отобраны в том числе детьми. В первые два года изданы 14 отличных книг. Писатели писали, премию организовали, деньги получали, книги напечатали, доставили в каждую библиотеку, и они в школьной библиотеке стоят на полке. А библиотекарь говорит: «Я не знаю, что дальше делать». И система образования не очень понимает, что вы ей можете предложить такого, чего она сама делать не умеет. Чему такому библиотекарь может научить учителя-словесника, чего он не умеет сам делать? Я не вижу этого. Рассказать о современных книгах библиотекарь умеет так же, как и учитель. Если он сам читает, то знает. Это не от его профессии зависит. Методы работы с детьми он ему не подскажет. Я не очень понимаю, как вы продвигаете книгу, ведь мне, чтобы понять, какую этому ребенку книгу дать, надо в буквальном смысле прожить много недель рядом с ребенком, чтобы его узнать. А к вам он залетает и говорит: дайте чего почитать. И как вы ему что-то даете?

Я прошу вас подумать над одной идеей. Давайте сделаем диск с броским названием «Что может и чего не может совре-

менная библиотека» и в каждую школу направим. Покажите, что вы умеете, только именно в расчете на систему образования. Чтобы я за 15 минут понял вашу презентацию и сказал: «Да, это есть!» Пока система образования является для вас заказчиком. Мы даем ученику задание, и он должен, придя в библиотеку, найти материал для этого задания. Все! Именно поэтому я предлагаю сделать рабочий яркий, современный диск, который показал бы возможности библиотеки.

Я считаю, что именно Министерство культуры и Федеральное агентство по печати как два ведомства, которые по факту оказались инициаторами и локомотивами Национальной программы поддержки чтения, должны инициировать продолжение социологических исследований, в том числе в зоне чтения школьника. Если вы проанализируете учебные тексты, скажем, по русскому языку и по литературе, если вы проанализируете тексты ЕГЭ, которые предлагаются для тренировки учеников, вы увидите, какое колоссальное количество текстов посвящено проблеме чтения. Но они все выдержаны в таком жутком ключе: «Дети! Чтение приобщит вас к высотам человеческой культуры. Читайте душой! Откройте ваши юные сердца навстречу культуре!...» Я авторам учебников говорю: «Придите в класс и попробуйте это с детьми изучить». Они открывают текст ЕГЭ, там опять нотации на тему того, как надо читать. Они идут к вам в библиотеку и вы им выставляете, сами того не ведая, слоган, который для них стоит в этом же ряду. Их уже воротит от призывов к чтению, они ими окружены в учебных текстах – но вы-то этого можете и не знать и считаете свой слоган очень свежим: «Читать – это модно!» Ну и много ли подростков купилось?

С книгой ведь надо перед учеником «станцевать». Я сколько «танцую», знаю максимум 10 книжек, которые цепляют детей. Вот ты о ней рассказал как бы невзначай, а они говорят: «Как, как она называлась?» Вы же невольно воспроизводите всю ту риторичку, которая им надоедает в школе. Это, еще раз повторюсь, нужно описать, выявить и, самое главное, предъявить тому, кто является для системы образования внешним челове-

ком. Именно внешним, ведь вы увидите то, в чем у нас взгляд «замылен». Поэтому я очень прошу продолжить социологические исследования в этой области. И третье мое предложение: мы – учителя литературы и библиотекари – должны собраться вместе и в рамках семинаров наконец друг на друга посмотреть в работе. На этом, позвольте, я закончу свое выступление.

Е. И. Кузьмин

Сергей Владимирович, не уходите с трибуны. Я хочу отметить один момент. Нельзя всех участников конференции опознавать как библиотекарей. Здесь собрались энтузиасты, которые хотят работать, представители той самой «уставшей» интеллигенции. Здесь как раз люди из разных сфер. И нам нужно серьезно думать о том, как наладить наше взаимодействие.

С. В. Волков

Вы абсолютно правы, Евгений Иванович, и мое выступление не было направлено против кого-то в этом зале. Более того, ведь за год, который прошел за время нашего общения, мы сделали не только вылазку на вашу территорию, показав, как смогли, школу в нашем сборнике статей. Мы ведь и школьных учителей призвали задуматься над проблемами чтения. Они понятия не имеют о том, что есть Национальная программа поддержки и развития чтения, они всем этим занимаются сами, потому что по-другому не могут. Мы выпустили целый номер газеты, посвященный книге, поддержке чтения и Национальной программе развития чтения, чтобы учителя об этом услышали. Мне кажется, если бы здесь присутствовали те учителя, чьи статьи вошли в наш сборник, это было бы интересно и помогло бы наладить горизонтальные связи.

Вопрос из зала

Сергей Владимирович, хотя я и библиотекарь, которых Вы здесь так сегодня критиковали, но я хочу сказать, что мы тоже живем не на необитаемом острове. И я думаю, что сейчас каждый сидящий в зале, особенно детский библиотекарь, скажет: ничего бы не смогла сделать детская библиотека, если бы у нее не было теснейшего контакта со школой. Это абсолютно точно. Столько теплых, добрых слов, которые мы получаем от учителей, от учителей словесности в том числе, наверное, мы не получаем ни от кого, даже от родителей, которые приводят к нам своих ребятшек. Но вместе с тем, каждая такая конференция заставляет задуматься. Было высказано совершенно роскошное предложение о совместных семинарах для библиотекарей и учителей словесности. Я Вас уверяю, грамотные, хорошо подготовленные библиотекари сегодня могут дать учителям очень много. А к Вам у меня такой вопрос. Сергей Владимирович, у Вас наверняка есть дети, а Вы сами с ними в библиотеку ходите?

С. В. Волков

В библиотеке не были давно. Я сам отношусь к тому слою общества, у которого библиотека гораздо больше тысячи томов, и пользуюсь для приобретения книг книжным магазином и Интернетом. Но твердо знаю одно: если я не делаю никаких шагов, они читать перестают. Это точно. Проблема в том, что учителя литературы в массе своей, оставаясь один на один с ребенком и с книгой, в результате отвращают его от книги. Есть большое количество учителей литературы, которые не умеют работать. Надо их учить. И библиотекарей надо учить. И лучших библиотекарей и лучших учителей литературы соединять для того, чтобы друг друга учили. Я целиком и полностью согласен, что у вас есть блестящие люди, как и везде. Просто поймите отличие: к вам люди приходят по доброй воле, и это маленький процент населения, а к нам гонят всех. Представьте, что в музей или

в театр обязали бы ходить всех. Как бы себя чувствовал этот самый работник музея? Да он бы взвыл и сказал: не надо, пусть ко мне придет тот, кто пришел по зову души. Мы работаем в стрессовой ситуации, потому что охватываем всех. И иногда вредим больше, чем может компенсировать Национальная программа поддержки чтения. Именно поэтому нужно понять, что происходит за нашими дверями и отрицательного, и положительного. Мы пока показали положительное.

Е. И. Кузьмин

Для семинара предлагаю конференц-зал нашего центра, с Вас 10 школьных учителей, с нас – 10 детских библиотекарей.

С. В. Волков

Уже есть площадка, и можно просто попробовать это сделать в марте-апреле 2009 г. Наш издательский дом седьмой год проводит День учителя литературы и День школьного библиотекаря в рамках марафона педагогических предметов. День учителя литературы состоится 14 или 15 апреля, а в марте будет День школьного библиотекаря. Приходите, мы можем сделать там эту общую секцию, пожалуйста. Там бывает до 1000 человек. Можно посмотреть в комплексе на все и со всеми поработать. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Дорогие друзья, мне кажется, что всем, кто досидел до конца, было интересно слушать друг друга и общаться в кулуарах. Тема чтения, как показывает жизнь, сулит много интересного всем, кто хочет посвятить часть своей жизни этой проблематике. Естественно, что «много интересного» – это не только радостное удовлетворение, но и масса сомнений, конфликтов, непони-

мания и прочего. Эльна Александровна Орлова предложила называть нашу программу не национальной, а экспериментальной. Мы с Татьяной Львовной Маниловой помним, что все крупные национальные проекты, которые Отдел библиотек Министерства культуры осуществил и продолжает осуществлять, были именно экспериментальными. Кто 15 лет назад знал, как строить сеть Либнет? В 1992 г. начали об этом говорить, в 1997 что-то про это начали понимать. Национальный информационно-библиотечный центр «Либнет» возник только в 2000 г. А сейчас есть огромное количество библиотек, которые уже не могут жить без Либнета. Это совершенно новая реальность, это новый класс. Упразднить Либнет – значит погрузиться опять в каменный век. Точно так же Национальная программа сохранения библиотечных фондов.

Аналогичным образом, по-видимому, будет обстоять дело и с Национальной программой чтения. Видно, что идет движение вперед, но видно также, что сегодня навязать никому ничего невозможно. Да и не нужно навязывать. Но можно предпринимать усилия и обрести единомышленниками. Мы это и называем Национальной программой. Если вдруг руководство Минкультулы вместе с руководством Роспечати уговорят Минфин и Минэкономики, что посреди финансового кризиса нужно открыть новую линию на финансирование Национальной программы чтения, и у них это получится, это будет неслыханное счастье. Но, опять же, этими деньгами нужно еще уметь грамотно распорядиться.

Можно все деньги потратить на что-то одно, например, на то, чтобы в каждую публичную библиотеку доставить по 10 новых книг. Для этого нужно где-то 150 долларов на одну библиотеку, а библиотек таких 40 тысяч. Если взять еще школьные библиотеки (их у нас 60 тысяч), то получится пятнадцать миллионов долларов. Надо покупать книги в библиотеки? Надо. Но ведь ясно, что покупка 10 книг один раз в год ничего не решит. К тому же в целом по стране сегодня организовать такое финансирование невозможно. Нет таких политических подходов и экономических механизмов. Но процесс идет, и это самое главное.

Сейчас у нас по программе дискуссия. Дискуссия короткая, посвященная обсуждению итогового документа. Проект у вас у всех есть. Мы его в большей или меньшей степени обсуждали на секциях. У нас есть в письменном виде предложения по внесению дополнений в этот документ. Я бы попросил авторов этих дополнений их озвучить.

В. Я. Аскарлова

Я уже говорила в своем выступлении о том, что нужно добиться возобновления централизованных социологических исследований в национальных библиотеках России и создания в областных и краевых универсальных научных библиотеках научно-исследовательских структур, ориентированных на сбор соответствующего эмпирического материала. Второе положение связано с подготовкой высококвалифицированных специалистов в области чтения в вузах культуры. Особенно необходимы в вузах культуры усиление читателеведческой подготовки педагогов и развитие технологий, связанных с продвижением книги и чтения. Подчеркиваю, что нужно говорить не просто о факультетах библиотечного дела, но о факультетах, осуществляющих подготовку специалистов для библиотек, издательств, книготорговых организаций. И я предлагаю добавить фразу: «Особое внимание необходимо уделить возобновлению в вузах культуры выпуска специалистов для детских, школьных и юношеских библиотек», поскольку это самый катастрофический участок работы.

Е. И. Кузьмин

Спасибо. Евгения Владимировна.

Е. В. Куликова

Те предложения, которые я давала вчера на секции, вполне конкретные, мне кажется, в решении писать не нужно, их нужно осу-

ществовать. А в документе я бы предложила обозначить высшую цель, добавить несколько слов: развитие человеческого потенциала и инновационная экономика. Мне кажется, они цепляют.

Т. Л. Манилова

Спасибо. Друзья, если у кого-то еще позже появятся мысли, если сейчас вы не сможете свои идеи четко сформулировать, присылайте предложения в МЦБС в течение недели. Через неделю последняя редакция – и выпускаем.

Е. И. Кузьмин

А если у вас есть какие-то материалы, давайте их печатать не только во внутренних документах, а на сайтах. Давайте делать перекрестные ссылки друг на друга, устанавливать межсекторальное взаимодействие.

Валерия Дмитриевна Стельмах, пожалуйста.

В. Д. Стельмах

Я уже переслала свои предложения к рекомендации, которые касались секции СМИ, в которой я принимала участие. Я глубоко убеждена, что мы неправильно себя позиционируем по отношению к медийному сообществу (как впрочем, и по отношению к государству и к публичным людям) и считаю, что инициатива должна исходить от нас. Поэтому предлагаю внести в эти рекомендации пункт о создании специальной программы или подпрограммы (формулировку мы уточним в рабочем порядке) продвижения книги и чтения в СМИ. Хватит ждать, пока медийные люди обратят на нас внимание и начнут делать замечательные и потрясающие программы о книгах и о чтении на центральных каналах. Такое, я думаю,

будет не скоро. Это наша задача как профессионального сообщества. Кроме того, я считаю, что дальнейшая наша общая работа должна заключаться в том, чтобы усилить, с одной стороны, методическую или организационно-методическую составляющую программы, а с другой – региональную.

Второе предложение связано с исследованием Левада-Центра. Сегодня здесь были представлены данные, на основании которых могут быть выстроены теоретические конструкции происходящих в обществе социальных и культурных процессов, на которых базируется модель современной культуры. Мое конкретное предложение заключается в том, чтобы подобные исследовательские проекты были осуществлены в регионах. Тогда мы сможем понять, насколько дифференцирована картина чтения и литературной культуры в поселениях разных типов, в столицах и в селах, на Дальнем Востоке и в центральных регионах. И тогда у нас появится действительно дифференцированное понимание того, что же на самом деле у нас сегодня происходит не только в целом по стране, но и в отдельных ее частях.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Валерия Дмитриевна. Я думаю, что будет правильно, если мы здесь сформируем редакционную группу для работы над этим документом. Я хотел бы, чтобы Валерия Дмитриевна Стельмах, Евгения Владимировна Куликова, Татьяна Львовна Манилова вошли в ее состав.

Мы выполнили все задачи, которые стояли перед этой конференцией. Могу сказать, что я получил колоссальное удовлетворение, колоссальную пищу для размышлений. Это, мне кажется, одна из наиболее интеллектуальных конференций, на которых я когда-либо участвовал. Я искренне вам всем признателен.

Т. Л. Манилова

Я не буду оригинальна и повторю то, что сказал Евгений Иванович. Спасибо вам большое. Я тоже получила колоссальное удовольствие от встреч с теми, с кем я знакома, и от знакомства с другими, неизвестными мне раньше людьми. С такими людьми больше нигде не встретишься, только здесь. Я хочу, чтобы вы не теряли оптимизма. Мне кажется, не такое уж наше дело безнадежное. Пока вы все этим занимаетесь, оно обречено на победу. И я нам всем желаю этой победы. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

А я хочу от имени всех участников выразить большую признательность Министерству культуры, отделу библиотек и архивов, Татьяне Львовне Маниловой лично, равно как и уважаемым коллегам из Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за возможность провести эту конференцию, тем более в Президент-Отеле.

Еще раз всем спасибо.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ (РЕЗОЛЮЦИЯ)

II Всероссийской конференции
«Национальная программа поддержки
и развития чтения: проблемы и перспективы»
(20–21 ноября 2008 г., Москва, Президент-Отель)

Участниками II Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» стали руководители федеральных министерств и ведомств, субъектов Российской Федерации, ведущих общероссийских СМИ, учреждений культуры, образования, науки, издательств, организаций книжной торговли, писатели и журналисты.

Конференция проанализировала результаты проведенного по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям комплексного социологического исследования «Чтение в России–2008», подвела итоги текущего этапа реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, обсудила проблемы и перспективы развития деятельности в сфере чтения.

Участники конференции, с одной стороны, с удовлетворением отметили, что на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном – деятельность по продвижению чтения набирает обороты, а в целом ряде регионов начали разрабатываться и реализовываться соответствующие региональные программы.

С другой стороны, результаты исследования «Чтение в России–2008» показывают, что усилий, предпринимаемых как властью, так и всем профессиональным книжным сообществом, недостаточно для того, чтобы можно было говорить о начале преодоления системного кризиса чтения в России. По сравнению с 2005 годом ситуация в этой сфере ухудшилась по всем параметрам.

Национальная программа поддержки и развития чтения, явившись важным шагом на пути осмысления причин этого кризиса и поиска возможностей выхода из него, пока еще не стала мощным и эффективным инструментом поддержки чтения.

Деятельность по продвижению чтения нуждается в более широкой, нежели сейчас, политической, общественной и информационной поддержке, в адекватном финансировании, в современном методологическом и научно-методическом сопровождении, требует повышения квалификации работников всех институтов инфраструктуры поддержки и развития чтения – библиотек, образовательных учреждений, организаций книжной торговли, издательств и СМИ.

В массовом порядке эффективную работу по продвижению чтения, формированию необходимого уровня читательской компетентности населения могут осуществлять только высококвалифицированные специалисты. Их нужно целенаправленно готовить – прежде всего, на факультетах библиотечного дела и журналистики, в педагогических вузах.

Вопросам чтения должно уделяться особое внимание в культурной и образовательной политике. Необходимо признание важности Национальной программы поддержки и развития чтения на уровне не только отдельных федеральных ведомств, но и руководства страны в целом, региональных администраций; придание ей статуса государственной программы.

Конференция считает, что для обеспечения успешной работы по продвижению чтения как важнейшего способа освоения знаний, механизма поддержания и развития родного языка, необходимо организовывать и всемерно развивать конструктивное взаимодействие всех участников этого набирающего силу процесса на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, выявлять и распространять передовой опыт в данной области.

Конференция просит Министерство культуры Российской Федерации и Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям активизировать усилия по реализации Национальной программы, предпринимаемые ими в инициативном порядке, и настойчиво призывает Министерство образования и науки Российской Федерации, органы власти субъектов Российской Федерации, общественные и творческие организации, бизнес-структуры включиться в реализацию Национальной программы поддержки и развития чтения.

Необходима обширная, комплексная, финансово обеспеченная система мер поддержки чтения, русского языка, современной художественной, научной и научно-популярной литературы. Эти меры должны закрепляться в специальных политических документах и программах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, реализовываться государственными и негосударственными институтами.

Конференция заявляет о том, что поддержка и развитие чтения – это важнейшая общенациональная задача, которая должна стать новым ответственным направлением национальной политики не только в области культуры, но и в сфере образования и массовых коммуникаций.

Межрегиональный центр
библиотечного сотрудничества

**Межрегиональная общественная организация
«Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества»
(МЦБС) основана в 1995 году.**

Основные направления деятельности:

- ◆ Участие в формировании и реализации национальной политики в области поддержки и развития чтения
- ◆ Участие в реализации государственной библиотечной политики
- ◆ Подготовка аналитических докладов
- ◆ Создание информационно-образовательных медиацентров для детей и юношества на базе детских и детско-юношеских публичных библиотек России
- ◆ Организация и проведение конференций, семинаров и круглых столов
- ◆ Проведение стажировок работников российских и зарубежных библиотек
- ◆ Издание и распространение профессиональной литературы по проблемам развития библиотечного дела, культурной и информационной политики
- ◆ Благотворительное комплектование библиотек
- ◆ Организация коллективных стендов региональных и федеральных библиотек России на профессиональных выставках-ярмарках

МЦБС выполняет функции рабочего органа Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех».

Адрес: 105066, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр.1
Телефон: +7 (495) 267-33-34
Факс: +7 (495) 657-96-20
Эл. почта: mcbs@mcbs.ru
<http://www.mcbs.ru>

**Национальная программа поддержки и развития чтения:
проблемы и перспективы**

Материалы II Всероссийской конференции
(Москва, 20–21 ноября 2008 г.)

Редакторы-составители: *Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова,*
Корректор *Е. Г. Сербина*
Компьютерная верстка *И. М. Горюнов*
Ответственный за выпуск *С. Д. Бакейкин*

Издатель:

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС)
105066, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр. 1
Тел.: +7 (499) 267-3334, факс: +7 (495) 657-9620
E-mail: mcbs@mcbs.ru
www.mcbs.ru

Формат 60x90 1/16
Печ. л. 17,5
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Август-Принт»